КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ.

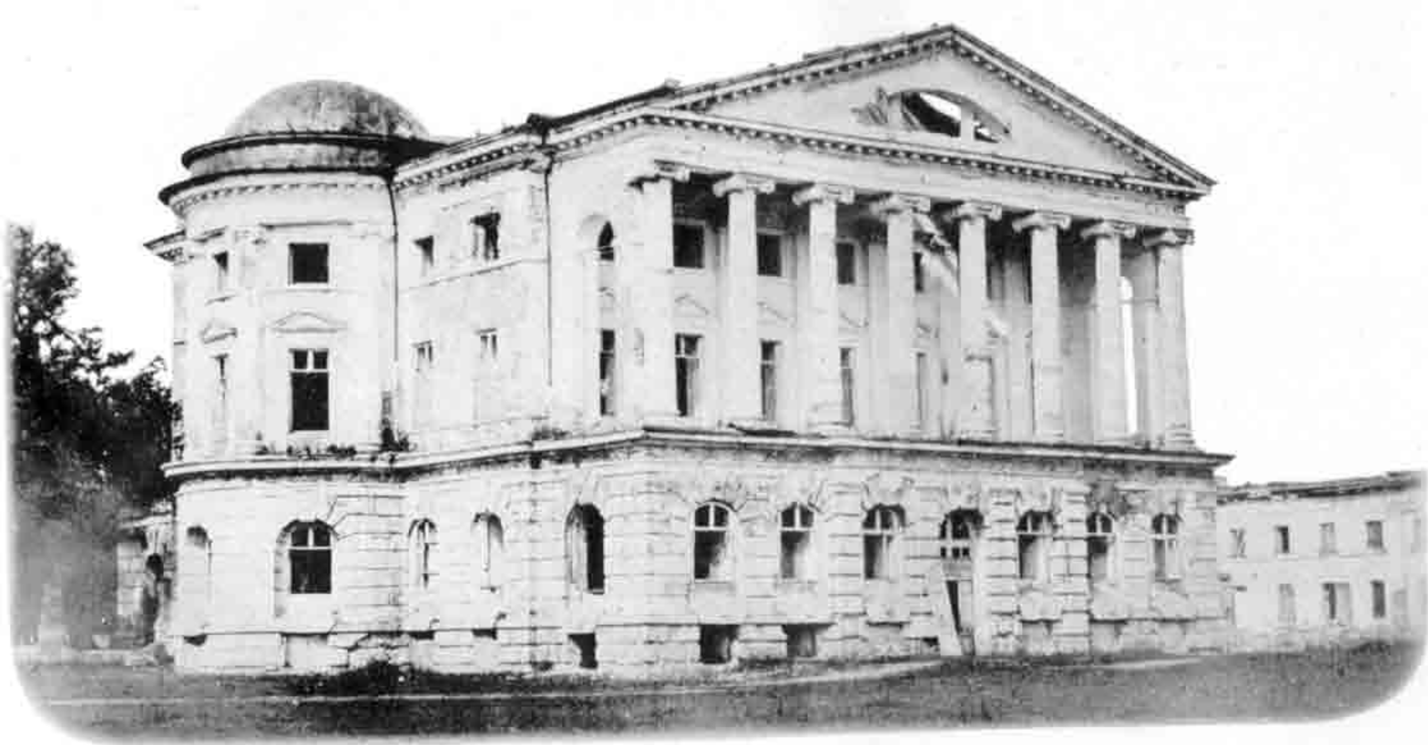
Годъ девятый. ТОМЪ XXXI. **1890 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.



ТЕПЛОВКА.

Путешествіе императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г.

I.

Предположенія о путешествіи въ 1783 и 1785 гг.—Интриги противъ Потемкина.—Рѣшеніе путешествія въ 1787 году. — Приготовленія и распоряженія. — Неудавшееся предположеніе взять съ собою великихъ князей Александра и Константина Павловичей.—Послѣдній придворный вечеръ въ Царскомъ Селѣ.

Путешествіе на югъ Россіи было задумано императрицею Екатериною еще въ 1780 году, и объ этомъ она говорила тогда же императору Іосифу II-му, при свиданіи съ нимъ въ Могилевѣ, и напомнила ему въ 1786 году, когда путешествіе это было рѣшено окончательно [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что желаніе императрицы въ 1780 году видѣть южныя губерніи, было тогда въ тѣсной связи съ ея надеждами на пріобрѣтеніе Крыма, и когда эти надежды, въ 1783 году, осуществились, то весьма понятно, что она, не теряя времени, рѣшила совершить поскорѣе эту поѣздку, и приказала дѣлать всѣ предварительныя распоряженія. Остановка же произошла только отъ полученныхъ свѣдѣній о появившейся чумѣ на южныхъ окраинахъ Россіи. Въ особенности же торопили императрицу враги Потемкина, въ надеждѣ, что она убѣдится лично въ безпечномъ управленіи Потемкина ввѣреннымъ ему краемъ, войсками и растратѣ имъ суммъ.

Главными врагами Потемкина при дворѣ въ это время были Воронцовъ, Безбородко и довѣренное при государынѣ лицо Алек-

[1]) См. Arneth. Joseph und Katharina v. Russland. Wien. 1869.

сандръ Дмитріевичъ Ланской; ихъ агентомъ при императрицѣ была знаменитая княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Сынъ ея, полковникъ, бывшій передъ этимъ дежурнымъ при Потемкинѣ, разсказывалъ императрицѣ о разныхъ неустройствахъ въ войскахъ, о распространеніи чумы вслѣдствіе безпечности и слабаго управленія Потемкина, о томъ что иностранцы, выписанные для населенія пустопорожнихъ земель, всѣ померли за неприготовленіемъ для нихъ жилищъ и всѣхъ удобствъ, что раздача земель производится безъ порядка и съ большими злоупотребленіями и пр. пр. [1]); къ придворной интригѣ присоединился и графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, ненавидѣвшій Потемкина. Румянцевъ, въ донесеніяхъ своихъ о заразительной болѣзни, распространившейся во ввѣренныхъ ему губерніяхъ, обвинялъ Потемкина въ томъ, что распространеніе чумы въ южныхъ губерніяхъ произошло отъ его нераспорядительности и безпечности [2]).

Императрицѣ не нравились эти наговоры на Потемкина [3]), но она сообщила ихъ Потемкину. Раздраженный князь отвѣчалъ въ своемъ объясненіи:

„Еслибы графъ Петръ Александровичъ тѣ порядки въ разсужденіи язвы дѣлалъ у себя, которые предписываетъ моей губерніи, то бы было полезнѣе. Писать и дѣлать—двѣ вещи разныя; я и описаніе его сіятельства вижу и губерніи его также знаю. Приближеніе зимы подаетъ надежду къ уничтоженію въ конецъ язвы, тѣмъ паче, что я скоро буду просить позволенія самому ѣхать. Чѣмъ полагаться на билеты, даваемые отъ моихъ заставъ, не лучше-ли на границѣ малороссійской проѣзжающихъ безъ разбору окуривать? Сіе-бы долженствовало графу Петру Александровичу тотчасъ сдѣлать“ [4]).

До Потемкина доходили свѣдѣнія объ интригахъ,—но онъ въ это время былъ боленъ и не въ силахъ былъ ѣхать въ Пе-

---

[1]) См. Записки Льва Николаевича Энгельгардта. М. 1859.

[2]) Госуд. арх. Бумаги Потемкина, XVI, 800.

[3]) Въ письмѣ къ Потемкину отъ 15 іюля 1783 она пишетъ: „фелдмаршалъ Румянцевъ, какъ и всегда, выискиваетъ разныя неудовольствительныя замашки“. (Р. Стар. Май, 1876, стр. 46).

[4]) Госуд. арх., XVI, 800.

тербургъ. Императрица, какъ будто по предчувствію, что до него могутъ доходить придворныя сплетни, утѣшала его въ письмахъ: „Будь увѣренъ, что никому не подчиню тебя кромѣ себя". (Письмо августа 13, 1783. Р. Стар. 1876, май, стр. 47). Въ другомъ письмѣ: „Сдѣлай милость вспомни въ нынѣшнемъ случаѣ, что здоровье твое въ себѣ какую важность заключаетъ: благо имперіи и мою славу добрую; поберегись ради самаго Бога, не пусти моей просьбы мимо ушей; *важнѣйшее предпріятіе въ свѣтѣ безъ тебя* превратится ни во что". (Письмо отъ 11 сент. 1783. Р. Старина, 1876, май, стр. 49). Любопытно разгадать, о какомъ важнѣйшемъ предпріятіи въ свѣтѣ, напоминаетъ императрица Потемкину?

Депеши иностранныхъ посланниковъ изъ Петербурга къ ихъ дворамъ, особенно прусскаго, указываютъ на какой-то *греческій проектъ*, созданный Екатериною совмѣстно съ Потемкинымъ, и состоявшій, по мнѣнію современныхъ дипломатовъ, въ проектѣ императрицы: изгнать турокъ изъ Европы и возстановить греческую имперію, и что исполненіе этого проекта начнется войною съ Турціею [1]). Можетъ быть, такой проектъ и война съ Турціею и задумывались Екатериною и Потемкинымъ, но къ войнѣ съ Турціею въ Петербургѣ не относились сочувственно ни придворный кружокъ близкихъ людей, ни государственные дѣятели, а личные враги Потемкина, которыхъ было много, особенно потому были противъ войны, что успѣшное веденіе и окончаніе ея возвыситъ еще болѣе ненавистнаго имъ гордаго и самостоятельнаго, своенравнаго свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича.

Между тѣмъ, въ надеждѣ скораго прекращенія чумы въ южныхъ окраинахъ были сдѣланы предварительныя распоряженія о путешествіи императрицы весною 1784 года. Маршрутъ составленъ былъ чрезъ Смоленскъ, Кіевъ, въ Херсонъ, отсюда обратно чрезъ Кременчугъ, Полтаву, Нѣжинъ, въ Черниговъ и обратно. Велѣно было исправлять дороги и устраивать путевые дворцы [2]). 8-го сентября Потемкинъ донесъ императрицѣ, что въ

[1]) Донесеніе прусскаго посланника въ берлинскомъ тайномъ архивѣ.

[2]) Указъ сената Потемкину отъ 7 марта 1783, въ бумагахъ Госуд. арх. XI, 869.

Херсонѣ „прилипчивая болѣзнь еще продолжается". И путешествіе было отложено [1]).

Потемкинъ былъ въ это время боленъ—императрица очень была огорчена. 29 сентября Ланской пишетъ къ нему: „Батюшка Григорій Александровичъ! Вы не можете себѣ представить, сколь чувствительно огорченъ я болѣзнію вашею; несравненная наша государыня—мать тронута весьма сею вѣдомостью и неутѣшно плачетъ... [2]) Въ октябрѣ 1783 императрица сама писала къ нему: „Дай Боже, чтобы ты поскорѣе выздоровѣлъ и сюда возвратился. Ей, ей—я безъ тебя, какъ безъ рукъ весьма часто, паче всего сдѣлай милость побереги себя" [3]).

Потемкинъ, наконецъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, и прусскій посланникъ донесъ 26 декабря 1783 года [4]): „Императрица была недовольна медленностію его (Потемкина) распоряженій и ей наговорили много о неустройствѣ арміи... Графъ Воронцовъ, Безбородко и Ланской много способствовали, чтобъ поссорить императрицу съ Потемкинымъ. Ссора эта продолжалась три недѣли, но теперь Потемкинъ помирился съ Безбородко и императрица благосклонна къ нему по прежнему".

Въ мартѣ 1784 г. Потемкинъ уѣхалъ изъ Петербурга, совершенно покойный, но скоро принужденъ былъ возвратиться по случаю болѣзни императрицы. 25 іюня 1784 г. умеръ Александръ Дмитріевичъ Ланской. Прусскій посланникъ доносилъ своему королю: „Императрица нездорова, въ лихорадкѣ, заперлась въ своихъ комнатахъ и никого къ себѣ не допускаетъ, кромѣ великаго князя и великой княгини и то на нѣсколько минутъ. Послали нарочнаго за княземъ Потемкинымъ. 8-го іюля прискакалъ князь Потемкинъ прямо въ Царское Село, проѣхавъ 1700 верстъ въ 5 сутокъ. Пріѣхалъ также и графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ, вызванный самою императрицею. Силы императрицы были такъ слабы послѣ сильной лихорадки, и

---

[1]) См. письмо императрицы отъ 17 сент. 1783 къ Потемкину. Сб. ист. об., XXVII, 280.

[2]) Въ бумагахъ Госуд. арх. письмо *Ланского* къ Потемкину.

[3]) Сб. ист. общ., т. XXVII, стр. 267.

[4]) Депеша прусскаго посланника въ берлинскомъ тайномъ архивѣ.

нервы были такъ разстроены, что она принимала, сидя за ширмами, и вела разговоръ, не показываясь" [1]).

Весь іюль и августъ мѣсяцы императрица провела въ Царскомъ Селѣ, уединясь такъ, что не приглашала никого къ своему обѣду, что и записано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ изо дня въ день обычною фразою: „обѣденное кушанье ея величество изволила имѣть во внутреннихъ своихъ апартаментахъ на одномъ кувертѣ". Только 17-го іюля въ первый разъ императрица выѣхала прогуляться въ коляскѣ со свою вѣрною камеръ-юнгферою Марьею Савишною Перекусихиною [2]).

Но въ это время, въ тихомолку, незамѣтно для придворнаго кружка, происходила борьба между двумя непримиримыми врагами: Потемкинымъ и графомъ Ѳедоромъ Орловымъ. До 20 августа съ 14 іюля Потемкинъ не былъ приглашаемъ ко двору—но Орловъ постоянно. Съ 20 августа Потемкинъ ежедневно, Орловъ до сентября все рѣже и рѣже [3]). Побѣдилъ Потемкинъ и Орловъ, уѣзжая въ Москву, написалъ къ своимъ роднымъ и друзьямъ, что, несмотря на оказываемую ему дружбу императрицею, онъ уѣзжаетъ, не будучи въ силахъ бороться съ Потемкинымъ [4]). Орловъ, какъ видно изъ Камеръ-фурьерскаго журнала, съ 20-го августа былъ все рѣже и рѣже приглашаемъ къ императрицѣ, а въ сентябрѣ ни разу—и, по словамъ посланника, уѣхалъ 14 октября 1784 изъ Петербурга.

Пока разыгрывалась борьба у Потемкина съ Орловымъ, при дворѣ было какое-то уныніе, всѣ чего-то боялись, чего-то ждали и никто не могъ предвидѣть, чѣмъ все это кончится; приближенные съ большимъ страхомъ смотрѣли на душевное настроеніе императрицы отъ потрясенія нервовъ ея при неожиданной смерти Ланского... Петербургъ также стихъ, увеселеній не было, шепотомъ передавали другъ другу о происходящемъ въъ Царскомъ Селѣ.

---

[1]) Донесеніе посланника отъ 20 іюля 1784.

[2]) См. Камеръ-фурьерскій журналъ, 1784 годъ.

[3]) См. К.-ф. ж. 1784.

[4]) Изъ донесенія прусскаго посланника, за № 450.

Вдругъ, 5-го сентября, въ 8 часовъ вечера, загремѣла пушечная пальба съ обѣихъ крѣпостей, съ Адмиралтейской и Петропавловской. Вѣсть, неожиданная какъ молнія, пролетѣла по всему городу: императрица возвратилась на жительство въ Зимній дворецъ! Какая была тому причина остается загадкою — извѣстно только, что 5-го сентября въ 7 часовъ вечера въ Царскомъ Селѣ императрица приказала камердинеру своему, Бразинскому, приготовить къ подъѣзду у парадной лѣстницы, передъ китайскимъ подъѣздомъ, двухмѣстную карету, запряженную въ шесть лошадей, и затѣмъ сѣла въ нее съ камеръ-фрейлиною Анною Степановною Протасьевою и приказала ѣхать въ Петербургъ, прямо въ Зимній дворецъ.

Въ первое же воскресенье, 8-го сентября, въ первый разъ съ послѣднихъ чиселъ іюня, императрица, по принятому обыкновенію, явилась передъ дворомъ—приглашены были и „чужестранные министры"—всѣ по прежнему приносили поздравленія „съ днемъ воскреснымъ и жалованы къ рукѣ". Прежній порядокъ придворной жизни возобновился, съ прежнею его обстановкою [1]).

Смерть Ланского, болѣзнь и нервное состояніе императрицы, длившееся до переѣзда ея 5-го сентября изъ Царскаго Села въ Петербургъ, мѣшали Потемкину настаивать на путешествіи ея въ Крымъ, котораго онъ теперь самъ желалъ; но, когда время взяло свое, когда императрица успокоилась и начала заниматься дѣлами, Потемкинъ настоялъ и 26-го сентября 1784 объявлено указомъ сенату, а 3-го октября рескриптомъ Потемкину, что предположено путешествіе императрицы въ апрѣлѣ 1785 года черезъ Смоленскъ, отсюда водою въ Кіевъ, и до мѣстечка Новые Кайдаки, а отсюда сухимъ путемъ въ Херсонъ [2]) и въ таврическую область. Обратный путь назначенъ былъ чрезъ Полтаву, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій, Мстиславль и Смоленскъ. При этомъ, между прочими распоряженіями, для сбереженія подводъ и лошадей, приказано было придворной конторѣ распорядиться такъ, чтобы „столы не во множествѣ блюдъ состояли и не въ

---

[1]) См. К.-ф. ж. 1787 г.

[2]) См Высоч. повел. въ Придв. арх. въ д. Трощинскаго, кн. 154.

особенно мѣлкихъ", но чтобъ ѣства были большею частію простыя и сытныя, и чтобы на оныхъ столахъ вовсе не было дессерта, исключая большихъ городовъ, гдѣ предназначалось пробыть нѣсколько дней. Въ Смоленскѣ предположено было остановиться три дня, въ Кіевѣ восемь дней, въ Кременчугѣ два дня, въ Херсонѣ 2 дня. Всѣхъ станцій предполагалось 174 [1]).

Но путешествіе не состоялось, отложено на неопредѣленное время, по случаю продолжавшейся еще чумы.

Въ сентябрѣ 1785 г. правитель екатеринославскаго намѣстничества доносилъ, что за Кубанью въ наврузовскихъ аулахъ появилась моровая язва. Въ маріупольскій уѣздъ пропускъ прекращенъ. Въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ и вездѣ по границамъ приняты карантинныя мѣры. Октября 29 онъ же донесъ, что въ Бендерахъ и Балтѣ открылась заразительная болѣзнь. Въ Очаковѣ также моровая язва. (Госуд. арх. XVI. 799).

27 ноября 1785 Румянцевъ доносилъ „въ нѣкоторыхъ селеніяхъ кіевскаго уѣзда оказалась на людяхъ неслыханная болѣзнь, которая начиналась тошнотою, рвотами, круженіемъ въ глазахъ и въ головѣ, и одержимые оною чувствовали во всемъ тѣлѣ необычайную тяжесть, вялость и томность, и затѣмъ корчило руки и ноги и у нѣкоторыхъ оныя отгнили и отпали. Медики признаютъ причину болѣзни отъ употребленія рожковъ черныхъ и недозрѣлой ржи [2]). По случаю отмѣны Румянцевъ перевелъ въ Кіевъ построенныя въ Смоленскѣ галеры [3]). 23 декабря 1784 года Безбородко увѣдомилъ объ отмѣнѣ и Потемкина [4]).

Наконецъ, въ началѣ 1786 года получены были свѣдѣнія, что заразительная болѣзнь прекратилась въ южныхъ губерніяхъ и путешествіе окончательно рѣшено на 1787 годъ. 2 марта 1787 г. въ указѣ сенату объявлено: „Имѣя намѣреніе, съ Божіею помощію, въ генварѣ будущаго 1787 года воспріять путешествіе наше по новой порховской дорогѣ чрезъ Смоленскъ,

[1]) Тамъ-же.
[2]) Госуд. арх. XVI. 742.
[3]) Письмо Румянцева къ Безбородку. Госуд. арх. XVI. 742.
[4]) Въ Придв. арх., д. Трощинскаго.

Новгородъ-Сѣверскій, Черниговъ, въ Кіевъ, оттуда, по вскрытіи водъ, на судахъ по Днѣпру до Новаго-Кайдака, гдѣ назначено быть губернскому городу Екатеринославлю, отъ сего же мѣста сухимъ путемъ въ Херсонъ, область таврическую и возвратно черезъ Черкасскъ, Бахмутъ, Изюмъ, Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тулу и Москву, повелѣваемъ: *Первое*: для проѣзда нашего поставить на каждомъ стану отъ С.-Петербурга до Кіева по 550 лошадей; отъ Екатеринославля до Херсона, въ таврической области и оттуда до Харькова по 420 лошадей, а отъ Харькова до здѣшней столицы по 550 лошадей. *Второе*. Хотя шествіе наше отъ Кіева къ Екатеринославлю и будетъ на судахъ, но для курьерскихъ посылокъ и другихъ надобностей имѣть на каждой станціи, по Днѣпру лежащей, по 12, а въ городахъ по 30 лошадей. *Третіе*: Сенату нашему сдѣлать распоряженіе о поставкѣ лошадей, наблюдая, чтобы одна губернія предъ другою не понесла излишней тягости, чтобъ нарядъ лошадей былъ равномѣрный, кромѣ самыхъ отдаленныхъ намѣстничествъ, чтобы потребное для прокормленія ихъ заготовлено было и чтобъ гдѣ возможно уменьшить число переводомъ изъ однѣхъ станцій на другія. *Четвертое*. Относительно же шествія нашего на судахъ, такожъ карауловъ и прочаго, даны будутъ отъ насъ особые указы нашимъ генераламъ фельдмаршаламъ графу Румянцеву-Задунайскому и князю Потемкину“.

Несмотря на указаніе, чтобъ одна губернія предъ другою не понесла излишней тягости, сенатъ призналъ отдаленными губерніями только иркутскую, колыванскую и тобольскую; такъ что изъ *Колы*, причисленной къ архангельской губерніи, назначены были также пять лошадей для путешествія императрицы.

Румянцеву также даны приказанія (6 мая 1786 г.) и, между прочимъ, посланы рисунки путевымъ дворцамъ, при этомъ сказано, что строеніе этихъ дворцовъ предполагается въ тѣхъ единственно мѣстахъ, гдѣ неудобно воспользоваться обывательскими домами; гдѣ же назначены станы для перемѣны только лошадей, тамъ довольно будетъ имѣть по одному или по два чистыхъ покоевъ. Потемкину на путевые дворцы въ ввѣренномъ ему краѣ, еще въ 1783 году отпущено было 130,000 руб., теперь

отпущено на достройку еще 100,000 р. Всѣ дворцы, по распоряженію Потемкина, снабжались изъ Курска и Москвы купленными тамъ: мебелью, посудою и столовымъ бѣльемъ; комнаты обивали разными шолковыми матеріями подъ цвѣтъ мебели [1]). Работы разнаго рода закипѣли по всему протяженію пути, по которому предположена была поѣздка императрицы, въ теченіе всего лѣта, осени и начала зимы 1786 года.

Приготовленія дѣлались, съ Потемкинымъ совѣтовались, но враги не оставляли его и завязалась новая противъ него интрига, во главѣ которой враждебный Потемкину кружокъ поставилъ любимца Екатерины, Ермолова.

Прусскій посланникъ въ Петербургѣ, которому строго предписано было королемъ доносить подробно о всякихъ придворныхъ интригахъ, 1-го мая 1786 г. доносилъ слѣдующее [2]).

„Князь Потемкинъ, одинъ изъ тѣхъ любимцевъ императрицы, который, при обширныхъ замыслахъ своихъ, съ первыхъ дней своего могущества при дворѣ, изучилъ характеръ императрицы и понялъ, что для сохраненія надъ нею своего вліянія, впослѣдствіе, когда придетъ старость, необходимо овладѣть пылкимъ воображеніемъ императрицы и поддерживать это возбужденіе безостановочно, постоянно. Проектъ возстановленія греческой имперіи, можетъ быть, приходилъ на умъ Екатеринѣ, но всего вѣроятнѣе, что онъ вымышленъ Потемкинымъ, и на этомъ то проектѣ онъ создалъ свое возвышеніе и старается поддерживать его. Послѣ кайнарджійскаго мира, Потемкинъ, его клевреты и сотрудники постоянно утверждали, что миръ этотъ не принесъ никакой выгоды для Россіи и что необходимо заключить договоръ съ Австріею, который имѣлъ бы цѣлью изгнать турокъ изъ Европы и создать греческую имперію. Въ 1780 году, во время пріѣзда императора Іосифа II въ Петербургъ, ему говорили объ этомъ, а теперь, когда Іосифъ II самъ вызывается пріѣхать въ Россію на свиданіе съ императрицею во время путешествія ея въ южныя губерніи, теперь Потемкинъ надѣется увлечь императора

[1]) Дѣла Госуд. арх. II, 110. Архив. придв. д. Трощинскаго, 476. и Р. Арх. 1875. т. I, стр. 427.

[2]) Депеши прусск. послан. 1 мая 1786 г. Берлинскій т. арх.

въ это предпріятіе. Но враги Потемкина не дремали и выпустили противъ него новаго врага, Александра Петровича Ермолова. Новичекъ въ придворныхъ интригахъ, научаемый врагами Петемкина, онъ чернилъ Потемкина въ глазахъ императрицы. Однажды императрица, въ разговорѣ съ Ермоловымъ, жаловалась на безпечный характеръ Потемкина. Ермоловъ воспользовался этимъ довѣріемъ императрицы и началъ разсказывать ей о существующихъ будто-бы безпорядкахъ и неустройствахъ во всѣхъ частяхъ управленія, ввѣреннаго Потемкину, и выразилъ сожалѣніе, что императрица никогда не достигнетъ исполненія своихъ благодѣтельныхъ намѣреній и желаній объ устройствѣ вновь пріобрѣтеннаго края, если она оставитъ этотъ край въ управленіи безпечнаго и самовластнаго деспота Потемкина. Ермоловъ прибавилъ, что если бы императрицѣ угодно было спросить Безбородка и Салтыкова, то они подтвердятъ имъ сказанное. Враги Потемкина, черезъ Ермолова [1]), до того оклеветали Потемкина, что она едва-едва не послѣдовала ихъ внушеніямъ: захватить у Потемкина всѣ бумаги и сослать его на жительство въ деревню. (Депеши прусскаго посланника отъ 1 мая 1786 г.).

Наговоры Ермолова не удались. Потемкинъ въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ императрицею снова пріобрѣлъ надъ нею столько вліянія, что Ермоловъ, въ іюнѣ 1786 года, былъ удаленъ отъ двора, посланъ путешествовать за границу, и довѣреннымъ человѣкомъ при императрицѣ явилось новое лицо, преданное Потемкину: пожалованный 2 сентября 1786 г. въ корнеты кавалергардскаго полка флигель-адъютантъ, полковникъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ [2]).

Потемкинъ въ началѣ октября 1786 г. уѣзжаетъ успокоенный; при отъѣздѣ его, 16 октября, въ секретномъ рескриптѣ императрица объясняетъ цѣль своего путешествія: „Если Турція, сказано въ рескриптѣ, не исправитъ оскорбленія, нанесеннаго намъ послѣднимъ ея меморіаломъ, то объявить войну“. По-

---

[1]) Ермоловъ род. въ 1754 г., умеръ въ 1836 г.

[2] Род 19 сент. 1752 г. ум. 29 сент. 1803 г.

темкину, въ такомъ случаѣ, поручалось командованіе всѣми войсками и черноморскимъ флотомъ. Войска двухъ армій должны были подвигаться въ теченіе зимы 1786 года къ турецкимъ границамъ. „Предпріемлемое нами путешествіе (говорится въ рескриптѣ) доставляетъ случай весьма благовидный къ сокрытію до времени прямыхъ причинъ движенія войскъ нашихъ. Вы уже имѣете повелѣніе наше о собраніи войскъ нашихъ, дабы мы могли видѣть и большую часть оныхъ“ [1]). Одновременно съ этимъ рескриптомъ Потемкину назначено на приготовленіе экипажей 15,000 р., и на столъ, покуда онъ будетъ главнокомандующимъ, по 1000 р. въ мѣсяцъ.

Приготовительныхъ распоряженій для путешествія императрицы особенно досталось много на долю придворнаго вѣдомства. Придворная контора должна была озаботиться заблаговременно выбрать вѣрныхъ, и честныхъ и знающихъ свое дѣло придворныхъ служителей; надобно было заготовить и разослать по станціямъ съ благонадежными людьми провизію, посуду, бѣлье и пр., слѣдовало устроить все хозяйство такъ, чтобы всѣ были довольны, начиная съ императрицы и до послѣдней камеръ-медхенъ, которыя всегда были требовательнѣе всѣхъ знатныхъ особъ. Всѣ распоряженія необходимо было соображать въ точности съ утвержденнымъ маршрутомъ, по которому до Кіева назначено 76 станцій и указаны ночлеги, обѣды и время пребыванія. Первый ночлегъ былъ назначенъ въ гор. Лугѣ, потомъ въ Порховѣ, въ Бѣжанцахъ, въ Великихъ Лукахъ, въ гор. Велижѣ, въ Смоленскѣ, въ Мстиславлѣ, въ Кричевѣ, въ м. Чичерскѣ, въ м. Нижнемъ, въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, въ Сосницѣ, въ Черниговѣ, въ Нѣжинѣ, въ Козельцѣ. Въ Кіевѣ пребываніе предположено до вскрытія водъ, и удобнаго времени для судоходства, полагая, что оно наступитъ, примѣрно, между 5 и 12 апрѣля. На плаваніе по Днѣпру отъ Кіева до Кременчуга назначалось отъ двухъ до трехъ дней; въ Кременчугѣ остановиться на два дня; отъ Кременчуга до пороговъ два или три дня. Затѣмъ сухимъ путемъ въ Херсонъ. Первый ночлегъ въ с. Хортицѣ. Въ Херсонѣ предположено про-

[1]) Дѣла канцеляріи Потемкина въ Гл. арх мин. ин. д. Картонъ 565).

быть шесть дней, включая время для поѣздки въ Кингбурнъ. Изъ Херсона назначенъ былъ путь черезъ Бериславль и Перекопъ въ Крымъ: въ Бакчисарай, въ Севастополь, въ Карасу-Базаръ, въ Старый Крымъ, въ Ѳеодосію, въ Старую Линію, отсюда до крѣпости Петровской назначено ѣзды четыре дня. Затѣмъ ночлегъ въ Маріуполѣ и черезъ Таганрогъ, крѣпость св. Димитрія, въ Черкасскъ, въ Азовъ, въ Крестовую Балку, въ Бахмутъ, въ крѣпости Алексѣевскую, Бѣлевскую, въ Харьковъ, Бѣлгородъ, Курскъ, Орелъ, Мценскъ, Тулу, Серпуховъ, Подольскъ и въ Москву. Въ Москвѣ время пребыванія назначено сколько ея величеству заблагоразсудится [1]).

Придворная конюшенная контора хлопотала о путевыхъ экипажахъ. Заготовляли до 200 саней съ кибитками, обитыхъ зеленымъ сукномъ, 56 колясокъ, внутри обитыхъ желтою кожею, на разборныхъ полозкахъ; для посланниковъ нарочито сдѣлано три кареты дорожныхъ, съ мѣховыми мѣшками для ногъ, по случаю зимняго времени (тамъ-же).

Но хлопоты по придворному вѣдомству еще увеличились, когда неожиданно объявлено было, что императрица беретъ съ собою двухъ юныхъ великихъ князей. 12 ноября 1786 г. сообщенъ придворной конторѣ и маршрутъ великихъ князей: изъ Царскаго Села они должны были выѣхать 3-го января, обѣдать въ Колпинѣ и ночевать въ гор. Рожественѣ. 7-го января они пріѣзжали бы въ Порховъ и здѣсь должны были ожидать императрицу. Въ Порховѣ великіе князья должны были оставаться до 11-го числа утра, а императрица, переночевавъ въ Порховѣ 9-го числа, продолжала путь. Въ Кіевъ императрица предполагала пріѣхать въ ночь 25-го января, а великіе князья 3-го февраля. Придворная контора приступила къ распоряженіямъ объ устройствѣ путеваго хозяйства и для великихъ князей во время ихъ поѣздки, но почти передъ самымъ отъѣздомъ императрицы поѣздка эта была отмѣнена.

Великій князь Павелъ Петровичъ и великая княгиня Марія Ѳеодоровна о рѣшеніи императрицы взять съ собою великихъ

---

[1]) Предв. арх. д. Трощинскаго, кн. 165.

князей узнали только тогда, когда Салтыкову, состоявшему при великихъ князьяхъ, приказано было приготовляться къ этой поѣздкѣ. Ихъ поразило это намѣреніе императрицы. Не рѣшаясь объясниться съ нею изустно, они написали письмо, въ которомъ убѣждали оставить при нихъ дѣтей ихъ. Они напоминали императрицѣ то тягостное положеніе, въ которомъ они уже находились при разлукѣ съ дѣтьми, выѣзжая изъ Царскаго Села въ чужіе края [1]); не находили въ себѣ силъ вынести еще подобную минуту; выражали императрицѣ свои сомнѣнія, вынесутъ ли дѣти утомленіе долгаго путешествія въ суровое зимнее время и перемѣну климата, тѣмъ болѣе, что у великихъ князей еще не было болѣзней, обыкновенно свойственныхъ ихъ возрасту: безпокоились, что путешествіе и развлеченія могутъ замедлить успѣхи ихъ воспитанія. „Вотъ, государыня, (оканчивали они письмо свое) вѣрный и откровенный отчетъ о томъ, въ какомъ положеніи сердца наши, а ваше императорское величество слишкомъ справедливы и милостивы, сердце у васъ слишкомъ нѣжно, чтобы вы не снизошли къ мольбамъ отца и матери, которые, послѣ уваженія и привязанности къ вамъ, не знаютъ болѣе сильнаго чувства, какъ любви, связующей насъ съ дѣтьми нашими“ [2]).

Императрица отказала въ просьбѣ великому князю и его супругѣ, и, между прочими причинами, писала въ отвѣтъ: „Дѣти ваши принадлежатъ вамъ, принадлежатъ мнѣ, принадлежатъ и государству. Съ самаго ранняго дѣтства ихъ, я поставила себѣ въ обязанность и удовольствіе окружать ихъ нѣжнѣйшими заботами. Вы говорили мнѣ часто и устно, и письменно, что мои заботы о нихъ вы считаете настоящимъ счастьемъ для своихъ дѣтей и что не могло случиться для ихъ ничего болѣе счастливаго. Я нѣжно люблю ихъ. Вотъ какъ я разсуждала: въ разлукѣ съ вами для меня будетъ утѣшеніемъ имѣть ихъ при себѣ. Изъ пятерыхъ трое останутся при васъ; неужели же одна я, на старости лѣтъ, въ теченіе шести мѣсяцовъ буду лишена удовольствія имѣть при себѣ кого нибудь изъ моей семьи?“ Импе-

[1]) Въ 1782 году.

[2]) Сбор. истор. общ. XV т., стр. 39—40.

ратрица успокоивала, что ни здоровье, ни воспитаніе великихъ князей не пострадаетъ.

Великій князь и великая княгиня въ отвѣтъ просили императрицу взять и ихъ съ собою, а оставить дочерей, которымъ покуда нужны одни лишь физическія попеченія, присутствіе же отца и матери для нихъ не составляетъ еще необходимости. „Мы можемъ обойтись безъ всего и путешествовать налегкѣ, лишь-бы только не быть вдали отъ васъ и отъ сыновей нашихъ. Насъ къ вамъ влекутъ всецѣло сердца наши; это чувства тѣхъ, которые пребываютъ, любезная матушка, вашими дѣтьми: Павелъ и Марія“.

Императрица отвѣчала: „чистосердечно я вамъ должна сказать, что новое ваше предложеніе есть такого рода, что оно причинило-бы во всемъ величайшее разстройство, не упоминая и о томъ, что меншія ваши дѣти оставались-бы безъ всякаго призрѣнія, одни они брошены“. (Тамъ-же).

Великій князь обратился съ письмомъ (16 декабря 1786 г.) къ Потемкину: „Положеніе наше, въ каковомъ мы теперь находимся, князь Григорій Александровичъ, таково, что я разсудилъ открыться вамъ, зная, что вы всегда были расположены оказывать намъ дружбу“. Затѣмъ, объяснивъ объ отказѣ императрицѣ, онъ оканчивалъ письмо свое: „Поступокъ нашъ противу васъ доказать вамъ долженъ довѣренность нашу къ вамъ, и такъ ожидаемъ теперь отъ васъ, чтобы вы намъ съ своей стороны помогли, полагаясь на ваше расположеніе и благоразуміе, довольствуясь даже тѣмъ, если насъ хотя въ Кіевѣ оставятъ“. (Русск. Стар., VII, стр. 667).

Великая княгиня Марія Θеодоровна, со своей стороны и въ тотъ-же день, написала также къ Потемкину: „Князь! Вы часто увѣряли меня въ вашей приверженности и въ томъ, что хотите исполнять мои желанія. Поэтому я довѣрчиво обращаюсь къ вамъ съ этимъ письмомъ. Предметъ онаго такъ сильно меня занимаетъ, что я сочла наилучшимъ поговорить о немъ прямо съ вами. Дѣло идетъ о моихъ дѣтяхъ и уже по одному этому вы понимаете, князь, какую великую услугу вы намъ окажете, если вамъ можно будетъ спасти насъ отъ горестной разлуки

съ ними въ теченіи шестимѣсячнаго путешествія ея величества". Разсказавъ объ отказѣ императрицы въ ихъ просьбѣ и о настояніи ея взять съ собою великихъ князей, великая княгиня продолжаетъ: „Мы все еще надѣялись, что ея величество наконецъ уважитъ наши просьбы, и какъ сыновья мои недомогали одинъ за другимъ, то мы расчитывали, что, можетъ быть, это напослѣдокъ побудитъ ее перемѣнить свое рѣшеніе, но разныя обстоятельства, которыми занимать васъ было бы излишне, показываютъ намъ, что ея величество непреклонна. Мое материнское сердце не смѣетъ предаваться никакой лестной надеждѣ и вы, князь,— единственный человѣкъ, который можетъ помочь намъ. Поддержите у императрицы наши доводы и нашу просьбу"... „Въ случаѣ успѣха, или даже самою заботою вашею объ успѣхѣ этой просьбы, вы пріобрѣтете вѣчное право на признательность нашу. Эти строки, внушенныя материнскимъ чувствомъ, должны служить для васъ ручательствомъ того, какъ много будемъ мы обязаны вамъ, если удастся это дѣло [1])...

Храповицкій, ближній секретарь императрицы, въ оставшихся послѣ него запискахъ, подъ 20-мъ декабря 1786 г. записалъ: „Ни великій князь, ни великая княгиня никуда изъ своихъ покоевъ не выходили. Сія половина находится въ великой печали и Богъ знаетъ, какая тутъ происходитъ разстройка" [2]).

Потемкинъ получилъ это письмо въ Симферополѣ 7 января 1787 года,—писать къ императрицѣ уже было поздно потому, что ея отъѣздъ былъ назначенъ на 6 января, что было извѣстно Потемкину. Однако-же онъ написалъ великому князю: „Прибывъ въ Кіевъ, я не оставлю употребить все, что въ моей возможности будетъ, съ крайнею осторожностію, чтобы не прогнѣвить и тѣмъ бы не нанести вашему высочеству непріятностей". (Тамъ-же стр. 668).

Но дѣло, совершенно неожиданно, приняло другой оборотъ и согласно желаніямъ великаго князя и великой княгини. За нѣсколько дней до отъѣзда императрицы у великаго князя Кон-

---

[1]) Русскій Архивъ. 1879, I, 369—371.

[2]) Записки Храповицкаго.

стантина Павловича появилась сыпь, съ которою опасно было брать его въ путешествіе и, не желая разлучить его съ братомъ, великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, императрица отказалась отъ своего намѣренія.

Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ, очень дружный съ фельдмаршаломъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ, сообщалъ ему о придворныхъ событіяхъ и въ письмѣ отъ 5 января 1787, писалъ ему [1]):

„Къ единственному вашему свѣдѣнію доношу, что великіе князья въ путь не отправляются, по причинѣ, что у Константина Павловича окинула весьма сильно желтуха подъ колѣнями и бываетъ лихорадка; все сіе есть ничего незначуще, но въ путь отправиться опасно и хотя уже рѣшено, что имъ остаться, но еще въ величайшемъ секретѣ".

Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ пользовался особенно довѣренностію императрицы и передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга императрица, 24 декабря 1786 года, особеннымъ рескриптомъ поручила ему главное начальство надъ Петербургомъ, надъ петербургскою губерніею и надъ всѣми войсками, въ городѣ и въ тамошней дивизіи состоящими, на правахъ главнокомандующаго, съ присутствіемъ въ сенатѣ. Приказано доносить о происшествіяхъ разъ въ недѣлю, но объ экстренныхъ съ нарочными. Графу Брюсу при этомъ, до возвращенія императрицы въ Петербургъ, назначено прибавочнаго жалованья по 1000 руб. въ мѣсяцъ. (Прид. арх. д. Трощинскаго № 1299).

31 декабря 1786 года статсъ-секретарь Храповицкій записалъ въ своемъ журналѣ: „убирали бумаги и книги со стола" [2]).

1-го января императрица увѣдомила своего друга въ Парижѣ барона Гримма: „ma table est deja nette et toute prorpe [3])".

Отъѣздъ въ путешествіе назначенъ былъ не изъ Петербурга, а изъ Царскаго.

2-го января 1787 года, въ субботу, собрались въ Зимній дворецъ проститься съ императрицею всѣ придворныя и „знат-

[1]) Госуд. арх XI, 34.

[2]) См. Записки Храповицкаго.

[3]) См. Письма императрицы Гримму, Сб. ист. об., т. XXIII.

ныя обоего пола особы". Прежде всѣхъ откланялись великій князь цесаревичъ Павелъ Петровичъ, великая княгиня Марья Өеодоровна, великіе князья и великія княжны, затѣмъ всѣ прочіе, пріѣхавшіе во дворецъ, и всѣ жалованы къ рукѣ. Въ три четверти 11-го часа утра, императрица съ камеръ-фрейлиною Анною Степановною Протасовою выѣхала изъ дворца въ городскомъ экипажѣ, при пушечной пальбѣ изъ Адмиралтейской и Петропавловской крѣпостей. Въ Казанской церкви приказано было ожидать духовенству, народъ узналъ и толпился на площади. Императрица помолилась въ церкви, приложилась къ иконамъ, и сопутствуемая благословеніемъ духовенства, сѣла въ карету и приказала ѣхать чрезъ Обуховъ мостъ по земляному валу. Здѣсь ожидала шестимѣстная дорожная карета, въ которую пересѣла императрица, приглася съ собою Протасову и нѣкоторыхъ лицъ изъ свиты, которыя слѣдовали за императрицею въ своихъ экипажахъ. Въ Царское Село императрица прибыла въ 2 часа по полудни [1]).

5 января императрица, въ письмѣ къ Николаю Ивановичу Салтыкову, состоявшему при молодыхъ великихъ князьяхъ, выразила свою особенную заботливость о внучатахъ.

„Николай Ивановичъ! (писала императрица) чрезъ сіе подтверждаю я вамъ письменно то, что я уже словесно вамъ приказывала и что болѣе всего лежитъ у меня на сердцѣ, понеже будущее благо мнѣ отъ Бога врученной имперіи и людей отъ того зависитъ, то есть, чтобъ во время моего отсутствія вы непремѣнно наблюдали, слѣдовали и выполняли данный вамъ отъ меня наказъ о воспитаніи моихъ любезнѣйшихъ внуковъ, великихъ князей Александра и Константина Павловичей... Вы о семъ имянемъ моимъ подтвердите господамъ Протасову и Сакену и вообще всѣмъ, при внукахъ моихъ находящимся, прикажите имъ снова прочесть для памяти мною подписанный наказъ и скажите всѣмъ, что я ожидаю отъ всѣхъ непремѣннаго и усерднаго исполненія мною предписаннаго, за что въ свое время надѣяться могутъ достойнаго награжденія по мѣрѣ радѣ-

---

[1]) Камеръ-фурьерскій журналъ, 1787 г.

нія всякаго. Пишите ко мнѣ почаще о здоровьѣ и успѣхахъ ихъ высочествъ и будьте увѣрены о всегдашнемъ моемъ благоволеніи". (Св. 439, пред. Храповицкаго).

6 января, утромъ, пріѣхали въ Царское Село всѣ лица, назначенные состоять въ свитѣ во время путешествія, а къ вечеру приглашенные также сопутствовать императрицѣ иностранные посланники: австрійскій графъ Кобенцель, англійскій Фитцъ-Гербертъ и французскій графъ Сегюръ. Посланники были введены и представлены императрицѣ вице-канцлеромъ, графомъ Иваномъ Андреевичемъ Остерманомъ. Императрица приняла ихъ ласково, но, противъ своего обыкновенія, была задумчива и неразговорчива,—что-то озабочивало ее. Можетъ быть, не сообщенное-ли ей въ этотъ день черезъ Салтыкова желаніе и просьба великаго князя и великой княгини о дозволеніи пріѣхать къ ней проститься въ Царское Село, на которое она отвѣчала: „По природной моей чувствительности, трагедія, прощаніе и разстронутой быть здоровью моему вредно, и для того желаю, чтобъ ихъ высочествы сюда не пріѣзжали; они сами нѣсколько недѣль были больны и у великой княгини всякой день была лихорадка; здѣсь простудиться весьма легко, холодно такъ, что мы шубы цѣлый день не снимаемъ, да и меньшой сынъ у нихъ боленъ; пустыя-же церемоніи въ моихъ глазахъ не имѣютъ ни качества, ни количества" [1]).

Вечеръ 6 января начался довольно скучно. Императрица продолжала молчать; противъ своего обыкновенія, она не приглашала никого на партію картъ или въ шахматы. На выручку скучавшему обществу пришла камеръ-фрейлина Анна Степановна Протасова и предложила играть въ лото. Анна Степановна имѣла страсть къ лото и получила даже прозваніе королевы лото (la reine de loto) въ придворномъ кружкѣ. Она начала раздавать разныя съ смѣшными названіями придворныя должности при своей королевской особѣ. Императрица понемногу развеселилась, и всѣ развеселились, начались неумолкаемые разсказы [2]).

---

[1]) Собственноручная записка Храповицкаго въ Прид. арх.

[2]) Объ *лото* въ этотъ день. См. письма императрицы къ Гримму отъ 29 ноября 1787 г. въ Сбор. ист. общ. т. XXIII, см. также Записки Сегюра, т. III.

Императрица набросала слѣдующую программу эпической поэмы о путешествіи въ Тавриду г. Лоона, т. е. Леона—или Льва Александровича Нарышкина, который постоянно забавлялъ императрицу шутливыми своими разсказами и выходками. Вотъ собственноручная записка императрицы:

Prospectus:

Le voyage en Tauride.

Poeme epique.

Cet ouvrage sortera de presse immediatement après le voyage outremer de Sir Loon.

Sujet du chant premier.

Après la proposition et l'invocation, début ordinaire des poemes epiques; l'auteur commence son recit par l'enumération des preparatifs de voyage. Ensuite il raconte ce qu'en disent les speculatifs, les politiques, les courtisans, les flatteurs, les critiques, les medecins, les militaires, les marins. Liste des noms de ceux qui entreprennent ce voyage. Plaintes des chevaux qu'on place sur la route. Circonstances dans les quelles il est entrepis. Conjectures des papiers publiés à ce sujet. Histoire des villes par les quelles on passera [1]).

Собраніе придворныхъ и посланниковъ и игра въ лото окончились по обыкновенію въ 9 часовъ вечера. Императрицѣ откланялись всѣ до завтрашняго утра, назначеннаго къ отъѣзду, и императрица удалилась во внутренніе свои покои.

Современный поэтъ, Аполлонъ Майковъ, сочинилъ стихи: „*Дифирамбъ, по случаю отъѣзда ея императорскаго величества Екатерины II въ Херсонъ*".

Градетъ россійскихъ странъ царица,
Градетъ изъ сѣвера на югъ!
Чтобъ тамъ благотворить народы,
И жизнь блаженну утвердить,
Безъ капли крови побѣжденныхъ,
Любовью, кротостью, щедротою плѣненныхъ.
—

Гряди россійская Минерва,
Свершить толико славный путь!
Гряди россійская Астрея
Народамъ счастіе творить!
Гдѣ твой любезный зракъ возблещетъ,
Въ очахъ тамъ зрится рай, злощастіе трепещетъ.
—

[1]) Соб. записокъ въ придв. арх.

Къ потокамъ твоея щедроты,
Текутъ изъ всѣхъ народы странъ,
Ты жизнь даешь, отрады новы,
Тебя всѣ божествомъ зовутъ,
Хвалы сердечныя сплетаютъ:
Владыковъ Россовъ ты' и купно мать, вѣщаютъ!

—

Ты всѣмъ намъ милости являешь,
Никто отъ нихъ не отчужденъ,
Ты бѣдныхъ, сирыхъ защищаешь
И хлѣбъ насущный имъ даешь,
Ты царь царей земныхъ зерцало!
Безъ добродѣтелей, одно названье мало.

—

Не пышность сана украшаетъ,
Не блескъ короны выситъ ихъ,
Сіи достоинства всѣ тщетны,
Коль въ сердцѣ нѣтъ ихъ правоты;
Нерона, Тита, зрю въ порфирѣ,
Но что? Одинъ злодѣй, другой прославленъ въ мірѣ!

—

Царей безсмертіе вѣнчаетъ;
Но разны имъ вѣнцы даетъ:
На злыхъ терновый возлагаетъ,
Для добрыхъ лавровый сплетенъ.
Се! жребій вамъ земны владыки!
Екатерина, Петръ и добры и велики!

—

Гряди россійскихъ странъ Минерва,
Свершитъ толико славный путь,
Гряди россійская Астрея
Народамъ счастіе творить!
Гряди премудрая царица
Тебѣ сопутствуетъ Всевышняго десница!

Сочинилъ Аполлонъ Майковъ[1]).

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Рукопись хранится въ архив. прилв.

Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. [1]

(ОКОНЧАНІЕ).

Перейдемъ къ отношеніямъ родителей къ дѣтямъ и обратно. Начнемъ съ отношенія къ „дрибнымъ дитямъ“, потому что здѣсь, какъ и вездѣ, отношенія эти видоизмѣняются по мѣрѣ возрастанія дѣтей, увеличивающейся способности къ самостоятельной жизни и къ спросу на нее.

Вы видывали когда нибудь, читатель, семью отправляющуюся въ поле во время жатвы съ серпами, *торбынкою* съѣстнаго, *боклагомъ* воды, съ *треногамы* для установленія *колыски* и съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ у матери? Если вамъ къ тому случалось провести въ это время ночь въ крестьянской хатѣ, если вы видывали крѣпкій сонъ изнуренныхъ работой, прерванный плачемъ дитяти, спокойное подчиненіе матери данной необходимости, слышали скрипъ *колыски*, качаемой подъ тихое напѣваніе „котка“ изнуренными ея устами, то вы знаете, сколько тихаго и стойкаго самоотверженія вмѣщаетъ въ себѣ мужицкая *don con bambino*. Она, конечно, въ домашнемъ кругу прежде всѣхъ и больше всѣхъ заботится о дитяти; ласку и игры она крадетъ, такъ сказать, у своей трудовой жизни; ей некогда разнѣжиться для препровожденія времени; она не подбираетъ ласкательныхъ словъ, она нерѣдко обратится къ дитяти съ словами: „що-жъ ты, скурвый сыну“, и только добрая ея улыбка даетъ ласкательный смыслъ фразѣ. Среди трудной обстановки

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г, № 10.

повседневной жизни она иногда сурово разбранитъ, а то и побьетъ *дитыну*, но среди труда и забавы мысль ея не разстается, не можетъ разстаться съ заботою о дитяти.

Впрочемъ, беззащитность дитяти вызываетъ въ народной средѣ не только преданность матери, но и всеобщую внимательность. Путешествуя въ вагонахъ 3-го класса, вы по необходимости обратите вниманіе на ту всеобщую уступчивость, которою пользуется мать, ѣдущая съ ребенкомъ. Во многихъ пѣсняхъ выдвигается та первенствующая роль, которую играютъ дѣти въ семьѣ. Въ извѣстной пѣснѣ о Семенѣ, покинутомъ женой, она не осуждается съ точки зрѣнія интересовъ мужа, а съ точки зрѣнія интересовъ дѣтей.

Ой ударте морозы
Та на густыи лозы—
Побый, Боже, Катерыну
За сыритськіи слёзы.

Въ другой пѣснѣ умирающая жена проситъ „мылого“ насыпать ей „въ садочку“ высокую могилу и посадить „червону калыну“. Онъ исполнилъ ея желаніе и теперь

. . . . . . по садочку ходыть
Мале дытя на рученькахъ носыть,
А другеие за рученьку водыть,
Свою мылу хорошенько просыть:
Устань, мыла, зацвила калына,
Разплакалась малая дитына.
—Нехай плаче, нехай забавляйеться,
Нехай мене не сподивайеться.
—Розступиться, калынови виты,
Прыймы, мыла, маленькіи диты,
Розступыся, а ты сыра земле,
Прыймы, мыла, и мене до себе.

Въ пѣснѣ объ убійствѣ жены мужемъ, любившимъ другую:

Ой прыходыть винъ до дому,
Ставъ ножа гострыты,
Його мыла, чорнобрыва
Начала просыты:
Пожды мылый, чорнобрывый,
Хочъ йидну годыну,
Нехай же я погодую
Малую дитыну.

Въ извѣстной лирницкой пѣснѣ о *сыриткѣ*, производящей всегда сильное впечатлѣніе на крестьянскую женскую публику, указывается на гореванье сироты безъ „риднои матинки", на гробѣ которой она плачетъ, прося принять ее къ себѣ. Тѣ же основныя мысли и въ свадебныхъ пѣсняхъ на свадьбѣ сироты. Чувство родительское часто воспѣвается воплощеніемъ его въ животный міръ. Материнская любовь чаще всего воплощается въ чайкѣ.

„Вернить мои чайенята,
Я ихъ ридная маты".

Менѣе, кажется, извѣстна пѣсня, въ которой родительское чувство руководитъ дѣяніями отцовъ, образы тоже изъ животнаго міра. Вотъ она:

Одъ корчомки та до могылы
Симсотъ верстовъ, ще й чотыры.
Ой тамъ козакъ та напывався,
А кинь зъ орломъ закладався:
—Якъ ты мене, коню, поперeдышъ,
То ты мени крыльця всичешъ.
Якъ я тебе, коню, попереджу,
То я тоби копытъ зибъю.
Ой кинь бижыть—земля двыжыть,
Орелъ летыть—ажъ гай шумыть.
Ой прыбигъ кинь та до могылы,
Заждавъ орла тры годыни.
—Де жъ ты, орле, та забарывся
До могылы опизнывся?
Ой з-за горы снижокъ пролитайе,
А кинь орлу крыльця одсикайе.
—Ой коню мій, коню вороненькій,
Не сыроты моихъ диточокъ маленькихъ.
Ой я, орелъ, та дитокъ маю,
То я до ныхъ залитаю.
Ой з-за горы снижокъ пролитайе,
А кинь орла братомъ называйе.

Указывая на эти стороны отношеній родителей къ дѣтямъ, я, конечно, не игнорирую и фактовъ *недбалости*, суроваго обращенія съ дѣтьми со стороны иныхъ родителей. Факты эти встрѣчаются, хотя не такъ часто, какъ многіе предполагаютъ. Болѣе взрослыя дѣти въ значительной мѣрѣ предоставляются, отчасти по необходимости, самимъ себѣ, ходячее мнѣніе однако

о полной, такъ сказать, воспитательной невнимательности къ нимъ родителей крайне преувеличено. Занимаясь въ сельской школѣ, по нраву и общему виду дѣтей, я могъ всегда почти безошибочно заключать о степени нравственной порядочности и развитости родителей.

Тѣмъ не менѣе воспитательные пріемы страдаютъ часто здѣсь, какъ и въ иныхъ общественныхъ группахъ, грубостью, архаичностью и близорукой утилитарностью. Она то, главнымъ образомъ, отравляетъ систему воспитанія не въ одной крестьянской средѣ. Сущность ея въ томъ, что воспитатель не справляется съ побужденіями, которыми достигается желательное для него поведеніе, и всѣ пріемы считаются безразлично годными, лишь бы они вели къ фактическому исполненію ребенкомъ того, что воспитателю кажется желательнымъ. Такъ, напр., онъ не хочетъ, чтобы его дѣти дѣлали *шкоду* въ горохѣ или огурцахъ на его огородѣ и на огородахъ сосѣдей,—онъ разсказываетъ имъ о *зализной бабѣ*, стерегущей эти плоды. Ему не желательно по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, чтобы дѣти ходили къ тому или иному сосѣду,—онъ разсказываетъ имъ напр., что тамъ отрѣжутъ имъ языкъ и что ножъ, который тамъ острятъ въ данный моментъ, приготовляется для этой именно цѣли. Плачъ дитяти усмиряютъ угрозою, что *дидъ-старецъ* услышитъ и заберетъ въ торбу. Нежелательна родителямъ какая нибудь экскурсія дитяти—и говорятъ ему спокойно: „не йды—вова злякайе“ и т. п. Достигается этими средствами намѣченная практическая цѣль—и воспитатели довольны. При такой точкѣ зрѣнія и колотушки представляютъ весьма цѣлесообразный пріемъ.

Архаичность воспитательныхъ пріемовъ состоитъ въ догматической морализаціи безъ попытокъ ея обоснованія. *Це гришка*, говорятъ, какъ окончательный аргументъ, причемъ то, что именуется *гришкою* для дѣтей, не всегда считается грѣхомъ для взрослыхъ. Впрочемъ, архаичность крестьянскаго воспитанія никогда не доходитъ до тѣхъ границъ, до которыхъ она часто доходитъ въ интеллигентной средѣ, гдѣ внушаютъ иногда дѣтямъ цѣлую кучу условныхъ понятій, не признаваемыхъ воспитателями. Тамъ внушается часто цѣлая іерархія любви въ зави-

симости отъ степени родства, тамъ критика лицъ и учрежденій, составляющихъ предметъ постоянныхъ разговоровъ старшихъ, считается непозволительной въ присутствіи дѣтей. До такихъ утонченныхъ пріемовъ наши крестьянскіе педагоги не додумались: они не внушаютъ никакой табели о любви, они говорятъ при дѣтяхъ о всемъ и о всѣхъ такимъ же тономъ, какъ и безъ нихъ, и если умалчиваютъ иногда, то развѣ по непосредственно практическимъ соображеніямъ, избѣгая слишкомъ болтливыхъ слушателей.

Отличаясь выгодно въ этомъ отношеніи, крестьянскіе педагогическіе пріемы—въ силу самаго склада жизни—имѣютъ важное преимущество еще въ одномъ. Подростающее дитя—сотрудникъ родителей, и это товарищество по труду вводитъ разумный элементъ во взаимныя отношенія. „Ты, сыну, пожены кони до воды, а я тимчасомъ внесу паши"; „ты, доню, погляды дитыну, а я пійду на ричку" и т. п. У умныхъ и добрыхъ по натурѣ людей это товарищество по труду развивается незамѣтно въ цѣлую систему разумныхъ семейныхъ отношеній. Случается, конечно, и то, что руководители эксплоатируютъ руководимыхъ и отсюда острыя столкновенія, но о нихъ рѣчь впереди.

Но, говоря о дѣтяхъ, нельзя не остановиться еще на одной сторонѣ дѣла. Заботы о содержаніи и воспитаніи дѣтей не легко даются среди трудной обстановки крестьянской жизни. „Части диты" подрываютъ здоровье матери, прокормленіе многочисленной семьи требуетъ значительныхъ усилій, нравственное руководство труднѣе при многочисленныхъ дѣтяхъ. При томъ же нашъ крестьянинъ собственникъ и у него ограниченная „градка" поля. Я слышалъ очень часто разговоры на тему: „що зъ того буде", когда населеніе увеличится; теперь уже *пишакъ* (пѣшій надѣлъ) дѣлятъ на *третыны* и *четвертыны*, а дальше предстоитъ еще большее дробленіе. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній старая пословица „дасть Богъ диты, дасть и на диты" переходитъ постепенно въ область переживанія. Одинъ врачъ, имѣющій довольно обширную практику среди крестьянъ, говорилъ мнѣ, что къ нему часто обращаются крестьяне съ вопросомъ: что дѣлать для того, чтобы избѣжать дальнѣйшаго приращенія

семьи. Разъ зарождается такая точка зрѣнія среди крестьянъ, понятнымъ становится медленное приращеніе населенія во французскихъ сельскихъ округахъ и притомъ тѣмъ болѣе медленное, чѣмъ большая часть населенія принимаетъ участіе въ землевладѣніи и чѣмъ болѣе въ ней развитъ инстинктъ предвидѣнія, выражающійся въ страхованіяхъ и пр. У насъ, насколько мнѣ извѣстно, это пока только теоретическая точка зрѣнія, но тѣмъ не менѣе несправедливо забываемый и плохо понимаемый старикъ Мальтусъ обрадовался бы ея появленію.

По мѣрѣ возрастанія дѣтей ослабѣваетъ ихъ безпомощность, они становятся самостоятельнѣе, стремленіе къ самостоятельной жизни усиливается, особенно послѣ женитьбы сыновей, но у родителей не всегда умаляется пропорціонально съ этимъ желаніе руководить безусловно, или же, что еще чаще, притязанія на руководство уменьшаются, но запаздывая. Если въ семьѣ устанавливается между старшимъ и младшимъ поколѣніемъ то товарищество по труду, о которомъ я говорилъ, если старшее поколѣніе выдвигаетъ въ этомъ отношеніи на первый планъ не свое безусловное усмотрѣніе, а потребности общаго хозяйственнаго дѣла, то само это дѣло дисциплинируетъ вполнѣ цѣлесообразно взаимныя отношенія, согласно съ измѣняющимися во времени личными свойствами соучастниковъ. Вершеніе болѣе важныхъ дѣлъ родителями въ данной хозяйственной ассоціаціи является въ началѣ вполнѣ естественнымъ, дѣти въ это время являются помощниками и, какъ таковые, естественно подчиняются соображеніямъ главнаго руководителя дѣла. Но со временемъ трудоспособность его слабѣетъ, возрастая въ младшемъ поколѣніи. Тогда главныя хозяйственныя функціи переходятъ къ младшему поколѣнію, старики являются помощниками, умудренными опытомъ, и потому ихъ нравственное положеніе въ данной ассоціаціи почетно. Вершитель въ семьѣ главнаго хозяйственнаго дѣла является и внѣ ея главнымъ ея представителемъ. На сельскіе, напр., сходы прежде ходилъ отецъ, потомъ сынъ является туда главнымъ образомъ. Если въ старшемъ поколѣніи есть достаточно такта, то оно здѣсь, какъ и во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ, тѣмъ успѣшнѣе сохраняетъ свой нравствен-

ный авторитетъ, чѣмъ своевременнѣе дѣлаетъ уступки. Я знаю крестьянскія семьи, которыхъ жизнь слагается такимъ именно образомъ. Онѣ производятъ отрадное въ высшей степени впечатлѣніе на полѣ ли за работой, за бесѣднымъ ли столомъ въ праздничное время. О сосредоточенномъ чувствѣ обиды у младшихъ членовъ семьи, о презрительномъ отношеніи къ неспособнымъ къ труду старикамъ—и мысль не является.

Но бываетъ не разъ, къ сожалѣнію, и иначе. Родители, привыкшіе къ руководству, не мирятся съ мыслью о необходимости мотивировать свои соображенія, онѣ кажутся имъ такъ же авторитетными для дѣтей, способныхъ къ самостоятельному мышленію и критикѣ, какъ для бѣгающихъ безъ штановъ мальчишекъ. За отрицаніемъ права на самостоятельное мышленіе и распоряженіе трудомъ идетъ и отрицаніе права на свободное распоряженіе отдыхомъ, отсюда цѣлый рядъ взаимныхъ неудовольствій и попрековъ, обостряющихся тѣмъ болѣе, чѣмъ обширнѣе становится кругъ самостоятельныхъ потребностей младшаго поколѣнія и въ данномъ случаѣ чаще всего послѣ брака. Острыя ссоры при выдѣлѣ изъ семьи младшихъ, взаимное неудовольствіе и часто презрительное отношеніе къ неспособнымъ къ труду родителямъ, охающимъ гдѣ нибудь на печи и составляющимъ бремя, которымъ очевидно тяготится младшее поколѣніе, составляютъ грустную исторію семейной жизни въ этомъ случаѣ. Я знаю и такія семьи.

Въ раздраженіи стороны высказываютъ взаимный взглядъ въ слѣдующихъ стеоретипныхъ фразахъ: „мойе г...., та мени перечыть"—говорятъ старики.—„Я тому не виненъ, що вы мене на свитъ пустылы", говоритъ младшее поколѣніе. Въ ром. вол. судѣ (1880 г.) разбиралось дѣло о томъ, что сынъ отрицалъ нравственный авторитетъ матери, указывая въ грубой формѣ на физіологическія побужденія родителей, вызвавшія его къ жизни.

Острыя столкновенія въ семейной жизни родителей и дѣтей доходятъ иногда до волостнаго суда. Посмотримъ, какъ онъ къ нимъ относится.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ я нашелъ 17 рѣшеній, по которымъ сыновей за грубость на сло-

вахъ или битье родителей волостной судъ приговорилъ къ розгамъ. Между ними одно (жидов. вол. судъ 1880 г.), гдѣ преступленіе сына состояло въ томъ, что онъ схватилъ за руки мать, бившую его жену. Далѣе одно (ром. вол. судъ 1882 г.), по которому—при взаимности побоевъ между отцомъ и сыномъ—отецъ приговоренъ къ аресту,—и одно (ром. вол. судъ 1886 г.), по которому сынъ, вступившійся за дядю и защитившій его отъ побоевъ отца, оправданъ. Въ двухъ (изъ приведенныхъ выше) случаяхъ, независимо отъ наказанія сына, судъ обязываетъ разъ отца, другой разъ мать выдѣлить сыну припадающую на него часть земли. Одно рѣшеніе слѣдующаго содержанія:

1881 г. Ром. вол. судъ. Отецъ жалуется на сына за неуваженіе съ его стороны и на то, что сынъ выгналъ его изъ хаты и не даетъ средствъ къ существованію. Сынъ утверждаетъ, что обращался съ отцомъ съ должнымъ уваженіемъ, и потому удивляется жалобѣ; почему отецъ перешелъ на жительство къ невѣсткѣ, онъ не знаетъ. Свидѣтели подтвердили показаніе сына. Судъ рѣшилъ; пусть сынъ хозяйничаетъ на всемъ надѣлѣ и даетъ отцу половину готоваго зерна и пусть уважаетъ отца. Защищая суровыми рѣшеніями родительскій авторитетъ (вол. судъ присуждаетъ, впрочемъ, розги и за битье жены, какъ мы видѣли, и за битье постороннихъ лицъ, главнымъ образомъ слабыхъ стариковъ или женщинъ, но объ этихъ случаяхъ въ другомъ письмѣ)—волостной судъ не только не игнорируетъ имущественныхъ правъ дѣтей (какъ мы здѣсь видѣли и скоро увидимъ подробнѣе), но не оставляетъ безнаказанной и грубости родителей по отношенію къ дѣтямъ.

1874 г. Новоселицкій вол. судъ. За взаимную драку, вчатую отцомъ, отецъ и сынъ оштрафованы въ пользу мірскихъ суммъ.

1875 г. Новос. вол. судъ. Отецъ и мачиха обижали невѣстку и сына. Съ перваго—денежный штрафъ въ пользу мірскихъ суммъ, вторую выдержать подъ арестомъ.

1880 г. Нов. вол. судъ. За побои отцомъ сына—съ отца денежный штрафъ въ пользу обиженнаго.

1880 г. Нов. в. судъ. Отцу, жалующемуся на сыновей, но пьянствующему и разоряющему хозяйство внушеніе суда объ исправленіи.

1875 г. Жидов. вол. судъ. Сынъ жалуется на отца за грубое обращеніе; свидѣтели устанавливаютъ вспыльчивость обоихъ. Судъ, находя невозможнымъ общее житье, постановляетъ объ отдѣленіи части хаты въ пользу сына и о раздѣлѣ движимостей.

Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ слѣдующаго дѣла, разбиравшагося въ сквирской сессіи окружнаго суда. Выпивавшій отецъ обижалъ женатаго сына, прогонялъ его изъ дому и т. д., несмотря на трудолюбіе и спокойный нравъ сына. Послѣ одной изъ сценъ взрыва отеческаго произвола—сынъ поджегъ отцовскую хату среди бѣла дня. Онъ былъ немедленно арестованъ и сознался въ фактѣ. Въ составѣ присяжныхъ было 11 крестьянъ, въ значительномъ большинствѣ старики. Они вынесли оправдательный вердиктъ. Одного изъ присяжныхъ крестьянъ, молодаго и замѣчательно умнаго человѣка, я спросилъ: какъ прошло дѣло, не было ли оппозиціи со стороны стариковъ?—Нѣтъ, отвѣтилъ онъ мнѣ; дѣло сразу рѣшилось. Мы только вышли для совѣщанія, какъ вотъ этотъ старикъ подошелъ къ столу и сказалъ: „якъ бы батько, якъ батько, то не було бъ цёго дила". За цимъ словомъ вси и подалы свій голосъ.

Когда въ спорѣ между родителями и дѣтьми дѣло коснется имущественныхъ правъ дѣтей,—волостной судъ неуклонно и твердо отстаиваетъ права дѣтей. Въ иномъ, не крестьянскомъ мірѣ обереганіе правъ сыновнихъ въ такихъ границахъ, въ какихъ оно практикуется волостнымъ судомъ, было бы непонятно. Тамъ родители знаютъ только расходы на воспитаніе дѣтей, здѣсь дѣти являются сотрудниками родителей. Русскій писанный законъ гласитъ, что наслѣдство открывается только со смертію наслѣдодателя, повседневная практика нашихъ волостныхъ судовъ вводитъ принципъ выдѣленія дѣтямъ наслѣдства при жизни родителей. Тотъ и другой принципъ имѣетъ достаточное обоснованіе въ бытовыхъ особенностяхъ тѣхъ общественныхъ группъ, которыя имѣлись въ виду при его установленіи. Въ началѣ меня поражали тѣ имущественные споры и точные разсчеты, которые велись между дѣтьми и родителями въ крестьянской средѣ; прислушиваясь къ нимъ внимательнѣе и вникая въ ихъ сущность, я пересталъ скандализироваться, такъ какъ вмѣсто условнаго

понятія, вынесеннаго изъ другой среды, я замѣтилъ въ основѣ ихъ другой, болѣе общій и несомнѣнно почтенный принципъ: соотвѣтственности правъ на имущество съ трудомъ. Я бывалъ свидѣтелемъ споровъ или объясненій сына о томъ, что онъ имѣетъ тѣ или иныя права на имущество отца, такъ какъ данная клуня имъ построена, бычки куплены за заработанныя имъ въ экономіи деньги и т. п. Мнѣ случалось и то, что отецъ, сынъ котораго служилъ у меня, приглашалъ меня быть свидѣтелемъ его объясненій о томъ, на что онъ обратилъ деньги, заработанныя сыномъ и переданныя отцу. Я слышалъ часто разсужденія сыновей о томъ, что если бы они столько лѣтъ работали у чужихъ людей, сколько они работали въ хозяйствѣ отца, то они достаточно обезпечили бы себя для заведенія самостоятельнаго хозяйства. На вопросъ о содержаніи ихъ во время, предшествовавшее ихъ трудоспособности, они отвѣчаютъ, указывая на то, что и они своихъ дѣтей содержатъ, что они въ томъ не повинны, что родители ихъ „на свитъ пустылы".

Старшее поколѣніе, въ свою очередь, повторяетъ переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе нареканія о „теперешнихъ дитяхъ", о томъ, что дѣти не будутъ въ свое время такъ интересоваться родителями, какъ родители ими во время ихъ малолѣтства (что настолько же вѣрно, насколько естественно и неизбѣжно) и т. п.

Конечно, во многихъ семьяхъ дѣло не доходитъ до этихъ споровъ, въ другихъ, если они и являются, то улаживаются всетаки въ домашнемъ кругу мирнымъ раздѣломъ, и такихъ раздѣловъ громадное большинство. Равное право на землю отца и сыновей—основной ихъ принципъ. Но иногда дѣла настолько обостряются, что дѣло доходитъ до волостнаго суда. Рѣшенія волостныхъ судовъ не оставляютъ никакого сомнѣнія о томъ, въ какомъ смыслѣ рѣшаетъ данный вопросъ крестьянское общественное мнѣніе.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ я нашелъ 24 рѣшенія, въ которыхъ судъ обязываетъ отца выдѣлить сыну припадающую на него часть земли, причемъ за отцемъ признается право на такую же часть земли, какъ и за

сыновьями. Въ иныхъ рѣшеніяхъ между мотивами указано прямо на долголѣтній трудъ сына, въ иныхъ это только подразумѣвается. Рѣшенія эти вызываются иной разъ жалобами родителей, иной—просьбами дѣтей. Такъ, напр., въ одномъ случаѣ (1875 г. новос. вол. судъ) отецъ жаловался на сыновей, но оказалось, что онъ „строгъ", и судъ рѣшилъ выдѣлить сыновьямъ и отцу по-ровну. Иной разъ сынъ наказывается за дурное обращеніе съ отцомъ, но независимо отъ этого судъ обязываетъ отца выдѣлить сыну соотвѣтствующую семейному составу часть земли. Иногда сынъ жалуется на притѣсненія со стороны отца и судъ постановляетъ о выдѣлѣ сыну части земли. Я не буду приводить здѣсь подробно разныхъ частныхъ случаевъ; общій смыслъ рѣшеній: одинаковое право отца и сыновей на земельный надѣлъ и признаніе необходимости раздѣла, разъ являются разногласія при жизни въ одной хатѣ отца и сына. Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ являются женатые сыновья (мнѣ неизвѣстны случаи выдѣла холостому сыну; въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ это обстоятельство часто остается невыясненнымъ).

П. М. Дашкевичъ говорилъ мнѣ, что во всѣхъ волостяхъ сквирскаго уѣзда рѣшенія волостныхъ судовъ въ этомъ смыслѣ встрѣчаются сплошь да рядомъ. Въ рѣшеніяхъ о выдѣлѣ части земли сыну иногда сказано о выдачѣ ему матеріала на постройку хаты, иногда нѣтъ, но во всѣхъ подразумѣвается выдѣлъ изъ общаго домашняго хозяйства. Волостной судъ, очевидно, не считаетъ нормальнымъ строить семейный бытъ на принципѣ поглощенія самостоятельности младшаго поколѣнія авторитетомъ старшаго. Дочери въ рѣдкихъ только случаяхъ пользуются удѣломъ въ земельномъ владѣніи. Сообразно съ этимъ и съ общимъ принципомъ, лежащимъ въ основѣ семейно-экономической ассоціаціи, разнится способъ употребленія заработанныхъ денегъ сыновьями и дочерьми. *Хлопци*, зарабатывая деньги на сторонѣ въ качествѣ поденныхъ, лѣтнихъ или годовыхъ рабочихъ, употребляютъ только часть ихъ на свои непосредственныя потребности (одежду, обувь, развлеченія и т. п.), главную же часть заработка они вносятъ въ общую семейно-хозяйственную кассу. На заработанныя ими деньги покупаются нерѣдко лошади, быки,

строятся хозяйственныя постройки и т. п. Провизія зерномъ, зарабатываемая ими, идетъ на прокормленіе семьи или на посѣвъ, смотря по обстоятельствамъ. Однимъ словомъ, они влагають свои заработки въ кассу ассоціаціи, постоянными членами которой они состоятъ.

Иначе съ *дивчатами*. Онѣ временно только проживаютъ въ родительской семьѣ. Когда онѣ дома, онѣ, конечно, помогаютъ въ дѣлахъ хозяйства, которое ихъ кормитъ, но своихъ заработковъ на сторонѣ онѣ не отдаютъ въ семейную кассу; онѣ „справляютъ" себѣ одежду и припасаютъ приданое; родители уже мало безпокоятся снабженіемъ „скрыни" своей дочери при ея выходѣ замужъ.

Перейдемъ теперь къ положенію чужихъ въ смыслѣ кровномъ людей, но живущихъ въ одной семьѣ, къ положенію зятей, невѣстокъ, тестей, свекрухъ, отчимовъ, мачихъ и т. д.

Всего чаще, во всякой почти семьѣ, встрѣчается жена сына *невистка*; отношеніе къ ней *свекрухи* и обратно—представляетъ значительный интересъ. Свекоръ, занятый болѣе хозяйствомъ внѣшнимъ, стоитъ дальше отъ невѣстки; онъ уже по свойству своихъ занятій обыкновенно менѣе мелоченъ, потому и отношенія между свекромъ и невѣстками обыкновенно бываютъ удовлетворительны, и если перестаютъ быть таковыми, то чаще всего подъ вліяніемъ *старои*. Свекровь имѣетъ ежеминутныя сношенія съ невѣсткой, невѣстка—помощница въ ея отрасли хозяйства; она, предполагается, должна работать *за прыводомъ* свекрухи и замѣнить ей дочь. Но двѣ женщины у одной печи трудно вообще уживаются; прибавьте къ тому, что одна изъ нихъ склонна понимать свой *прывидъ* въ смыслѣ безусловныхъ распоряженій, другая имѣетъ естественный спросъ на самостоятельную жизнь и въ качествѣ *молодыци* подразумѣваетъ уже въ себѣ хозяйку, что онѣ въ сущности чужія себѣ женщины, поставленныя условными понятіями въ отношеніе „мамы" и „дони", что мать склонна всегда находить жену своего сына недостойной его, а *невистка* подозрѣвать во всякомъ непріятномъ ей поступкѣ мужа вліяніе его матери, предполагать бо́льшую его привязанность къ давней семьѣ, чѣмъ къ себѣ, соображать, что

онъ „завязавъ іи свитъ“ и ввелъ ее въ чуждый для нея, но близкій для себя міръ,—и станетъ понятно то множество столкновеній, которыя вызываетъ совмѣстная жизнь свекрови и невѣстки.

Я видывалъ прекрасныя сожительства свекрухъ и невѣстокъ, построенныя на взаимной помощи въ трудѣ и взаимной уступчивости, видывалъ ихъ дружными не только за общей работой, но и въ свободное время относящихся съ пріятельскою предупредительностью товарокъ, но чаще я видывалъ взаимныя, болѣе или менѣе явныя, несогласія между ними, слышалъ шепотъ взаимныхъ нареканій, а то и открытые взрывы раздраженія. Въ выдѣлахъ сыновей трудность ужиться въ одной хатѣ свекрови и невѣсткѣ играетъ не послѣднюю роль. Если невѣстокъ нѣсколько въ хатѣ, то это еще болѣе способствуетъ несогласіямъ. То та, то другая старается „запобигты ласку“ свекрови, другія нарекаютъ, и дѣло осложняется. Въ *Кайдашевой симьи* Левицкаго прекрасно подмѣчены и изображены подобнаго рода отношенія.

Народная поэзія часто обращается къ темѣ отношеній свекрови и невѣстки. Не предпринимая систематическаго обзора пѣсенъ на эту тему,—приведу два-три образчика изъ этого неоцѣненнаго источника уразумѣванія народнаго міровоззрѣнія.

Послушаемъ прежде свекруху.

Ой и пъю я медъ-горилку
Ще й маю надію—
Та де свою голивоньку
На старисть подію.
Ой пійду я до зятенька
На высоки пороги,
А зять мени одказуе:
Пиднимай, теще, ноги.
Ой пиду я до сыночка
На широкіи лавки,
А невистка одказуе:
Не треба намъ мамки.
А сыночокъ одказуе:
Нехай маты буде,
Вона наши дрибни диты
Доглядаты буде.
А невистка одказуе:
Люта зима буде,
А хто твою ридню матиръ
Опыраты буде?
А сыночокъ одказуе:
Буду прачку найматы,
Таки свою ридню матиръ
Буду опыраты.
Иде маты изъ риченьки,
Якъ береза льеться,
А невистка у порози
Изъ неи сміеться.
Прыйшла маты изъ риченьки,
На порози впала.
— Дывысь, дывысь, чоловиче,
Прыйшла маты пъяна.
— Бодай же ты, моя мыла,
Такъ на свити жыла,
Тильки моя ридна маты
Горилочку пыла.

Въ другихъ пѣсняхъ сынъ не только защищаетъ мать отъ напрасныхъ упрековъ невѣстки, но и поддается вліянію матери въ ущербъ женѣ. Вліяніе это очерчено въ нихъ далеко неблаготворнымъ. Довольно распространена пѣсня о матери, женившей „по неволѣ сына". Жизнь ихъ не ладится и мать совѣтуетъ, какъ *скираты* невистку. Сынъ слѣдуетъ совѣтамъ:

О пивночи нагайка шумила,
А до свита мыла вже нежыва.
Лежить мыла, якъ китайка, сыня,
А мыленькій, якъ папиръ, биленькій.

Тогда онъ обращается къ матери съ вопросомъ, полнымъ упрека: ты научила *скарать* ее,

Теперъ скажы якъ іи сховаты.
— Зырвы, сыну, въ комори стелыну,
Сховайемо чужую дитыну.
— Не здіймайеться въ комори стелына,
Не ховайеться чужая дитына.

Этотъ вопль о горькой долѣ „чужой дитыны" звучитъ и въ слѣдующей пѣснѣ, которую приведу цѣликомъ, какъ менѣе извѣстную.

Оженыла маты сына та по неволи,
А взяла невисточку не до любови,
Не билее лыченько, не чорныи бровы.
Посылае сыночка въ далеку дорогу,
Молоду невисточку у поле брать лёну.
Якъ выряжала, той прыказала:
Не выберешъ лёну, не приходь до дому,
А стань соби въ поли тополею.
Ой прыихавъ сынъ зъ далекой дороги,
А впавъ своій матери у билыи ноги.
— Ой здраствуй, здраствуй, матинько моя,
А де-жъ твоя невисточка, а моя жона?
— Ой прыняла, сыночку, сырая земля.
— Обійшовъ я Польщу и всю Украину,
Та не бачывъ я такого дыва,
Якъ у нашому поли, та стоить тополя:
Безъ буйного витра колыхаеться,
Безъ ясного сонечка выкрашаеться.
— Визьмы, визьмы, сыну, гострую сокиру,
Зрубай ту тополю нызько при кориньи.
Ой цюкнувъ винъ разъ—вона похилылась.

Ой цюкнувъ винъ другий—вона промовыла:
— Не рубай тополи, бо я твоя мыла,
Оце-жъ твоя матинка такъ наробыла.

Эта пѣсня по своимъ образамъ переноситъ насъ въ весьма отдаленное время; въ современной жизни *матинка* рѣдко успѣваетъ много *наробыть лыха* „чужойи дитыни". Я уже говорилъ, какъ въ случаяхъ даже временной большей податливости сына внушеніямъ его семьи въ ущербъ женѣ дѣло кончается обыкновенно торжествомъ жены и выдѣломъ, при чемъ часто случается, что свекровь, спорившая съ невѣсткою, пока онѣ жили въ одной хатѣ, становится съ ней въ хорошія отношенія послѣ выдѣла.

Посмотримъ теперь, какъ волостной судъ относится къ столкновеніямъ свекрови и свекра съ невѣстками.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ я нашелъ только одно дѣло, разбиравшееся въ 1863 г. въ роман. волостномъ судѣ по обвиненію невѣстки за грубыя ругательства по отношенію къ свекру. Она была приговорена къ наказанію розгами. Рѣшеніе это стоитъ вполнѣ особнякомъ: 1) такъ какъ женщины потомъ изъяты отъ тѣлеснаго наказанія, 2) такъ какъ въ начальные годы крестьянскаго самоуправленія оно носитъ на себѣ слишкомъ ясные слѣды культурнаго вліянія „старшей братьи", 3) такъ какъ въ аналогичныхъ случаяхъ, при столкновеніяхъ, напр., тестей и зятей и т. п. волостной судъ, какъ увидимъ, далекъ отъ того, что бы права старшаго поколѣнія въ *этихъ* случаяхъ защищать такъ сурово, какъ права роднаго отца и матери.

Значительно больше было разсмотрѣно волостными судами, рѣшеніями которыхъ я пользуюсь, дѣлъ объ обидахъ невѣстокъ со стороны свекра или свекрови. Такихъ дѣлъ замѣчено мною 10. Изъ нихъ въ 9-ти случаяхъ за грубость по отношенію къ невѣсткѣ, за клевету о ея поведеніи со стороны свекрови, за требованье отъ нея работы въ праздникъ или за битье ея—свекоръ или свекровь были присуждаемы къ денежному штрафу или къ 7-дневному аресту. Въ одномъ случаѣ (1867 г. жидов. волостной судъ) за буйство, расточительность и біеніе пасынка и невѣстки отчимъ былъ приговоренъ къ розгамъ.

Въ смыслѣ родственныхъ связей съ положеніемъ невѣстки аналогично положеніе зятя, но въ бытовомъ смыслѣ оно аналогично только тогда, когда зять „пристае въ прыймы“ къ женѣ.

Господствующій порядокъ состоитъ въ томъ, что жена переходитъ на жительство къ мужу и принимаетъ участіе въ его хозяйствѣ и имуществѣ. Но случается иногда, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, что отецъ выдѣляетъ часть земли въ пользу дочери и ея мужа „прыймака“. Случается это больше, когда у родителей нѣтъ сыновей, а только дочери, когда у нихъ на полный надѣлъ только одинъ сынъ и дочери, когда дочь по тѣмъ или инымъ причинамъ пользуется особеннымъ расположеніемъ родителей, когда она страдаетъ какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ, уменьшающимъ ея трудоспособность и т. п. Назначеніе земельнаго надѣла въ пользу дочери и зятя пріймака свершается на основаніи договора словеснаго или письменнаго, заявляемаго иногда въ волостной книгѣ сдѣлокъ и договоровъ. Пересматривая нѣкоторыя изъ этихъ книгъ романовской и новоселицкой волости, я нашелъ тамъ 11 такихъ росписокъ подъ разными наименованіями.

Въ этихъ случаяхъ мужъ, а не жена входитъ въ чужую семью, но такъ какъ мужское хозяйское дѣло не такъ сосредоточено въ хатѣ и не такъ мелочно, то оно даетъ менѣе поводовъ раздражаться. Притомъ мужчинѣ, говоря вообще, легче ладить съ матерью жены, чѣмъ невѣсткѣ, да онъ и болѣе подготовленъ къ самозащитѣ. Прибавимъ къ тому, что въ обществѣ, благосостояніе котораго зиждется на трудѣ, ему нѣтъ причины тяготиться земельнымъ преимуществомъ жены. Но если между родителями и дѣтьми, несмотря на привычку, получаемую послѣдними въ раннемъ дѣтствѣ, къ подчиненію своей воли волѣ родителей, возникаютъ острыя иногда столкновенія, то, разумѣется, встрѣчаются онѣ и съ зятьями-пріймаками. Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, я нашелъ дѣлъ о грубости со стороны зятей-пріймаковъ по отношенію къ тестю или тещѣ 12, имущественныхъ споровъ тестя или тещи, направленныхъ противъ зятей-пріймаковъ, 17.

Ознакомимся въ общихъ чертахъ съ рѣшеніями судовъ по этимъ дѣламъ.

1879 г. Новос. вол. судъ. Зятя-пріймака, наносящаго обиды тещѣ, выселить изъ усадьбы.

1879 г. Новос. вол. судъ. Въ виду обоюдности драки между зятемъ и тестемъ, жалобу тестя о нанесеніи побоевъ оставить безъ послѣдствій. Пусть зять-пріймакъ пользуется землей попрежнему и содержитъ старика тестя.

1881 г. Ром. вол. судъ. Зять за обиды и біеніе тещи подвергнутъ денежному штрафу.

1882 г. Ром. вол. судъ. Въ виду обоюдности драки между тестемъ и зятемъ—жалоба перваго оставлена безъ послѣдствій.

1882 г. Ром. вол. судъ. Idem.

1882 г. Ром. вол. судъ. За обоюдную драку тесть и зять оштрафованы въ пользу мірскихъ суммъ.

Въ 1883 и 1885 Ром. вол. судомъ въ 4 случаяхъ за битье тещи зять приговоренъ къ розгамъ.

1883 г. Ром. вол. судъ. За притѣсненія тещи со стороны зятя—онъ подвергнутъ денежному штрафу.

Волостной судъ, какъ видимъ, рѣшается вступиться суровою карою только за болѣе слабую женщину—тещу; при обоюдности драки съ тестемъ онъ оставляетъ дѣло безъ послѣдствій или подвергаетъ тестя и зятя одному наказанію. Онъ руководствуется такими же соображеніями и при столкновеніяхъ чужихъ людей; онъ далекъ отъ идентифицированія положенія тестя и зятя съ положеніемъ отца и сына. Что касается до имущественныхъ правъ пріймаковъ, то волостной судъ защищаетъ ихъ твердо, хотя чаще готовъ поступиться ими, чѣмъ правами давняго соработника въ хозяйствѣ: сына.

Изъ 17 случаевъ имущественныхъ споровъ между зятьями и тестями въ 11 случаяхъ пріймакъ удержанъ въ цѣлости имущественныхъ правъ, предоставленныхъ ему устнымъ договоромъ или роспискою; въ 3-хъ—земля раздѣлена между зятемъ и тестемъ или тещею пополамъ; въ 3-хъ неуживчивый зять долженъ уйти изъ хаты, получивъ вознагражденіе деньгами или хлѣбомъ.

Говоря о выдѣлѣ судомъ части земли сыновьямъ при жизни отца, я указывалъ на соображенія о трудовомъ ихъ участіи въ имуществѣ семейномъ, какъ на соображеніе первостепенной, повидимому, важности. Здѣсь какъ будто соображеніе это уступаетъ первое мѣсто соображенію о томъ, что человѣкъ пристроился къ жизни въ данныхъ договорныхъ отношеніяхъ. Волостной судъ, рѣшающійся и въ другихъ случаяхъ отмѣнять договоры, слишкомъ обременительные для одной изъ сторонъ (что будетъ указано подробнѣе въ слѣдующемъ письмѣ)—и здѣсь инстинктивно подчиняется тому-же принципу, скорѣе рѣшаясь устранить имущественныя права пріймака, чѣмъ сына, несмотря на то, что онъ несравненно снисходительнѣе смотритъ на грубость пріймака по отношенію къ тестю, чѣмъ на грубость сына по отношенію къ отцу.

Впрочемъ, и здѣсь соображеніе о значеніи труда не исчезаетъ. Болѣе долго проживпій въ данномъ хозяйствѣ пріймакъ, очевидно, влагаетъ въ него свой трудъ; при менѣе долгомъ проживаніи при оцѣнкѣ имущественныхъ его правъ не можетъ быть упущено изъ виду то обстоятельство, что, по обычаю, „приставая въ прыймы" на землю жены—пріймакъ *ipso facto* лишается права на удѣлъ въ отцовской его землѣ. Вотъ нѣсколько рѣшеній, въ которыхъ связь имущественныхъ правъ зятя—пріймака съ его трудомъ и вкладами въ хозяйство принявшей его семьи ясно очерчена.

1874 г. Новос. вол. судъ. С. выдалъ свою дочь за В.; зять жилъ при тестѣ три года, теперь жалуется на притѣсненія со стороны тестя и проситъ о выдѣлѣ ему части полеваго надѣла и усадьбы. Судъ постановляетъ: въ виду того, что зять работалъ безплатно въ хозяйствѣ тестя три года—выдѣлить въ его пользу ¹/₃ усадьбы, обязавъ зятя помогать тестю еще три года въ хозяйствѣ, тестя-же помочь зятю при постройкѣ хаты и пр. на выдѣленной зятю части усадьбы.

1876 г. Ром. вол. судъ. Зять, устраненный тестемъ (за неуваженіе и пр. по словамъ тестя), проситъ о вознагражденіи его за работу въ хозяйствѣ тестя въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Судъ присуждаетъ въ его пользу 100 руб.

1876 г. Жидов. вол. судъ. Зять жалуется на тестя о томъ, что, принявъ его 7 лѣтъ тому назадъ, обѣщалъ передать ему надѣлъ, а теперь гонитъ изъ хаты. Обѣщаніе передачи надѣла не доказано ни роспиской, ни свидѣтелями, но судъ находитъ справедливымъ вознаградить зятя за 6-лѣтній трудъ и расходы, положенные въ хозяйство тестя и присуждаетъ зятю вознагражденія 100 руб. или $^1/_3$ усадьбы тестя.

1883 г. Ром. вол. судъ. Л. жалуется на П., что сей послѣдній завладѣлъ землей отца Л., а ему ничего не даетъ. П. возражаетъ, что онъ „присталъ въ прыймы" къ сестрѣ Л.; Л. былъ тогда малолѣтенъ и П. долженъ былъ его кормить, одѣвать, уплачивать за землю, отбывать повинности. Свидѣтели подтвердили показаніе П. Судъ постановляетъ: выдѣлить Л. (сыну) $^1/_3$ земли, оставляя $^2/_3$ во владѣніи П (зятя-пріймака).

Объ отношеніяхъ отчимовъ, мачихъ, пасынковъ и падчерицъ у меня мало личныхъ наблюденій. Случилось мнѣ, впрочемъ, одинъ разъ присутствовать при переговорахъ, имѣвшихъ въ виду имущественный выдѣлъ сына, у котораго была родная мать и отчимъ. Причиной выдѣла были разногласія между женой сына и его матерью. При переговорахъ отчимъ былъ несравненно уступчивѣе матери. Прибавлю здѣсь-же, что свои имущественныя права онъ мотивировалъ исключительно своимъ трудомъ.

Въ народныхъ пѣсняхъ, если затрогиваются данныя отношенія, то главнымъ образомъ имѣется въ виду сопоставленіе „риднои матинки" и мачихи. Лирницкая пѣснь о сиротѣ, напрасно обращающейся къ мачихѣ съ просьбой „зшыть сорочечку" или „змыть голивоньку" и подверженной по этому поводу клеветамъ мачихи, что „сырота ледащо, не хоче робыты, тильки опомынаеться сорочечку шыты" и т. п., находится въ репертуарѣ всякаго лирника и производитъ всегда впечатлѣніе. Она достаточно извѣстна.

Въ другой народной пѣснѣ говорится:

Якъ е батько въ хати,
Мачуха—якъ маты;
Скоро батько за поригъ,
То мачуха за батигъ,

что заставляетъ отца обратиться къ дѣтямъ:

Идить, дитки, служыты,
Якъ мачуси годыты.—
Пишлы дитки блукаючы,
Риднои матинки шукаючы.

Характерна для точки зрѣнія дивчины-падчерицы слѣдующая веснянка.

Вербова кладко
Гныся, гныся, не вломыся.
Въ мене матинка та риднесенька,
Шлеть мене по водыцю
Зъ маленькими та видерцямы,
Велытъ мени неповныи браты,
Велыть мени оддыхаты,
Зъ козакамы розмовляты.
Вербова кладко
Гныся, гныся, не вломыся.
Въ мене матинка та не ридная,
Шлеть мене та по водыцю
Зъ велыкимы та видерцямы,
Велыть мени повныи браты,
Та не велыть оддыхаты—
Зъ козакамы розмовляты.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ я находилъ мало дѣлъ о грубости по отношенію къ отчиму, мачихѣ или съ ихъ стороны къ пасынку или падчерицѣ. Въ одномъ случаѣ (1877 г. Ром. вол. судъ) пасынокъ за битье мачихи приговоренъ къ розгамъ, въ другомъ (1874 г. жидов. вол. судъ) пасынокъ за битье мачихи приговоренъ къ денежному штрафу, въ одномъ (Ром. вол. судъ) за битье и тасканіе за волосы отчима—пасынокъ приговоренъ къ розгамъ; въ одномъ отчимъ за битье непослушнаго 15-лѣтняго пасынка приговоренъ къ денежному штрафу въ пользу мірскихъ суммъ.

Что касается имущественныхъ правъ, то само по себѣ положеніе отчима, мачихи, пасынка или падчерицы не сообщаетъ имъ правъ на имущество семьи, въ которую они входятъ. Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ есть нѣсколько рѣшеній въ этомъ смыслѣ по отношенію къ пасынкамъ. Впрочемъ, всѣ они и не претендуютъ на права имущественныя

на основаніи даннаго свойства, но трудомъ и они пріобрѣтаютъ право на удѣлъ въ имуществѣ семьи, въ которую они входятъ. Если трудъ этотъ кратковременный, то судъ признаетъ ихъ права только на часть движимостей, если онъ продолжителенъ— то и на извѣстную часть земли. Вотъ нѣсколько рѣшеній въ этомъ смыслѣ.

1886 г. Ром. вол. судъ. Мачихѣ, вышедшей вторично замужъ, но трудившейся нѣкоторое время въ хозяйствѣ пасынка— присуждено за трудъ денежное вознагражденіе (бóльшее предлагаемаго ей добровольно пасынкомъ).

1880 г. Жидов. вол. судъ. Отчимъ жалуется на пасынка, что тотъ, владѣя всѣмъ наслѣдственнымъ (послѣ отца) надѣломъ, не удѣлилъ ничего отчиму, между тѣмъ отчимъ, женившись на матери пасынка, засталъ его 10 лѣтнимъ хлопцемъ, работалъ въ хозяйствѣ и воспитывалъ пасынка. Пасынокъ заявляетъ готовность выдѣлить часть усадьбы, но не поля, тѣмъ болѣе, что отчиму выдѣлило крест. общество ½ пѣшаго подѣла изъ вакантной земли. Пасынокъ владѣетъ полнымъ пѣшимъ надѣломъ. Судъ присуждаетъ отчиму ¼ надѣла пасынка. Выходитъ, что у обоихъ будетъ по ¾ пѣшаго надѣла.

1881 г. Ром. вол. судъ. Пасынку, работавшему 14 лѣтъ въ хозяйствѣ отчима, ¼ надѣла.

1881 г. Ром. вол. судъ. Мать И. вышла вторымъ бракомъ за В. Сынъ ея отъ перваго брака жалуется, что онъ служилъ въ экономіяхъ 16 лѣтъ, деньги отдавалъ отчиму, который теперь не хочетъ удѣлитъ ему земли. Отчимъ возражаетъ, что за матерью И. онъ не взялъ никакого приданаго, кромѣ 4-лѣтняго сына, что земля принадлежитъ ему, отчиму и онъ не желаетъ давать ее пасынку. Судъ признаетъ И., жившаго съ 4-лѣтняго возраста у В. и работавшаго на его хозяйство 16 лѣтъ, членомъ семьи и обязываетъ надѣлить его за 16-лѣтній трудъ ⅓ полевой земли.

1886 г. Ром. вол. судъ. Двѣ замужнія дочери покойнаго Н. жалуются на его пасынка В. за завладѣніе всей землей ихъ отца. В. возражаетъ, что онъ отрабатывалъ за отчима панщину, заработанныя деньги отдавалъ отчиму, что хотѣлъ, было,

идти куда нибудь въ пріймы, но отчимъ не пускалъ его отъ себя. Къ томуже дочери Н. пользуются землей своихъ мужей, у него же нѣтъ никакой другой земли. Свидѣтели подтвердили всё это. Судъ оставилъ землю за пасынкомъ Н., устраняя отъ нея его дочерей.

1886 г. Ром. вол. судъ. Пасынку, работавшему много лѣтъ въ хозяйствѣ отчима, 1/8 надѣла.

1882 г. Роменск. вол. судъ. Между пасынкомъ, наслѣдникомъ земли отцовской, и его мачихой состоялось на судѣ соглашеніе, по которому пасынокъ предоставляетъ мачихѣ 1/3 надѣла.

Здѣсь-же слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ видѣ пріймачества. Случается, что бездѣтные люди или же какой нибудь старикъ или старуха принимаютъ на свой надѣлъ племянника, крестника или какого нибудь посторонняго человѣка съ тѣмъ, чтобы онъ уважалъ ихъ, какъ родителей, велъ хозяйство при ихъ жизни, а послѣ смерти похоронилъ [1]). Такія сдѣлки заключаются словесно или письменно и вносятся иногда въ книги сдѣлокъ и договоровъ при волостяхъ. Въ нѣсколькихъ пересмотрѣнныхъ мною книгахъ романовской волости я нашелъ 7 такихъ сдѣлокъ.

И здѣсь, конечно, жизнь не всегда такъ слагается, какъ желали заинтересованные; возникаютъ иногда разногласія, случаются удаленія однихъ пріймаковъ и замѣна ихъ другими; дѣло иногда доходитъ и до волостнаго суда. Судъ поступаетъ здѣсь подобно, какъ въ случаяхъ съ зятьями-пріймаками: чаще поддерживаетъ право пріймаковъ, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ постановляетъ объ ихъ удаленіи. Ограждая имуществнныя права пріймаковъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ имъ о необходимости исполнять принятыя ими на себя обязанности, иногда раздѣляетъ землю по-ровну между пріемышемъ и принявшимъ, иногда опредѣляетъ въ пользу послѣдняго извѣстное количество зерна, оставляя пріймака на хозяйствѣ.

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о разныхъ видахъ пріймачества въ статьѣ П. М. Дашкевича о пріймачествѣ.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ я нашелъ 6 рѣшеній въ этомъ смыслѣ; одно, которымъ мальтретирующій принявшаго пріймакъ удаляется прямо отъ земли, несмотря на формальную росписку въ его пользу; одно, которымъ пріймакъ, не исполняющій принятыхъ на себя обязанностей, удаляется, но въ виду того, что онъ работалъ въ общемъ хозяйствѣ и воздвигъ постройки, въ его пользу присуждается $^1/_2$ построекъ и $^1/_8$ огорода, отъ участія же въ пахатной землѣ онъ устраняется (сдѣлка была словесная).

Чтобы покончить съ вопросомъ о положеніи лицъ менѣе часто встрѣчающихся въ семейномъ быту—нѣсколько словъ объ имущественныхъ правахъ незаконнорожденныхъ.

Матеріалъ по данному, въ высшей степени интересному вопросу у меня, къ сожалѣнію, очень скуденъ, тѣмъ не менѣе я хочу подѣлиться имъ.

Я знаю одно крестьянское духовное завѣщаніе, въ которомъ завѣщатель удѣляетъ своему сыну бóльшую часть земли, незаконнорожденному же (до брака) сыну своей жены тоже часть земли, хотя и меньшую. Пасынокъ этотъ долго работалъ въ общемъ хозяйствѣ. Въ рѣшеніяхъ волостнаго суда, которыя я имѣю въ виду, замѣчаются по данному вопросу колебанія: потому ли, что это одинъ изъ вопросовъ, недостаточно уясненныхъ для судей и находящихся въ періодѣ отыскиванія удовлетворительной формулы, или потому, что малочисленность данныхъ рѣшеній при недостаточности мотивировки не дозволяетъ опредѣлить общей ихъ тенденціи и причинъ колебанія,—не берусь судить. Вотъ краткое содержаніе этихъ рѣшеній.

1885 г. Романовскій волостной судъ. Незаконнорожденному до брака сыну жены отказано въ наслѣдованіи земли ея мужа.

1884 г. Романовскій волостной судъ. Незаконнорожденному сыну жены отказано въ наслѣдованіи земли умершаго ея мужа, но такъ какъ онъ работалъ 14 лѣтъ въ данномъ хозяйствѣ, ему присуждено 95 руб. (Вол. судъ судитъ дѣла до 100 рублей).

1883 г. Романовскій волостной судъ. Ѳ. въ земельномъ спорѣ съ братовой Г. домогается устраненія ея отъ пользованія

землей, такъ какъ мужъ ея умеръ и она вышла вторично замужъ. Г. говоритъ, что у нея есть сынъ К. отъ перваго брака и потому она имѣетъ право на надѣлъ. Ѳ. представляетъ метрическую выпись о рожденіи К., изъ которой оказывается, что онъ незаконнорожденный, родившійся до брака. Судъ постановляетъ раздѣлить землю по-ровну между спорящими.

Въ сосѣднемъ паволоцкомъ волостномъ судѣ (сквирскій уѣздъ) разбиралось въ прошломъ году слѣдующее дѣло. Бездѣтный старикъ, нѣсколько подвыпивши, указалъ собесѣдникамъ на проходившаго мимо молодого человѣка, незаконнорожденнаго сына односельчанки, какъ на своего сына. Узнавъ объ этомъ, молодой человѣкъ, по совѣту нѣкоторыхъ лицъ изъ слышавшихъ данное заявленіе, вчалъ передъ волостнымъ судомъ искъ о признаніи за нимъ права на совладѣніе землей старика. На судѣ старикъ и его жена оспаривали дѣйствительность данной связи, но судъ на основаніи приведеннаго заявленія старика и показаній его сестры о томъ, что она знаетъ о связи ея брата съ матерью истца—призналъ за истцомъ право на владѣніе землей вмѣстѣ съ отвѣтчикомъ на правахъ сыновнихъ. Старикъ обжаловалъ, было, рѣшеніе волостнаго суда, но потомъ, поразсмысливъ, изъявилъ согласіе на это рѣшеніе.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію взаимныхъ имущественныхъ правъ младшихъ членовъ семьи: братьевъ и сестеръ или же лицъ, которыхъ права имѣютъ точкой отправленія права первыхъ.

Въ обыкновенныхъ условіяхъ крестьянской жизни, въ огромномъ численномъ большинствѣ случаевъ—сыновья наслѣдуютъ по-ровну отцовскую землю, дочери не принимаютъ участія въ этомъ наслѣдствѣ. Этотъ принципъ ровнаго дѣленія между братьями отцовской земли настолько твердъ, что дѣлежи обыкновенно свершаются безъ всякаго участія суда, доходятъ до него только болѣе исключительные случаи. Случается, что при раздѣлѣ земли между братьями интересы котораго нибудь изъ нихъ не были представляемы и не были приняты во вниманіе, когда, напр., одинъ изъ братьевъ во время дѣлежа отсутствовалъ, находясь въ военной службѣ или гдѣ нибудь вдали, когда онъ

малолѣтенъ и т. п. Случалось это, конечно, и прежде, и именно въ моментъ составленія уставныхъ грамотъ, имѣющихъ по буквѣ закона значеніе документа на владѣніе тѣхъ лицъ, которыя внесены въ уставную грамоту. Случалось и то, что при составленіи уставныхъ грамотъ братья довольствовались внесеніемъ одного изъ нихъ въ грамоту. Въ подобныхъ случаяхъ часто возникаютъ споры. Волостной судъ поступаетъ въ такихъ случаяхъ опредѣленнымъ способомъ. Прежде всего онъ уясняетъ себѣ вопросъ: отцовская ли земля та, о которой спорятъ, или же пріобрѣтена самостоятельно братомъ, жившимъ въ моментъ списыванія уставной грамоты на отдѣлѣ; потомъ онъ провѣряетъ: не отказался ли свободно отъ земли братъ, претендующій теперь на нее. Въ этихъ случаяхъ онъ отказываетъ истцу. Но если окажется, напр., что возвратившійся солдатъ работалъ въ свое время панщину или же, что онъ за отсутствіемъ своимъ не могъ записаться въ уставную грамоту, или же, что претендующій былъ во время составленія ея малолѣтенъ и потому не былъ записанъ въ нее и т. п., волостной судъ, не стѣсняясь буквою грамоты, рѣшаетъ въ такихъ случаяхъ данные споры въ смыслѣ равнаго дѣлежа *батькивщыны* между братьями. При этомъ давность, напр. 20-лѣтняя, игнорируется въ этихъ случаяхъ.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ я вымѣтилъ 30 рѣшеній въ этомъ смыслѣ (нѣкоторыя въ виду однообразія мотивовъ и ясно очерченнаго пріема рѣшеній были пропущены мною). Прибавлю здѣсь для людей, дальше стоящихъ отъ сельской жизни, что въ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ для сальвированія буквы закона прибавляется фраза въ родѣ слѣдующей: „раздѣлить землю на 3-хъ братьевъ по-ровну для совмѣстнаго пользованія ею“, что на практикѣ значитъ полный фактическій раздѣлъ.

Въ приведенныхъ здѣсь случаяхъ добивающійся удѣла въ батькивщинѣ или не разрывалъ связи съ семейнымъ хозяйствомъ (малолѣтніе, братья, пользовавшіеся землею вмѣстѣ при записаніи одного въ устав. грам.), или разрывалъ ее мимовольно, отбывая за другихъ членовъ семьи воинскую повинность, при

чемъ въ рѣшеніяхъ, касающихъ отставныхъ солдатъ, часто упоминается о томъ, что такой-то до поступленія въ военную службу работалъ барщину, что работалъ въ семейномъ хозяйствѣ и послѣ возвращенія и т. п.

Во всѣхъ иныхъ случаяхъ для того, что бы имѣть право на участіе въ наслѣдованіи въ данномъ хозяйствѣ, требуется, что бы фактическая связь съ нимъ не была окончательно порвана. Случается, что при жизни родителей одинъ или больше сыновей отдѣляется и ведетъ самостоятельное хозяйство, другой или другіе остаются при хозяйствѣ отца. При такихъ раздѣлахъ на долю отца (за его отсутствіемъ на долю матери) оставляется такая же часть земли, какъ и на долю сыновей. Въ хозяйствѣ, положимъ, отецъ и три сына; два изъ нихъ идутъ на отдѣлъ и получаютъ по ¼ земли, третій, остающійся при родителяхъ, пользуется вмѣстѣ съ ними остающимися двумя четвертями. Въ этомъ случаѣ раздѣлъ земли между братьями былъ неокончательный; ¼ надѣла, которая оставалась въ пользу родителей, за ихъ смертію переходитъ во владѣніе не только того сына, который жилъ вмѣстѣ съ ними, но во владѣніе всѣхъ 3 сыновей по-ровну; всякій изъ нихъ получаетъ по ⅓ надѣла.

Но бываютъ случаи полнаго выдѣленія одного изъ братьевъ изъ даннаго хозяйства. Въ крѣпостное время случалось, что отдѣляющійся братъ получалъ отдѣльный надѣлъ изъ помѣщичьей земли; случалось и случается, что въ виду многочисленности семьи одинъ изъ братьевъ получаетъ отъ крестьянскаго общества часть такъ называемой вакантной земли; случается, что который нибудь изъ нихъ „прыстайе въ прыймы“ и пользуется землею жены. Въ этихъ случаяхъ выдѣленные ведутъ вполнѣ самостоятельное хозяйство; остающіеся въ семьѣ братья не имѣютъ права на земельное владѣніе выдѣленныхъ—и обратно. Тоже относится и къ отказавшемуся отъ земли при составленіи уст. грамоты.

Вотъ краткое содержаніе нѣсколькихъ рѣшеній въ подобныхъ случаяхъ.

1883 г. Романовскій волостной судъ. К. отдѣлился 24 года тому назадъ отъ братьевъ А. и П. и получилъ по уст. грам.

отдѣльно полевой надѣлъ, теперь добивается участья во владѣніи отцовской землей. Судъ отказалъ.

1883 г. Романовскій волостной судъ. А проситъ о выдѣлѣ ему части земли брата И., но оказывается, что земля И. не унаслѣдована отъ отца. Домогательство А. устранено.

1885 г. Романовскій волостной судъ. Х. домогается участія въ землѣ брата С., унаслѣдованной послѣднимъ отъ отца. „Принимая во вниманіе, что Х. еще за барщины отдѣлился отъ отца и присталъ въ пріймы и что онъ имѣетъ половину полевого пѣшаго надѣла и усадьбы“, данныя ему по приговору сельскаго общества изъ вакантной земли—судъ отказалъ Х. въ искѣ.

1885 г. Романовскій волостной судъ. Отдѣлившіеся въ крѣпостное время братья, пользующіеся половиною надѣла, требуютъ отъ остальныхъ участія во владѣніи хуторомъ. Но хуторъ полученъ ихъ отцемъ послѣ ихъ отдѣла и потому волостной судъ отказалъ имъ въ искѣ.

1883 г. Романовскій волостной судъ. Изъ 3-хъ братьевъ 2 пользуются усадебной и полевой землей; одинъ только усадебной; онъ домогается удѣла и въ полевой. Оказалось, что при составленіи уст. грам. онъ отказался отъ полевой земли. Судъ отказалъ истцу.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ рѣшеній въ этомъ смыслѣ 14.

Правила, примѣняемыя къ братьямъ, примѣняются и къ лицамъ, къ которымъ права братьевъ переходятъ по наслѣдству, и значитъ къ имущественнымъ отношеніямъ дядей и племянниковъ или племянницъ, братовыхъ, имѣющихъ дѣтей отъ покойнаго брата и представляющихъ права малолѣтнихъ, къ двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ. Допущеніе или недопущеніе къ земельному владѣнію зависитъ здѣсь отъ того отношенія къ нему, въ которомъ находились братья. Земля, по ходячей народной терминологіи, представляетъ въ этихъ случаяхъ для однихъ *батькивщыну*, для другихъ *дидызну*.

Вотъ краткое содержаніе нѣсколькихъ рѣшеній волостнаго суда въ подобныхъ случаяхъ:

1868 г. Новос. вол. судъ. Солдатка Т. проситъ выдѣлить ей и ея сыновьямъ часть земли, находящейся во владѣніи трехъ ея племянниковъ. Земля эта записана по уст. грам. за отцомъ племянниковъ, но мужъ ея до поступленія въ военную службу жилъ вмѣстѣ съ братомъ. Судъ рѣшилъ выдѣлить ей ¼ усадебной и полевой земли.

1883 г. Ром. вол. судъ. Племянникъ жалуется на дядю за завладѣніе всей землей. Отецъ племянника и его дядя были родные братья и наслѣдовали землю отъ отца. Судъ рѣшилъ раздѣлить землю на дядю и племянника по-ровну.

1886 г. Ром. вол. судъ. Племянница А. жалуется на своихъ двухъ дядей (родныхъ братьевъ ея отца), что они завладѣли всѣмъ движимымъ имуществомъ и землею ея отца и не допускаютъ ее къ удѣлу въ этомъ владѣніи; къ тому у нея сестра дѣвочка. Онѣ жили при матери, но когда мать вышла вторично замужъ, отчимъ не хочетъ держать ихъ при себѣ и имъ не изъ чего содержаться. Дяди возражаютъ, что они выдали на свои средства мать просительницы замужъ и дали ей корову. Судъ рѣшаетъ выдѣлить въ пользу А. и ея сестры ⅓ усадьбы и поля, находящагося во владѣніи дядей.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ—15 въ этомъ смыслѣ.

Но за дѣтями брата, отказавшагося отъ земельнаго надѣла, судъ не признаетъ права на участіе во владѣніи дяди—и обратно. Рѣшеній въ этомъ смыслѣ 7.

Случается и то, что вопросъ объ отдѣлѣ или отказѣ отъ земли не вполнѣ уясняется; судъ въ такихъ случаяхъ иногда уменьшаетъ только долю, которая припала бы и отцу при полной опредѣленности доказательствъ. Два такихъ рѣшенія замѣчены мною.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ случаевъ, въ которыхъ дочери принимаютъ участіе въ наслѣдованіи отцовской земли.

Во-первыхъ, онѣ наслѣдуютъ въ равныхъ частяхъ при отсутствіи живыхъ братьевъ или ихъ потомства. Въ ром. вол. судѣ 9 рѣшеній въ этомъ смыслѣ. Но онѣ наслѣдуютъ иногда и при живыхъ братьяхъ. Всего чаще случается это въ томъ случаѣ, когда къ дочери принятъ былъ пріймакъ на ту или иную часть

надѣла. Случаи эти, хотя и несравненно менѣе многочисленны, чѣмъ тѣ, въ которыхъ жена переходитъ на землю и хозяйство мужа,—встрѣчаются однако довольно часто. Мы видѣли, что волостной судъ отстаиваетъ права пріймаковъ по отношенію къ тестямъ; онъ, разумѣется, дѣлаетъ это тѣмъ рѣшительнѣе по отношенію къ братьямъ ихъ женъ. За пріймакомъ (собственно говоря, за его женою) удерживается та часть земли, на которую онъ былъ принятъ въ пріймы.

Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ рѣшеній по этому вопросу.

1883 г. Ром. вол. судъ. П. требуетъ, чтобы ея братъ Ю. выдѣлилъ ей половину земли, такъ какъ, выдавая ее замужъ, отецъ назначилъ пріймаку ½ надѣла. Земля записана по уст. грам. за отвѣтчикомъ Ю. Отецъ спорящихъ заявляетъ, что онъ желаетъ равнаго раздѣла; свидѣтели удостовѣряютъ, что пріймакъ былъ принятъ на половину надѣла. Судъ рѣшаетъ раздѣлить землю по-поламъ.

1883 г. Ром. вол. судъ. Землю раздѣлить по-ровну между двумя сыновьями и зятемъ пріймакомъ.

1885 г. Ром. вол. судъ. Х. требуетъ, чтобы мужъ ея сестры М. выдѣлилъ ей половину земли, унаслѣдованной сестрами отъ матери. Оказалось, что М. былъ принятъ въ пріймы на весь надѣлъ, на что имѣется и расписка. Судъ отказалъ истицѣ.

Мы видимъ здѣсь участіе дочерей въ земельномъ владѣніи при живыхъ братьяхъ на основаніи договора о пріймачествѣ, причемъ дочери наслѣдуютъ здѣсь именно на основаніи этого договора съ исключеніемъ другихъ сестеръ. Рѣшеній объ имущественныхъ правахъ сестеръ, вышедшихъ замужъ за пріймаковъ, въ смыслѣ вышеприведенныхъ—въ разсмотрѣнныхъ мною книгахъ—14. На судѣ фигурируютъ здѣсь чаще всего сами пріймаки, но главнымъ образомъ потому, что мужчины вообще чаще функціонируютъ въ подобныхъ случаяхъ, въ сущности, однако, они являются здѣсь представителями правъ своихъ женъ, такъ какъ бездѣтные вдовцы пріймаки не наслѣдуютъ вообще земли, которою пользовались при жизни женъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Такъ напр.

1884 г. Ром. вол. судъ. Ф. былъ принятъ въ пріймы къ сестрѣ М. Жена и дѣти Ф. померли и М. не хочетъ выдѣлить ему части усадьбы. М. говоритъ, что выдѣлить не хочетъ, но не хочетъ и совсѣмъ обидѣть Ф. Судъ рѣшаетъ выдѣлить Ф. $^1/_3$ усадьбы. О полѣ нѣтъ рѣчи.

Подобное рѣшеніе въ томъ же судѣ въ 1880 г.

Но случается иногда, что при живыхъ братьяхъ наслѣдуютъ и сестры, помимо договора о пріймачествѣ. Случается это:

а) Въ виду ихъ особенныхъ трудовъ или заслугъ по отношенію къ данному хозяйству—напр.

1883 г. Ром. вол. судъ. Е. послѣ смерти перваго мужа-пріймака, съ которымъ имѣла сына, вышла вторично замужъ и жила на землѣ и хозяйствѣ мужа. Послѣ смерти второго мужа его семья удаляетъ ее изъ хаты, она требуетъ выдѣла части земли отъ брата И., унаслѣдованной имъ отъ отца и записанной за нимъ И., по уст. грамотѣ. Свидѣтели показали, что И. не имѣлъ бы этой земли, если бы сестра его Е. не отрабатывала за нее барщины, такъ какъ И. былъ въ то время малолѣтенъ. Судъ рѣшилъ выдѣлить ей $^1/_3$ усадьбы и поля.

1883 г. Ром. вол. судъ. Х. жалуется на роднаго брата К. о томъ, что онъ завладѣлъ всей землей, оставшейся послѣ ихъ отца, между тѣмъ она, будучи еще дѣвочкой, работала и заработанныя деньги отдавала брату. Судъ постановилъ выдѣлить ей $^1/_4$ усадебной и полевой земли.

Въ томъ же судѣ въ 1884 году рѣшеніе въ томъ же смыслѣ.

б) При живыхъ братьяхъ сестры наслѣдуютъ нѣкоторую, вообще меньшую часть земли, оставшейся отъ отца, въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, которые довольно трудно подвесть подъ общую формулу. Вообще это соображенія альтруистическаго свойства. Преобладаютъ здѣсь или соображенія о томъ, что безъ всякаго удѣла въ земельномъ владѣніи, онѣ поставлены въ слишкомъ трудное экономическое положеніе, или о томъ, что семья не все то исполнила по отношенію къ нимъ, къ чему она обязана. Вотъ содержаніе нѣсколькихъ рѣшеній волостнаго суда въ подобныхъ случаяхъ:

1882 г. Ром. вол. судъ. А. жалуется на своего брата П., что онъ продалъ отцовскую хату, она же, незамужняя и служащая, не имѣетъ своего угла. П. возражаетъ, что послѣ смерти отца онъ остался полнымъ хозяиномъ, сестрѣ же дозволяетъ жить при себѣ. Судъ рѣшилъ выдѣлить въ пользу А. 1/3 огорода для постройки тамъ хаты, полевую же землю оставить въ исключительномъ пользованіи брата П.

1883 г. Ром. вол. судъ. А. домогается, чтобы братъ ея Н. выдѣлилъ ей часть батькивщыны, такъ какъ она не надѣется выйти замужъ и имѣетъ незаконнорожденнаго сына. Братъ согласенъ выдѣлить ей часть усадьбы, но не поля, и согласенъ, чтобы она жила при немъ. Судъ рѣшаетъ выдѣлить А. 1/3 усадьбы, пусть она живетъ при братѣ и пусть братъ ей помогаетъ. Пахатное поле остается нераздѣльно при братѣ.

1885 г. Ром. вол. судъ. Т. владѣетъ по наслѣдству половиной пѣшаго надѣла; послѣ смерти отца—онъ, будучи взрослымъ, не взялъ къ себѣ малолѣтней сестры А., которую воспитывалъ въ теченіе 8 лѣтъ С. Теперь С. проситъ присудить въ пользу А. часть земли, унаслѣдованной ея братомъ. Судъ рѣшаетъ: выдѣлить А. по 1/2 морга въ смѣну для пользованія до выхода ея замужъ, если она выйдетъ за земельнаго, а если выйдетъ за безземельнаго—то пожизненно.

Въ родѣ вышеприведенныхъ въ томъ же судѣ еще 3 рѣшенія.

в) При живыхъ братьяхъ наслѣдуютъ сестры въ равной или меньшей мѣрѣ по завѣщаніямъ и т. п., иногда словеснымъ, иногда письменнымъ. Въ ром. вол. судѣ 5 рѣшеній въ этомъ смыслѣ.

Наконецъ, есть нѣсколько рѣшеній, въ которыхъ сестрамъ присуждается иногда равная съ братьями, иногда значительно меньшая часть земли, причемъ рѣшеніе не мотивируется и ходъ дѣла такъ записанъ, что мотивовъ рѣшенія невозможно возстановить.

Мы видѣли, что принципъ наслѣдованія земли отцовской сыновьями подвергается ограниченіямъ въ пользу сестеръ по разнымъ причинамъ, и между ними важную роль играетъ значительный трудъ и затраты на подлежащее наслѣдованію хозяй-

ство. Во имя этого же принципа бóльшаго значительно вклада труда и расходовъ въ данное хозяйство—равенство дѣлежа унаслѣдованной земли между братьями подвергается также ограниченіямъ.

1880 г. Ром. вол. судъ. Одинъ братъ (онъ внесенъ въ уст. грам.) платилъ платежи, отбывалъ повинности, уплатилъ долги отцовскіе, женилъ младшаго брата на средства своего хозяйства. Старшій его братъ находился въ военной службѣ. Братъ хозяйничавшій выдѣлилъ старшему и младшему брату по 1/4 надѣла, оставляя за собою 1/2. Судъ постановилъ оставить ихъ надѣлы въ данномъ размѣрѣ.

1882 г. Ром. вол. судъ. Одному брату больше земли въ виду уплаты имъ отцовскихъ долговъ.

1882 г. Ром. вол. судъ. То-же въ виду расходовъ, понесенныхъ на воспитаніе и погребеніе одного изъ братьевъ.

1885 г. Ром. вол. судъ. То-же, такъ какъ одинъ братъ больше отрабатывалъ барщины и вообще больше работалъ въ хозяйствѣ.

Рѣшеній въ этомъ смыслѣ 7; между ними одно въ пользу братовой съ сыномъ, уплатившей значительные долги свекра.

Неравенство дѣлежа братьевъ вытекаетъ также иногда изъ завѣщаній или вообще воли родителей. Волостной судъ иногда признаетъ силу завѣщаній и т. п., иногда дѣйствуетъ помимо содержанія ихъ, соображаясь, вѣроятно, на сколько съ объективной этикой данной среды сходится воля родителей.

Въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ я нашелъ 6 случаевъ, въ которыхъ судъ признаетъ неравный дѣлежъ сыновей на основаніи духовныхъ завѣщаній или фактическаго раздѣла дѣтей родителями при ихъ жизни, 4 случая, въ которыхъ судъ возстановилъ имущественное равенство братьевъ, вопреки завѣщаніямъ или инымъ способомъ выраженной волѣ родителей.

Далѣе—равный дѣлежъ земли между братьями подвергается ограниченіямъ, имѣющимъ въ виду общее уравновѣшеніе ихъ шансовъ экономическихъ.

Сюда относятся отказы отъ удѣла въ батькивщинѣ пріймакамъ, имѣющимъ землю за женами. Иногда это полные отказы, иногда имъ удѣляется сравнительно меньшая часть наслѣдственной земли; иногда это уменьшеніе является временнымъ до тѣхъ поръ, пока они пользуются жениной землей.

Рѣшеній въ этомъ смыслѣ 6. Дальше идутъ рѣшенія, въ которыхъ и особо надѣленная крестьянскимъ обществомъ одному изъ братьевъ вакантная земля и земля унаслѣдованная подвергается равному раздѣлу между братьями. 4 рѣшенія въ этомъ смыслѣ.

Иногда указанное здѣсь стремленіе къ уравновѣшенію экономическихъ шансовъ братьевъ обнаруживается во всей полнотѣ, напр., въ рѣшеніи ром. вол. суда въ 1884 г., по которому одному брату присуждена $^1/_4$ надѣла, другому $^3/_4$ въ виду бездѣтности перваго и многочисленной семьи втораго.

Для характеристики того принципа, съ которымъ мы здѣсь часто встрѣчаемся, и который состоитъ въ признаніи труда однимъ изъ самыхъ существенныхъ факторовъ при опредѣленіи имущественныхъ правъ, приведу еще 2 рѣшенія, не вошедшія до сихъ поръ въ рамки настоящихъ замѣтокъ.

1871 г. Жидов. вол. судъ. Сирота-племянникъ служилъ трудолюбиво бездѣтному дядѣ 12 лѣтъ, работалъ за него и барщину; теперь проситъ судъ присудить ему вознагражденіе, такъ какъ дядя отъ этого уклоняется. Судъ присуждаетъ въ пользу племянника $^1/_2$ надѣла дяди.

1883 г. Ром. вол. судъ. Внукъ работалъ у дѣда 18 лѣтъ. Дѣдъ женилъ его на свои средства, далъ ему *витракъ* и пару воловъ, но потомъ взялъ свой даръ назадъ. Судъ присудилъ въ пользу внука $^1/_3$ усадьбы и полеваго надѣла.

Рядомъ съ указаннымъ здѣсь принципомъ—мы встрѣчаемся съ другимъ, вліяющимъ тоже въ извѣстной мѣрѣ на установленіе имущественныхъ правъ. Принципъ этотъ состоитъ въ признаніи права на жизнь, или, говоря болѣе вульгарно, но менѣе точно—во вліяніи мотивовъ милосердія на дѣлежи имуществомъ.

Приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ не вошедшихъ до сихъ поръ въ эти замѣтки.

1880 г. Ром. вол. судъ. Сестра была замужемъ за пріймакомъ, который умеръ. Выходя вторично замужъ, она записала ½ усадьбы, которой пользовался мужъ-пріймакъ, своему второму мужу. Сестра умерла, и оставшійся братъ оспариваетъ права второго мужа покойной. Судъ находитъ, что хотя бездѣтный вдовецъ и не имѣетъ права на землю своей жены, но въ виду его дряхлости ему слѣдуетъ удѣлить ⅓ усадьбы, которою онъ владѣлъ.

1879 г. Жидов. вол. судъ. Бездѣтная вдова жалуется, что братъ ея мужа завладѣлъ всей землей покойнаго. Оказывается, что покойный продалъ эту землю брату. Судъ постановляетъ: сдѣлку оставить въ силѣ, но обязать отвѣтчика содержать братовую до ея смерти.

1884 г. Ром. вол. судъ. Изъ земли, не унаслѣдованной отъ отца, выдѣлить брату ⅓ усадебной и ¼ пахатной и дать старую комору для постройки хаты.

Шесть рѣшеній въ этомъ смыслѣ.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду рѣшенія волостныхъ судовъ, въ которыхъ эти суды руководствуются своимъ міровозрѣніемъ, независимо отъ буквы закона, игнорируя, напр., преобладающее право лицъ, за которыми земля записана по уставной грамотѣ, давность и т. п. Но иногда они подчиняются этимъ соображеніямъ въ большей или меньшей мѣрѣ: то устраняя совсѣмъ домогательства лицъ, незаписанныхъ въ уставной грамотѣ, то выдѣляя имъ меньше, чѣмъ въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ. Напр.

1880 г. Ром. вол. судъ. Требованіе участія во владѣніи наслѣдственной землей со стороны возвратившагося изъ войска брата устранено, такъ какъ земля записана по уставной грамотѣ за другимъ братомъ.

1879 г. Новос. вол. судъ. Три брата, за которыми земля записана по уставной грамотѣ, обязаны выдѣлить возвратившемуся изъ войска брату ⅓ движимаго имущества и ¼ усадьбы, не допуская его до владѣнія пахатной землей.

1873 г. Жидов. вол. судъ постановилъ вмѣсто удѣла въ земельномъ владѣніи денежный сплатъ (80 руб.) въ пользу мень-

шаго брата, незаписаннаго въ уставной грамотѣ, такъ какъ законъ запрещаетъ дробленіе надѣловъ.

1886 г. ром. вол. судъ. Возвратившемуся изъ войска брату отказано въ участіи въ наслѣдованіи земли въ виду 27-лѣтней давности.

Есть аналогичныя рѣшенія въ спорахъ между дядями и племянниками. Всѣхъ такихъ рѣшеній въ разсмотрѣнныхъ мною книгахъ волостныхъ судовъ я нашелъ 29.

Рѣшенія эти, какъ видимъ, разногласятъ съ другими рѣшеніями въ аналогичныхъ случаяхъ. Какъ это объяснить?

Мнѣ кажется, что здѣсь дѣйствуетъ нѣсколько причинъ. Во-первыхъ, по всей вѣроятности, между рѣшеніями данной категоріи есть и такія, которыя подходятъ подъ нее только по формѣ, въ сущности же рѣшеніе судей мотивировалось иными соображеніями, и судъ воспользовался только данными формальными рамками. Дальше, здѣсь остаются не безъ вліянія и указанія въ смыслѣ буквы закона и понятій, сложившихся внѣ крестьянской среды, ближайшихъ представителей этого закона и этихъ понятій. Къ этой категоріи вліяній относятся и многія отмѣны съѣздомъ мировыхъ посредниковъ постановленій волостныхъ судовъ. Наконецъ, весьма вѣроятно, что въ нѣкоторой части этихъ рѣшеній подъ шумокъ уваженія къ буквѣ закона проникаютъ обставленныя книжною мудростью вліянія иныхъ ведущихъ перо, а также и разныя стороннія соображенія, колеблющія объективность самихъ судей.

Если теперь, на основаніи изложеннаго, мы постараемся установить общіе принципы, опредѣляющіе имущественныя права членовъ семьи, по крайней мѣрѣ въ той ближайшей моей мѣстности, рѣшенія волостныхъ судовъ которой я цитировалъ, то, мнѣ кажется, мы можемъ прійти къ слѣдующимъ выводамъ.

Кровный союзъ сожительствующей семьи и участіе ея членовъ въ общемъ трудѣ до такой степени тѣсно связаны, что трудно выдѣлить степень участія соображеній о кровномъ родствѣ и объ участіи въ семейномъ трудѣ при опредѣленіи имущественныхъ правъ членовъ семьи. Бываютъ однако случаи, въ которыхъ тотъ или иной изъ этихъ принциповъ выдвигается болѣе впередъ.

Такъ, принципъ кровной связи обнаруживается въ признаніи имущественныхъ правъ малолѣтнихъ, хотя здѣсь онъ и не противорѣчитъ принципу трудовому и служитъ только указаніемъ на общую экономическую формулу семейно-хозяйственной ассоціаціи. Дѣйствительно, сегодня нетрудоспособный малолѣтній, завтра будетъ трудоспособнѣе другихъ членовъ семьи и трудовой недочетъ сегодняшній восполнитъ завтра. Въ виду этого, экономическій принципъ семейно-хозяйственной ассоціаціи можно бы такъ опредѣлить: отъ всякаго по мѣрѣ силъ его, всякому по мѣрѣ его потребностей въ границахъ экономическихъ рессурсовъ семьи. Болѣе исключительно выступаютъ на первый планъ соображенія кровной связи или свойства въ случаяхъ, когда дѣлается различіе между бездѣтными вдовцами и вдовами и имѣющими дѣтей съ членами кровной семьи. Косвенно обнаруживается онъ, когда мотивы милосердія при дѣлежахъ примѣняются къ лицамъ, связаннымъ родствомъ или свойствомъ, и къ нимъ именно исключительно.

Рядомъ съ этимъ съ неменьшей силой выступаетъ принципъ, по которому степень участія въ семейномъ трудѣ вліяетъ на опредѣленіе размѣровъ имущественныхъ правъ. Примѣненіе этого принципа мы видѣли въ возрастаніи имущественныхъ правъ вдовъ по мѣрѣ возрастанія ихъ связи съ данной семьей и хозяйствомъ. Въ силу этого же принципа получаютъ удѣлъ въ земельномъ владѣніи семьи выдѣляющіеся при жизни родителей сыновья, поработавшіе долго въ семейномъ хозяйствѣ вдовые бездѣтные пріймаки, отчимы, мачихи, незаконнорожденные дѣти женъ, потрудившіеся больше сестры, племянники, внуки въ случаяхъ, когда имущественныя права утеряны ихъ родителями; въ силу того же принципа болѣе потрудившіеся братья получаютъ иногда большую въ сравненіи съ другими часть земли.

Независимо отъ этихъ двухъ принциповъ мы видѣли въ разныхъ рѣшеніяхъ вліяніе мотивовъ милосердія.

Это взаимнодѣйствіе соображеній кровнаго родства, мотивовъ милосердія и правъ, сообщаемыхъ степенью участія труда въ семейномъ хозяйствѣ,—сообщаютъ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ видимую внѣшнюю неустойчивость. Точный критерій уравновѣ-

шенія этихъ соображеній трудно дается, и онъ не выработанъ пока народною жизнію, но она, очевидно, стремится къ выработкѣ его. Смотря на дѣло независимо отъ формалистическихъ привычекъ рутинной юриспруденціи, нельзя не порадоваться этому явленію, такъ какъ принципы, модифицирующіе въ данномъ случаѣ имущественныя права, основанные на кровномъ родствѣ, вполнѣ приспособлены къ бытовымъ условіямъ крестьянской среды, скажу больше—къ условіямъ человѣческихъ обществъ по мѣрѣ возрастанія значенія труда въ общемъ ихъ устроеніи.

Въ нѣкоторомъ разногласіи съ указанными здѣсь принципами стоитъ устраненіе дочерей или сестеръ отъ наслѣдованія земли.

Правда, удерживаніе дивчатами въ свою пользу заработковъ на сторонѣ, далѣе общность обычая, по которому онѣ переходятъ на земли мужей, все это до извѣстной степени ослабляетъ исключительное преимущество мужскихъ наслѣдниковъ, а въ случаяхъ, когда оно особенно тягостно отражается на женщинахъ—волостной судъ вступается за нихъ до извѣстныхъ границъ. Но въ общемъ все таки нельзя не признать, что при опредѣленіи имущественныхъ правъ наслѣдниковъ женскаго пола—обычай не считается въ такой мѣрѣ ни съ принципомъ кровнаго родства, ни съ принципомъ труда, какъ при опредѣленіи имущественныхъ правъ мужчинъ.

Разнообразіе мотивовъ, по которымъ сестры при живыхъ братьяхъ допускаются до участія въ наслѣдствѣ въ той или иной мѣрѣ, колебанія по этимъ вопросамъ—указываютъ, кажется, на то, что въ общественной совѣсти зародились сомнѣнія относительно достаточной справедливости обычая, и что она находится въ стадіи отыскиванія болѣе удовлетворительнаго принципа.

Еще слово. Семейная жизнь въ малорусской крестьянской средѣ, конечно, далека отъ идеала, но, желая оцѣнить ее по достоинству, нужно прежде всего смотрѣть не на грубыя подчасъ формы проявленія жизни въ данной средѣ, а на основные принципы, лежащіе въ основѣ этой жизни, и на модификаціи ихъ во времени. Съ *этой* точки зрѣнія крестьянскій семейный бытъ имѣетъ, мнѣ кажется, то громадное преимущество передъ

буржуазнымъ, что онъ не замкнулся неподвижно въ самодовольномъ наслажденіи формулами сомнительнаго достоинства, что онъ проще считается съ дѣйствительностью и болѣе доступенъ модификаціямъ, что споры между старшимъ и младшимъ поколѣніемъ рѣшаются въ немъ принципіально, что въ экономическомъ отношеніи онъ больше считается съ принципами, которые выдвигаются впередъ по мѣрѣ развитія человѣчества. Но я сохраняю за собою право обратиться болѣе подробно къ этимъ вопросамъ и ихъ объясненію послѣ окончанія ряда писемъ, предназначенныхъ для „Кіевской Старины“.

Ѳ. Рыльскій.

УКРАИНСКІЕ ЮМОРИСТЫ И ШУТНИКИ.[1]

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Лѣтній, ясный день. Воскресенье. Антонъ идетъ въ церковь. Онъ аккуратно ходитъ въ церковь на обѣдню: онъ поетъ на клиросѣ. На клиросѣ онъ становится не подъ стѣнкой, а впереди—на видномъ мѣстѣ, чтобы и себя показать, и посматривать въ бабынець. Онъ одѣтъ чисто, смотритъ сельскимъ франтомъ-шляхтичемъ или крестьяниномъ. На немъ жупанъ тонкаго синяго сукна. Станъ охваченъ зеленымъ новымъ поясомъ; сапоги съ блестящими голенищами до колѣнъ; шея повязана чернымъ платкомъ. Отложенные воротники спускаются на грудь. По костюму онъ скорѣе крестьянинъ, нежели панъ. Костюмъ Антона выражаетъ его демократическія тенденціи, конечно, только въ потенціи, но онъ, дѣйствительно, демократъ по природѣ: онъ тянетъ къ массамъ, къ народу; его симпатіи направлены къ народу. Онъ полный контрастъ пану Занудѣ, гордящемуся своимъ бригадирскимъ и дворянскимъ происхожденіемъ. Антонъ причесываетъ волосы, отбрасывая ихъ назадъ. Лобъ его бѣлый, блестящій, покатый вгоняется какъ бы клиномъ въ массу густыхъ волосъ. Голова его высока, остра, съуживается къ верху. Густые усы, колючіе, какъ щетина, коротко острижены. Антонъ не носитъ бороды. Клиросъ полонъ пѣвчихъ, набитъ биткомъ. Въ углу, на почетномъ мѣстѣ, стоитъ дякъ Степанъ Иличъ, онъ поетъ, попеременно подперши лѣвою рукою щеку и нагнувъ

[1] См. „Кіев. Старина", 1890 г. № 10.

голову, какъ будто направляя свой густой басъ въ рукавъ. Возлѣ него стоитъ старый Терешко, отставной николаевскій солдатъ. Терешко не то храпитъ, не то шипитъ, издавая какое-то дребезжаніе, напоминающее звукъ разбитаго котла. Возлѣ него Иванъ Михалчевскій подтягиваетъ сыпкимъ баритономъ. Олександръ, какъ самый младшій на клиросѣ, долженъ изображать, по мнѣнію дяка Степана Илича, дисканта, и онъ его изображаетъ: пищитъ „якъ порося въ тыну“. Вообще хоръ сильно напоминаетъ цымбалы Томка и миѳическія гусли-самограны. И на фонѣ этого шипящаго, дребезжащаго аккомпанимента льется чудный теноръ Антона—высокій, сильный, мягкій, какъ бархатъ, нѣжный, какъ флейта. Антонъ покрываетъ своимъ сильнымъ голосомъ эти цымбалы и гусли-самограны. Его только и слышно, все остальное шипитъ и храпитъ какъ будто гдѣ-то далеко за спиною. Какой обширный регистръ! Какая сила и мягкость! Его голосъ составилъ бы украшеніе любой сцены, а особенно въ операхъ. Онъ поетъ по крестьянски: придавливаетъ ноту въ концѣ мотива, налегаетъ на нее и отрываетъ, словно молоткомъ прихватитъ; въ его пѣніи иногда сильно отзывается характеръ его излюбленныхъ мелодій, въ родѣ: „симъ день коноцель, а ячмень—три дни“... Антонъ поетъ и искоса посматриваетъ на бабынець. А бабынець цвѣтетъ, какъ цвѣтникъ, и карими очами, и чорными бровями и нарядами: цвѣтами да лентами, да червоными намистами. Онъ все посматриваетъ на красавицу Олену въ гирляндѣ изъ разноцвѣтныхъ цвѣтовъ на головѣ. Но на горизонтѣ появилась новая звѣзда: это была Олександра, блондинка съ тонкими чертами лица, съ карими задумчивыми глазами. Она немножко хромала: ея правая нога свихнута въ косточкѣ; во время ходьбы этотъ недостатокъ былъ немножко замѣтенъ; но выраженіе ея лица было умное, задумчивое, какъ у калѣкъ, привыкшихъ вдумываться, углубляться въ себя. Олександра затмила чернобровую Олену. Антону смѣялись этой Олександрой, но Антонъ съ высоты своего величія называлъ Олександру „крывуцею“ и, повидимому, мало интересовался ею.

— Знайшлы кымъ мини сміяться: якоюсь крывуцею! Отъ якъ бы іи спарувать зъ крывымъ Гнатомъ, то була бъ пара: винъ шкутыльгае на право, а вона на ливо; саме до пары!

Такъ отдѣлывался Антонъ, когда надъ нимъ смѣялись дивчата. На эту-то „крывуцу“ чаще всего и посматриваетъ Антонъ, бросая искоса взглядъ въ бабинецъ. Въ церковь входитъ панъ Зануда; прилизанный, одѣтый въ новое платье; на немъ какіе-то клѣтчатые розовые панталоны и очень коротенькій сюртучекъ—самый модный. Панъ Зануда направляется къ царскимъ вратамъ, бьетъ три поклона, ставъ колѣнами на солею. Его коротенькій сюртучокъ сползаетъ на талію при каждомъ поклонѣ. „Чесна громада“ въ смущеніи опускаетъ глаза. Мальчики смѣются и переглядываются. Зануда торжественно выпрямляется во весь свой ростъ, какъ будто на его персяхъ висятъ тѣ „мыгдали и рыгали“, которыми была украшена грудь его отца—бригадира, какъ любилъ хвастать панъ Зануда. Онъ быстро приглаживаетъ, по выраженію Антона, „свои пейсы“, то правою, то лѣвою рукой, идетъ въ алтарь и стоитъ тамъ почти рядомъ со священникомъ. Антонъ подмѣчаетъ этотъ жестъ и пускаетъ въ ходъ свои ладони: быстро треплетъ ими по своимъ вискамъ. Въ бабынцѣ этотъ жестъ замѣченъ. Дивчата и молодыци сдержанно улыбаются. Благочестивая и злая баба Марта грозно сдвигаетъ брови и „пьетъ очима“ Антона.

Богослуженіе окончилось. Изъ церкви повалилъ народъ; съ крутой горы къ парому словно полилась живая рѣка; вотъ она достигаетъ парома и вливается на паромъ. Паромъ полонъ. Толпа живописна пестротою костюмовъ. Паромъ уже отчаливаетъ. Антонъ добѣгаетъ до перевоза и, несмотря на то, что паромъ отошелъ уже на сажень отъ гати, разгоняется и перепрыгиваетъ на паромъ. Его фигура мелькнула надъ водою словно мячъ и какъ будто упала на паромъ. На паромѣ дивчата стоятъ спереди, готовыя первыми спрыгнуть съ парома на противоположный берегъ; молодыци и бабы располагаются съ правой стороны; чоловикы и парубкы становятся плотнымъ рядомъ „у кодолы“ и „тягнуть паромъ“. Они едва касаются руками кодолы. У кодолы не видно ни одной женщины, онѣ не „тягнуть

парома", когда на паромѣ есть мужчины. У кодолы чернѣетъ плотный рядъ черныхъ смушевыхъ шапокъ, словно черныя птицы сѣли рядомъ на кодолѣ. Противъ нихъ группа молодыць въ цвѣтныхъ платкахъ на головѣ, бабы въ бѣлыхъ намиткахъ. Спереди дивчата, „якъ макъ процвитае". Паромъ съ живописной, нарядной толпой быстро скользитъ по рѣкѣ, словно корзина, полная пестрыхъ цвѣтовъ, пущенная по водѣ. Небо чудное: синее, бирюзовое. Горы зеленѣютъ, какъ будто покрыты бархатными зелеными коврами. Утреннее солнце ярко освѣщаетъ картину. Что то радостное, праздничное, торжественное разлито какъ бы въ самомъ горячемъ воздухѣ, въ лучахъ солнца. Антонъ воодушевляется. Его воодушевляетъ толпа: паромъ для него готовая сцена съ зрителями. Но съ дивчатами и молодыцями жартовать ему неловко: на паромѣ присутствуютъ отцы и мужья. На этотъ разъ Антонъ направляетъ свои жарты на безпомощныхъ бабъ. Вотъ въ центрѣ парома стоитъ баба—Струлыха,—старая, престарая, сухая, какъ опенекъ. Она окружена внучатами; одной рукой держитъ за руку свою внучку, другой опирается на палку. Спина ея согнулась въ дугу, голова наклонена; глаза полумертвые, отжившіе. Подбородокъ подвязанъ бѣлою хусткою, сложенною вдвое накрестъ; два конца платка висятъ внизъ: баба Струлыха какъ будто съ бѣлою бородою. Она тиха, добра, смирна, какъ доброе дитя. Антонъ обращается къ бабѣ Струлыхѣ:

— А чого це, бабо, въ васъ била борода выросла? Була була баба та дожилася до того, що зъ бабы ставъ дидъ.

Баба Струлыха смѣется, т. е. дѣлаетъ какую то гримасу, какъ будто притворяется, что смѣется.

— А колыжъ, бабо, до васъ старостивъ слаты? Чы въ мясныци, чы въ петривку? пристаетъ Антонъ.

— Хе-хе-хе, издаетъ баба какой то звукъ, напоминающій блеяніе ягненка.

— Струлыха петривчана молода, отзывается у кодолы одинъ дядько, шлы, Антоне, старостивъ предъ Петромъ.

— А не дасте жъ, бабо, мини часомъ гарбуза? продолжаетъ Антонъ.

— Э-х-х! А бодай тебе Богъ любывъ та добри люде! рѣшается таки баба пустить фразу изъ за своей бѣлой бороды.

— А скрыня жъ у васъ не порожня? Га? А рушныкы вже готови? спрашиваетъ Антонъ.

— Э-х-х! А бодай тебе мыша брыкнула! Бодай тоби курка на ногу наступыла! шамкаетъ баба ругань, похожую на замовлиння отъ хоробы. Антонъ видитъ, что изъ этого кремня не выкресать огня для своего жарта: огонь въ немъ совсѣмъ погасъ; онъ оставляетъ въ покоѣ беззубую добрую бабу Струлыху и направляетъ свое кресало на бабу Зиньку. Баба Зинька высока, тонка, какъ колъ, съ очень маленькими тонкими руками, съ тоненькой длинной шеей, напоминающей шею гусыни. Она вдова, еще не стара и терпѣть не можетъ, если дивчата и парубки называютъ ее бабою. На ней бѣлая свита и старые полинявшіе желтые чоботы—признакъ кокетства. Зинька веселаго характера: любитъ пошутить, посмѣяться. Ея слабость—панычи.

— Ничого такъ въ свити не люблю, якъ панычивъ, не разъ говорила наивная Зинька „прылюдно“, когда была помоложе,—стала на сахарни на работу, щобъ хочь надывытысь на капостныхъ панычивъ; а якъ угляжу паныча, то ладна бигты за нымъ хочъ бы й на край свита.

Очевидно, для наивной влюбчивой Зиньки идеалъ мужчины представлялся не въ свиткѣ и бараньей шапкѣ, а въ сюртукѣ и цилиндрѣ, пожалуй даже во фракѣ, т. е. въ томъ видѣ въ какомъ народъ болѣе темный, чѣмъ Зинька, видитъ на плотинѣ и въ болотѣ чорта. Зинька положительно космополитка и даже крайній западникъ. Крестьяне называютъ ее полупрезрительно увеличительнымъ именемъ—Зиньоватъ. Будь баба Зиньоватъ—мадамъ Зиньоватъ—она забѣжала бы за какою нибудь фрачною парой на теплыя воды въ Баденъ-Баденъ, или-же въ Эмсъ, или-же туда, гдѣ лимоны зрѣютъ.

—Гы-гы-гы! пускаетъ Антонъ ноту искусственнаго смѣха, смотря на Зиньоватъ.

— Гы-гы-гы! отвѣчаетъ ему Зиньоватъ въ томъ же тонѣ.

— Моя бабко, моя бабуню! моя бабусю, моя бабусенька, моя бабунечко, моя бабунонько, моя гарненька! варьируетъ Антонъ слово баба, конечно, съ ядовитою цѣлью.

— Оце разбабывся; чы не ради святои недили? Яка я тоби баба? Хиба я тоби пупа ризала? отвѣчаетъ обидившаяся Зиньовать.

— Моя щебетушечко, моя беззуба цокотушечко! продолжаетъ Антонъ.

— Та брешышъ бо: въ мени уси зубы въ роти, говоритъ Зиньовать и нарочно говоритъ какъ то размашисто, открывая во всю ширь свои тонкія сухія губы, изъ за которыхъ блестятъ два ряда мелкихъ бѣлыхъ зубовъ.

— Ой, моя ты пысаночко! Пришлю до тебе свативъ—не выдержу, говоритъ Антонъ.

— Той й прысылай, про мене, отвѣчаетъ Зиньовать и дѣлаетъ что то похожее на глазки.

— Прышлю сватив до тебе въ спасивку, а весилля справымо на самого Спаса.

— А хто-жъ шле сватив въ спасивку? говоритъ Зиньовать.

— Та я жъ, бо до спасивчанои молодои треба и сватив слаты въ спасивку.

— Колы такъ, то потягнешъ гарбуза, отвѣчаетъ не на шутку обиженная Зинька.

— Ой растуниться, дивчата! Розженуся—та зъ горя и шубовсну въ Рось! говоритъ Антонъ, сдѣлавъ мину крайняго отчаянія и „настерочывшысь“ разгоняться.

— Чомъ же ты не скакаешъ въ Рось? спрашиваетъ Зинька.

— Бо дивчата не разступаються; я знаю, що дивчата не пустятъ мене топыться, говоритъ Антонъ.

Среди парома видна еще одна величественная фигура бабы—то стоитъ баба Марта, строгая, серьезная, богомольная; она высока ростомъ и величественна, какъ колоссъ родосскій, стройна, какъ тополь. Седьмой десятокъ не согнулъ ея прямаго стана. Само время, кажется, боится бабы Марты и не смѣетъ наложить на ея станъ свою тяжелую руку. Баба Марта опи-

рается одной рукой на длинную палку, но больше потому, что она плохо видитъ: палка замѣняетъ ей щупальцы, во время ходьбы. Баба Марта зла, какъ сатана, и горда: она воплощенная сельская гордыня. На бабѣ черный платокъ, черная запаска и черная свита; все это признаки серьезности и важности. Ради святой недѣли баба Марта одѣта чисто: она, такъ сказать, въ мундирѣ.

— Мій чоловикъ москаль, и сынъ въ москаляхъ, а другій сынъ въ Святій Лаври послушникомъ: ставыть самовары ченцямъ и зъ ченцямы за однимъ столомъ чай пье, не одинъ разъ хвалилась баба Марта, я московська жона и московська маты. Я й за гряныцею була.

— Де-жъ то за гряныцею? спрашивали бабу Марту.

— А въ Глухови! До сына москаля въ гости ходыла.

Баба Марта, очевидно, понимаетъ границу старой Польши по Днѣпръ; дѣйствительно, тогда Глуховъ относительно бабы Марты лежалъ за границею къ востоку.

— А якъ була я въ Кіиви та подавала на пошти гроши сынови, то той панъ, що прыймавъ гроши, поговорывъ зо мною тай каже:

— Выдно, що ты не хохлушка, ты, мабуть руська женщина, бо такъ розумна, хвалила баба Марта самое себя.

— Чы й доси жъ вашъ сынъ у Лаври? Спрашивали у бабы.

— Ни, не выдержавъ: загоняли его на роботи. Перше сынъ терпивъ все та не вытерпивъ: винъ утикъ—тай оженывся въ Кіиви; взявъ таку кралю, таку пани, чы мыщанку, що й не змалюваты.

Когда въ бабѣ замолкала гордыня, на верхъ всплывала сатира. Тогда изъ бабы Марты выглядывалъ Гоголь. Баба Марта очень воинственна: она вѣчно въ битвѣ съ цѣлымъ „куткомъ", а особенно съ своею невѣсткою и самымъ младшимъ сыномъ; битвы ея никогда не прекращаются: баба Марта энергичный и неутомимый боецъ. Къ окончательному разрыву съ невѣсткой и сыномъ и объявленію имъ войны на жизнь или на смерть послужилъ ничтожный поводъ—обыкновенная ложка. Однажды невѣстка мыла бѣлье. Она вытащила изъ печи до красна рас-

каленный камень, чтобъ бросить его въ „жлукто", куда она только что вылила горшокъ кипятку. Чтобы вскатить камень на лопату, невѣстка въ попыхахъ схватила ложку изъ горшечка, стоявшаго въ печуркѣ „въ шыи комина"; она начала вскатывать камень на лопату этой ложкой. Баба Марта посмотрѣла и сейчасъ же узнала, что ложка была ея, т. е. та, которую употребляла она за обѣдомъ и ужиномъ. Баба вскипѣла и раскалилась, какъ камень, вытащенный невѣсткой изъ печки. Она выхватила у невѣстки ложку и—бацъ ее по лбу ложкой.

— На що ты зачипаешъ мою ложку? Бачъ, ажъ попалыла! На свою, тай выгортай каминь! вскрикнула баба Марта и съ этими словами схватила ложку невѣстки и начала ею катить камень на лопату.

Обиженная невѣстка выхватила изъ рукъ свекрови свою ложку и, не долго думая,—бацъ бабу Марту по губамъ. Баба вскипѣла; она бросилась къ невѣсткѣ, треснула ее по плечамъ ложкой и сорвала съ головы очипокъ—это знакъ полной побѣды или крайняго безчестія для врага, равносильнаго побѣдѣ. Сбить очипокъ съ головы во время драки—все равно, что отнять полковое знамя у знаменоносца. Между бабами у лежанки завязалась битва. Сынъ бросился на помощь женѣ. Баба Марта нанесла имъ пораженіе и выиграла первую битву при лежанкѣ. Схвативъ кочергу, она ретировалась въ болѣе выгодное мѣсто для битвы: стала подъ „мысныкомъ" въ углу, за „помыйныцею". Невѣстка и сынъ пошли на штурмъ, но баба Марта отбивалась съ необыкновеннымъ мужествомъ—и выиграла вторую битву „при помыйныци". Непріятель отступилъ; но, послѣ этого событія, сынъ съ семействомъ бросилъ бабу Марту и перешелъ на жительство къ своему тестю. Баба Марта осталась одна на полѣ битвы, прославленномъ ея подвигами, одна, какъ палецъ. Скучно ей было жить: некого ругать, а ругаться страхъ какъ хочется бабѣ Мартѣ, да не съ кѣмъ; она ходить по огороду да швыряетъ палкой въ куръ да поросятъ.

— Нема баби съ кимъ быться, то вона бьется зъ курмы та зъ поросятами, говорили сосѣди, посмѣиваясь.

Несмотря на свое благочестіе и любовь къ уединенію, одиночество все таки надоѣло бабѣ. Баба Марта отправилась къ сыну и невѣсткѣ, начала „запобигать ласки" и успѣла ихъ переманить къ себѣ. Но опять вышелъ какой то казусъ вродѣ приключенія съ ложкой, и дѣти снова ушли отъ нея и опять возвратились.

Къ этой то мужественной женщинѣ, одержавшей побѣду даже при помыйныци, Антонъ не смѣетъ подступить спереди, онъ подступаетъ къ ней сзади: преклоняетъ одно колѣно, складываетъ руки на крестъ и бьетъ себя въ грудь, но тихо, безъ шуму. Онъ поднимаетъ глаза къ верху. Глаза его сладки: онъ смотритъ на спину бабы, какъ котъ на сало. На его лицѣ, словно на театральной афишѣ, какъ будто написано огромными буквами: „Всѣ мы жаждемъ любви, а я въ особенности! Полюби! Умираю!" какъ поетъ Азра султанской дочери въ романсѣ Рубинштейна. „Якбы въ чоловика булы очи спереду й сзаду, то винъ бачывъ бы усяки гады й перняды", говоритъ. народная пословица [1]) Баба Марта обладаетъ этимъ сверхчеловѣческимъ даромъ. Отъ ея пытливаго глаза не ускользаетъ едва сдерживаемая улыбка молодыць. Баба Марта, какъ голова медузы, обращаетъ въ камень молодыць: онѣ не смѣютъ открыто смѣяться въ ея присутствіи, а только улыбаются глазами, но дивчатъ не обратитъ въ камень ни голова медузы, ни взглядъ бабы Марты. Онѣ отворачиваются и смѣются въ рукавъ. Баба Марта замѣчаетъ всеобщее смущеніе и смотритъ, такъ сказать, затылкомъ: она вдругъ оборачивается. Антонъ вскакиваетъ на ноги, отпрыгиваетъ на разстояніе немного большее длины бабиной палки, вытягивается въ струнку и дѣлаетъ бабѣ подъ козырекъ. Онъ замеръ въ этой позѣ.

— А, ты оглашенный! Нема тоби ни празныка, ни святоі недили! Жартуй, тай знай зъ кимъ жартуешъ. Я зъ тобою свыней не пасла, говоритъ внушительнымъ тономъ баба Марта.

— Вы московська жона и московська маты, а я московській генералъ. А хто зъ насъ старшый? говоритъ Антонъ.

---

[1]) Записана въ Бессарабіи, въ г. Измаилѣ.

— Онъ глянь! Задеры свою голову та глянь онъ на Божый храмъ. Ще й одъ церквы не одъихалы, а тоби вже жарты на уми.

Антонъ лицемѣрно вздыхаетъ, поднимая вверхъ голову съ лицемѣрнымъ выраженіемъ лица Рейнеке-Лиса, собирающагося идти въ Римъ на богомолье, онъ смотритъ на стоящую на горѣ надъ высокою скалою церковь и, сложивъ руки на груди, лицемѣрно говоритъ: „Ой грышный я, грышный! Согришывъ—богато согрышывъ“.

Но паромъ быстро скользитъ по водѣ, какъ селезень. Вотъ и берегъ уже близко. Берегъ бѣжитъ уже къ парому, бѣгутъ на встрѣчу парому зеленыя горы съ бѣлыми хатками, съ рядами вербъ въ огородахъ. Ближе паромъ къ берегу, скорѣе бѣгутъ ему на встрѣчу вербы и горы. Паромъ на сажень не дошелъ до гати. Антонъ Андреевичъ разгоняется и вмигъ, какъ жаворонокъ, падаетъ на гать. Онъ оборачивается, быстро пятится назадъ, мелькая ногами и дѣлаетъ жестъ—какъ будто разсыпаетъ цыплятамъ просо.

— Цюрррр!... Цюру, цюру, цюру!ципъ-ципъ-ципъ! мои курчаточки! звенитъ пронзительное междометіе.

Паромъ толкнулся объ гать и отпрыгнулъ. Дивчата, стоявшія спереди, такъ и посыпались на гать по направленію къ Антону, Антонъ бѣжитъ пятами назадъ, поднявъ руку какъ бы съ просомъ, и разсыпая воображаемое просо передъ дивчатами. Вышла картина, сильно напоминающая другую картину: какъ цыплята со всѣхъ сторонъ двора сбѣгаются на просо, разсыпаемое рукой хозяйки.

— Кудкудакъ, кудкудакъ! обращается Антонъ издали къ бабѣ Мартѣ и какъ будто бросаетъ ей подъ ноги горсть проса.

— А ты, невиро! Оглашенный! Я тоби покажу — кудкудакъ! говоритъ баба Марта, махая своимъ костылемъ по направленію къ Антону. Но Антона и слѣдъ простылъ.

Направляя свои жарты на прекрасный полъ, Антонъ Андреевичъ не пропускалъ случая пожартовать и съ непрекраснымъ поломъ. Онъ отпускалъ насмѣшки и остроты на счетъ чоловикивъ, пускалъ въ ходъ летучіе сатирическіе листки, мѣткія кри-

тическія замѣтки, далеко превосходящія юморомъ пошленькіе фельетоны нашихъ провинціальныхъ газетъ. Иногда онъ просто дурачилъ и дразнилъ чоловикивъ, осмѣивая подмѣченные недостатки ихъ характера. Жилъ въ Стеблевѣ нѣкій Хтодь, въ то время только что женившійся; жена его была очень красива, но самъ Хтодь своею физіономіей съ неправильными выпуклостями напоминалъ печеный гарбузъ, или же „карякуватый“ и „дуплинастый“ букрякъ. Хтодь былъ очень ужъ невзраченъ: носъ какъ картофель, губы большія и вдобавокъ—верхняя губа была двухъэтажная да еще какъ будто треснула по срединѣ. Хтодь былъ горячъ, самолюбивъ, вспыльчивъ и ревнивъ. За женой онъ слѣдилъ зорко. По уму онъ совсѣмъ недалекій человѣкъ.

— Якъ моя жинка йде черезъ ярмарокъ, то нехай на неи й люды не дывляться! часто говаривалъ онъ въ припадкѣ ревности.

Антонъ, конечно, подмѣтилъ эту слабую сторону Хтодя. Разъ въ воскресеніе Антонъ встрѣтился съ Хтодемъ на улицѣ.

— Добрыдень, Хтодю! Чы твоя Сыклета дома? спрашиваетъ Антонъ.

— Ни нема; кудысь пишла; а тоби нащо? спрашиваетъ Хтодь и его черныя маленькіе глазки загорѣлись.

— А знаешь, Хтодю, де твоя жынка? говоритъ Антонъ таинственно—почти шепотомъ и озираясь по сторонамъ.

— А де? спрашиваетъ уже смущеннымъ голосомъ Хтодь.

— Тамъ у корчми пье зъ москалями и... еще тише шепчетъ Антонъ.

— Невже?! крикнулъ Хтодь на всю улицу.

— А справди! Пье, тамъ така пьяна якъ пичъ. Та такъ косы росчыпчыла, що ажъ на лобъ волосся позвысало Очипокъ зъихавъ ажъ на потылыцю, а вона обняла обома рукамы москаля за шыю; та такъ и почепылась на ему. Нехай я пропаду, колы брешу!

Хтодь бросается къ тыну и энергично выламываетъ длинную хворостину. Тынъ гнется и трещитъ.

— Ламай, та довгу, шепчеть ему Антонъ.

— Вбью бисову пару! Не пожалію! шипитъ Ходь, ревнивый, какъ испанецъ.

— А вже-же такы добре провчы жинку; ты жъ таки хозяинъ и на все село розумный; та вона-же тебе ославыть на всю губернію, поджигаеть Антонъ, какъ Вельзевулъ.

— Вбью, не помылую! шипитъ Хтодь и „даетъ дропака" по улицѣ, „ажъ курява за нымъ поднялася".

За Антономъ тоже курява поднялася, но въ противоположномъ направленіи улицы. Хтодь стремглавъ влетаетъ въ корчму. Въ корчмѣ сидятъ три бабы да стоитъ жидъ-орендарь. Свирѣпый видъ Хтодя, его длинная хворостина повергаетъ публику въ удивленіе, а на жида наводитъ ужасъ.

— Де моя Сиклета? вопіетъ громовымъ голосомъ Хтодь.

— А хиба-жъ я знаю, хиба я чоловикъ твоей жинки? отвѣчаетъ еврей.

— Куды вона пишла зъ москалямы? говоритъ Хтодь, приступая съ хворостиной къ орендарю.

— Зъ якыми москалямы? Схаменыся, чоловиче! Я ихъ позаторикъ якъ бачывъ москаливъ, та одъ того часу еще ни одного ни где не бачывъ.

— А вона тутъ сегодня пыла? допрашиваетъ Хтодь.

— Іи тутъ сегодня й нога не була. Може де й пье въ шынку, тильки не въ моему, говоритъ еврей.

Хтодь стрѣлой мчится съ хворостиной чрезъ базаръ, направляется къ шинку и, конечно, не находитъ тамъ своей Сиклеты. Онъ мчится въ третій шинокъ, но и тамъ никто не видѣлъ Эвридики этого Орфея. Запыхавшись, весь въ поту, онъ возвращается домой, но у дверей виситъ замокъ: ему пришлось только „поцѣловать замокъ" по народному выраженію. Хтодь направляется къ хатѣ тещи. Въ саду за прычилкомъ подъ грушами сидятъ молодыци. Между ними сидитъ Сиклета, поджавъ подъ себя ноги и не „росчипчена", и очипокъ на своемъ мѣстѣ и совсѣмъ трезвая.

— Ты чого пьешь та гуляешь по корчмамъ? кричитъ Хтодь, обращаясь къ женѣ и поднимая хворостину.

— Колы? восклицаетъ удивленно Сиклета.

— А сегодня? Га? Ты думаешь, я ничого не бачу й не знаю?

— Чы ты здуривъ, чы ты знавысныв? Може вже зъ мисяць, якъ я въ корчми була, говоритъ Сиклета.

— Що це, сыну, зъ тобою сталося? Мы отъ обидъ тутъ сыдемо та балакаемо, вступается мать за Сиклету.

— А мини Антонъ казавъ оце, що ты зъ москалями пьешъ та гуляешь...

— Та бреше винъ, бодай ему симъ болячокъ на языкъ! говоритъ Сиклста.

Мать успокаиваетъ Хтодя и убѣждаетъ, что Антонъ сыгралъ съ нимъ шутку.

— Потривай-же, бисовои пяты Антоне! Я жъ тоби обшмагаю спыну оціею хворостыною, говоритъ Хтодь и прячетъ это смертоносное орудіе для Антоновой казни подъ стрѣхою.

На другой день весь Стеблевъ смѣялся, всѣ говорили, какъ Хтодь бѣгалъ по шинкамъ да по улицамъ „якъ несамовытый". Въ скоромъ времени послѣ этого казуса косари косили на нашихъ лугахъ „толокою". На мою долю выпало отвезти косарямъ харчъ и могорычъ. Антонъ, въ качествѣ погоныча лошадей, тоже отправляется со мною и даже беретъ съ собою косу съ добрымъ намѣреніемъ пособить косарямъ. Пріѣзжаемъ мы на сѣнокосъ. Косари длиннымъ правильнымъ рядомъ далеко уже вогнались въ зеленое море травы и цвѣтовъ, оставивъ за собою свѣжіе, пушистые, пахучіе покосы. Привязавъ лошадей къ бричкѣ и положивъ имъ свѣжаго сѣна, Антонъ беретъ косу и съ серьезною миною работника отправляется къ косарамъ. Между косарями оказался и Хтодь.

— Антоне, а ставай рядомъ зо мною! кричитъ тытарь; я тебе буду пидганять.

Антонъ брыкаетъ тытаря ногою; это у него знакъ отрицанія.

— Коло тытара ставать мини не зручно, отвѣчаетъ Антонъ, я стану коло Хтодя, Господы, якъ люблю оцего Хтодя! А! Що за гарна людына!

Хтодь искоса и съ озлобленіемъ посматриваетъ на Антона: онъ не забылъ его шутки. Косари улыбаются, ожидая, что Антонъ непремѣнно „вструхне нову штуку“ съ Хтодемъ. Долго Антонъ коситъ молча и, наконецъ, начинаетъ слегка задѣвать Хтодя.

— Господы! Якъ я люблю тебе, Хтодю. Кращаго за тебе чоловика и въ Стеблеви нема, начинаетъ Антонъ въ тонѣ крыловской лисицы, которая расхваливала ворону.

Хтодь молчитъ: онъ не забылъ еще хворостины.

— Яки въ тебе губы! А! Хочъ трохы й репнула верхня губа, за те-жъ спидня якъ золото. Дай я тебе поцилую!

— Одчепысь одъ моеи души, рѣшается заговорить Хтодь.

— А яке твое гарне лычко, неначе рѣшетомъ попечатане. А якъ бы тебе ще убрать въ очипокъ та начепыть на шыю червоне намысто! задѣваетъ Антонъ Хтодя.

Косари хохочутъ, воображая, какъ былъ бы хорошъ Хтодь въ очипкѣ и въ караллов омъ намистѣ.

— А якъ бы тебе вбрать въ чорну запаску та ще до неи додать червони чоботы! продолжаетъ Антонъ писать языкомъ каррикатуру.

— Одчепысь, бисова паро! Шкода, що не побывъ я на тоби хворостыны. Оттамъ стрымыть и доси пидъ стрихою, на тебе жде, говоритъ Хтодь.

— Стремыть и доси! То нехай влежыться, то буде смачниша, якъ влежана груша.

— Не потрощывъ на тоби хворостыны, то потрощу на тоби на цурпалки оцю косу, говоритъ сердито Хтодь.

— Про мене й потрощы, а завтра такы выйдешъ на лукы въ очипку та въ запасци: буде мини такъ зручно плескать тебе мантачкою, продолжаетъ дразнить Хтодя Антонъ.

Косари хохочутъ. Этотъ смѣхъ окончательно выводитъ Хтодя изъ терпѣнія.

— А ты, бисовои пяты, Антоне! кричитъ Хтодь и поднимаетъ косу на Антона.

Антонъ бросается бѣжать по травѣ; Хтодь пускается въ погоню за Антономъ. Но Антона трудно догнать: у него заячьи

ноги. Онъ далеко убѣжалъ впередъ, и только его пятки мелькаютъ по травѣ. Вдругъ онъ осматривается и падаетъ въ траву. Хтодь бѣжитъ къ нему. Вотъ-вотъ уже добѣжитъ и накроетъ Антона; Антонъ вспархиваетъ изъ подъ самыхъ ногъ Хтодя, какъ куропатка, и его пятки уже далеко мелькаютъ въ травѣ. Хтодь, разозлившись въ конецъ, опять преслѣдуетъ. Антонъ опять падаетъ въ траву и опять вспархиваетъ чуть не изъ подъ ногъ Хтодя.

— А годи вже вамъ дурыть; дывиться, скильки натолочки наробыли! Хтодю! Чы ты маленькый, чы здуривъ зовсимъ? Не знае Антона! кричитъ тытарь тономъ отамана косарей.

— Колы-жъ допикае до живои души, до самого серця! Я таки колысь побью на тоби косу! кричитъ Хтодь, грозя издали Антону косою.

Хтодь возвращается и занимаетъ свою постать. Антонъ боится стать рядомъ съ Хтодемъ. Онъ отправляется къ возу, растягивается плашмя подъ возомъ въ тѣни и утираетъ потъ съ чела. Работникъ изъ Антона плохой; не этимъ трудомъ назначено ему судьбою добывать себѣ средства къ жизни.

— Антоне, а чого це ты вывернувся пидъ возомъ. Захожуйся лышень коло полудня, бо вже съ пивъ дня звернуло, кричитъ тытарь.

Антонъ вскакиваетъ, онъ беретъ ведро и отправляется до крыныци въ ярокъ за водою, но по дорогѣ заходитъ безъ всякой надобности въ пасѣку къ пасѣчнику и долго съ нимъ болтаетъ и шутитъ. Возвратившись къ бричкѣ, Антонъ „раскладае багаття“, надъ огнемъ ставитъ треноги и на треногахъ на ключкѣ вѣшаетъ большой казанокъ съ водою, а самъ начинаетъ чистить тарань. Вода въ казанкѣ закипѣла. Антонъ сыплетъ въ кипятокъ пшено и бросаетъ рыбу и зеленый лукъ. Струйки дыма нѣжно-голубаго цвѣта красиво извиваются въ тихомъ воздухѣ надъ треногами. Острый запахъ зеленаго луку и рыбы смѣшивается съ запахомъ скошенной травы и увядающихъ цвѣтовъ. Аппетитъ косарей сильно раздражается острымъ букетомъ.

— Чы вже готова каша? кричитъ тытарь.

— Вже, отзывается Антонъ.

— Якъ уже, то хочъ и за полудень, обращается тытарь къ косарямъ, кидайте, панове-косари, косы та рушайте до каши.

Тытарь первый бросаетъ косу на покосъ и направляется къ бричкѣ, за нимъ слѣдуютъ косари постарше, косари помоложе послѣдніе кидаютъ косы и направляются къ бричкѣ. Косари сошлись и стали полукругомъ возлѣ „багаття". Начинается потчиваніе; тытарь первый пьетъ чарку. Вдругъ Антонъ бросается въ полукругъ и становится возлѣ тытаря; онъ покашливаетъ и покрякиваетъ, какъ будто предчувствуя удовольствіе отъ чарки.

— Мыни, панычу, тилькы одну чарку якъ шапку, щобъ не ходыть, не говорыть, а тилькы носомъ рыть, начинаетъ глупить Антонъ.

— Та не косыть травы, тилькы толочыть зъ Хтодемъ, добавляетъ тытарь.

— О, тому Хтодеви и чарки не дайте! Якъ завтра вбереться въ намитку та запаску, та выйде на лукы... начинаетъ Антонъ подразниватъ Хтодя.

— Я такы тоби ребра поличу, скилькы ихъ въ тебе е! сердито ворчитъ Хтодь.

Я наливаю рюмку и подаю Антону. Антонъ пьетъ водку съ комическими пріемами: охвативъ плотно рюмку губами, онъ быстро опрокидываетъ голову назадъ, выливаетъ всю водку въ ротъ и такъ же быстро выдергиваетъ рюмку изо рта. Пустая рюмка хлопаетъ, какъ хлопушка. Антонъ морщится: ему трудно проглотить всю рюмку водки. Онъ вообще пьетъ мало водки: рюмку, двѣ,—много—три; но ему хочется показать какое то особенное ухарство въ пріемахъ. Онъ всегда пьетъ водку съ этими комическими пріемами.

— Ой, держить, бо втичу! говоритъ Антонъ, дѣлая гримасу страшныхъ мученій. Фф—вввва! издаетъ онъ какое то неуловимое междометіе и подставляетъ опять рюмку.

И эта рюмка хлопаетъ, какъ хлопушка. Косари смѣются. Антонъ, очевидно, радуется, что его цѣль посмѣшить—достигнута. Косари выпили по двѣ рюмки водки и, почмакивая и вытирая губы рукавами, расположились подъ возомъ въ тѣни двумя

рядами. Они сидятъ по восточному,—поджавъ подъ себя ноги. Антонъ льетъ кулишъ въ одну большую миску и молча ставитъ съ той стороны, гдѣ сидятъ тытарь и пожилые косари; онъ наливаетъ другую миску кулишу и, опускаясь на колѣни, ставитъ ее передъ молодыми косарями, приговаривая:

— Вацъ, вацъ, вацъ! Вацешки, вацю, вацю! Кабась, кабась, говоритъ онъ прямо уже по адресу Хтодя, подвигая къ нему миску.

— Що це таке? Чы мы тоби свыни, чы що? говорятъ, улыбаясь, косари.

На спину Антона посыпались удары ложкамы.

— Чы це вы мене бьете? А мини здалось, що то гедзы (оводы) кусають мене въ спыну.

Хтодь молчитъ: онъ страшно голоденъ и, кромѣ того, вообще ѣстъ много. Кусокъ хлѣба за кускомъ исчезаетъ въ его широкомъ рту.

— Хтодю, чы поламаешъ ту хворостыну, що держышь на мене, чы нехай ще зъ рикъ лежыть? задѣваетъ Антонъ Хтодя.

Хтодь молчитъ и „уплетае" кашу за обѣ щеки.

На дальнѣйшее подразниваніе Антона Хтодь упорно молчитъ и ѣстъ, не давая Антону матеріала для жарта.

— Оце добре ты, Антоне, зробывъ, що выихавъ на синокосъ, говоритъ тытарь.

— Чому такъ? спрашиваетъ Антонъ.

— Веселише траву косыть, говоритъ тытарь.

— Отъ же завтра зумисне не выиду, хиба нехай Хтодь мене попросыть, говоритъ Антонъ, искоса посматривая на Хтодя.

Косари ѣдятъ медленно, — съ разстановкой: они во время полудня отдыхаютъ, такъ какъ послѣ обѣда спать не принято. Антонъ кладетъ въ полумиски вареную рыбу и подаетъ косарямъ. Вотъ косари кончили „полудень", перекрестились къ востоку и отправились косить. Антонъ начинаетъ мыть посуду; онъ моетъ ее медленно, не торопясь. Сложивъ посуду на травѣ, онъ безъ церемоніи ложится подъ возомъ въ тѣни.

— Ой ты, чумаче, ой ты, вражый сыну! Иды сина косыты, обращается къ Антону тытарь, съ укоромъ говоря словами пѣсни.

— Косыть, косыть, а я трохи полежу. Та, мабуть, уже и до дому часъ, отвѣчаетъ Антонъ.

Къ тяжелому ручному труду Антонъ положительно не чувствуетъ никакого призванія. Солнце склоняется къ заходу. Косые лучи солнца пронизываютъ насквозь половину нескошеннаго сѣнокоса. Ярко блеститъ желто-зеленое пятно мелкой, нѣжной, мягкой, какъ бархатъ, осоки возлѣ крыныци и маленькаго ручейка. Онъ лоснится подъ лучами солнца, словно только что окропленный дождикомъ. За крыныцею зеленѣетъ полоса темнозеленая. На ней, какъ будто нарочно густо посѣянная, краснѣетъ кроваво-красными каплями смилка, изрѣдка перемѣшанная съ желтыми блестящими цвѣточками, любящими низменныя, влажныя мѣста. Полоса пестрѣетъ, лоснится, словно раскинутая дорогая плахта, затканная красными и желтыми узорами. Въ воздухѣ тихо. Все дышетъ покоемъ; все какъ бы утомлено безконечнымъ, длиннымъ петривчатымъ днемъ. Медленнѣе взмахъ косъ; лѣнивѣе пѣніе птичекъ въ сосѣдней долинѣ, въ сосѣднемъ лѣсу.

— Часъ до дому, часъ до дому, говоритъ Антонъ и запрягаетъ лошадей не спѣша.

И. Левицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ.[1]

ГЛАВА 3.

Духовенство[1]).

Въ первой главѣ нашего очерка мы уже имѣли случай замѣтить, что духовенство, какъ сословіе, не было представлено въ коммиссіи; только синодъ, подобно всѣмъ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ, имѣлъ въ коммиссіи своего депутата съ наказомъ, составленнымъ синодальными членами безъ всякаго участія остальнаго духовенства. Что касается малорусскаго духовенства, то оно было поставлено въ нѣсколько иныя условія: въ сентябрѣ 1767 г. синодъ, въ уваженіе мѣстныхъ особенностей малороссіянъ, послалъ указы митрополиту кіевскому, епископамъ черниговскому и переяславскому, а также монастырямъ Кіево-Печерскому и Межигорскому съ требованіемъ сочинить „обстоятельные пункты" о грунтахъ, маетностяхъ и прочихъ выгодностяхъ, принадлежащихъ малорос. духовенству[2]). Малороссійскіе епископы, для отвѣта на полученные указы, обратились къ содѣйствію духовенства своихъ епархій. Такимъ образомъ, въ кіевской епархіи былъ составленъ одинъ общій отвѣтъ отъ монашествующихъ и бѣлаго духовенства; въ двухъ остальныхъ епархіяхъ бѣлое духовенство обсуждало свои нужды и желанія

---

[1]) См. „Кіевская Старина", 1890, 10.

[2]) Сб. и. р. и. об., т. 43.

[3]) Предисловіе къ 43 т. Сб. и. р. и. об.

отдѣльно отъ чернаго и представило особые отъ него пункты. Ставропигіальные монастыри также представили особые пункты.

По полученіи въ синодѣ пунктовъ, возникъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ ими должно пользоваться при составленіи проекта новаго уложенія. Синодальный оберъ-прокуроръ Мелессино предложилъ разсматривать малорос. пункты еженедѣльно по средамъ, съ устраненіемъ всѣхъ прочихъ дѣлъ; синодъ принялъ это предложеніе и результатомъ предварительнаго разсмотрѣнія пунктовъ было раздѣленіе ихъ на 3 группы: а) пункты, копіи съ которыхъ должно препроводить синодальному депутату въ дополненіе къ наказу; б) пункты, копіи которыхъ должно препроводить тому же депутату, но не въ прибавленіе къ наказу, а на его разсмотрѣніе и в) пункты, которые опредѣлено отставить. Указаннымъ раздѣленіемъ пунктовъ синодъ занимался всего въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, но онѣ растянулись болѣе, чѣмъ на полгода: начавшись съ 12-го мая 1768 г., только 3-го февраля слѣдующаго года былъ утвержденъ окончательный реестръ пунктовъ по всѣмъ епархіямъ. Для насъ, пишущихъ очеркъ нуждъ и желаній малорос. духовенства, нѣтъ особой нужды вдаваться въ соображенія синода, руководившія имъ при группировкѣ пунктовъ, ибо для насъ всѣ пункты одинаково важны, да кромѣ того и самая группировка ихъ не достигла своей цѣли, такъ какъ труды духовенства не пошли далѣе синода и не были разсмотрѣны въ коммиссіи. Относительно внѣшности „пунктовъ“ стоитъ также сказать нѣсколько словъ. Пункты кіевской епархіи состоятъ изъ 74 номеровъ, занимающихъ 127 стр. довольно компактной печати; уже самый объемъ указываетъ, что они должны отличаться большой полнотой и содержаніемъ, и дѣйствительно,—это весьма обширная, обстоятельная и разностороння работа, написанная искусной рукой и лицами, близко знакомыми не только съ современнымъ положеніемъ своего сословія, съ его правами и прерогативами, но и со всей прошлой исторіей. Кіевскіе пункты не простое заявленіе нуждъ и желаній духовенства, но обширная диссертація на тему о преимуществахъ старыхъ вольностей духовенства; это защита правъ, основанная на глубокомъ знакомствѣ составителей съ своимъ предметомъ,

что было естественно, такъ какъ среди нихъ находились образованнѣйшіе представители духовенства. Кіевскіе пункты, какъ уже сказано, составлены совмѣстно отъ чернаго и бѣлаго духовенства; они подписаны митрополитомъ кіевскимъ Арсеніемъ, архимандритами всѣхъ кіевскихъ монастырей, протопопами кіевскими, а также борзенскимъ, прилуцкимъ, полтавскимъ, лубенскимъ, глуховскимъ, миргородскимъ, гадяцкимъ и другими со всѣмъ подчиненнымъ имъ священствомъ. Что касается пунктовъ черниговской и переяславской епархій и монастырей К.-Печерскаго и Межигорскаго, то они не такъ обширны и подробны, какъ кіевскіе, въ нихъ находится всего десятокъ—другой номеровъ, большею частью довольно кратко резюмирующихъ наиглавнѣйшія вожделѣнія своихъ составителей, но, несмотря на краткость и сравнительную съ кіевскими бѣдность содержанія, они тѣмъ не менѣе представляютъ все, что было наиболѣе наболѣвшаго и жгучаго въ средѣ духовенства. Подписаны пункты такъ же, какъ и кіевскіе, представителями чернаго и бѣлаго духовенства. По своему содержанію пункты малорос. епархій касаются самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, какъ самого духовенства, такъ и его паствы; въ нихъ мы найдемъ заботы по предметамъ церковно-іерархическаго устройства, духовнаго суда, управленія, просвѣщенія, экономическаго благосостоянія церквей, монастырей и пр.; въ нихъ также встрѣчаются и специальныя заботы духовенства о своемъ собственномъ сословіи, въ смыслѣ возвышенія его соціальнаго и экономическаго развитія и приравненія къ шляхетству; особенно много, какъ и слѣдовало ожидать, пункты посвящаютъ вниманія вопросамъ экономическимъ, касающимся „ґрунтовъ и маетностей". Затѣмъ, въ нихъ немало разсѣяно всякаго рода жалобъ—на помѣщиковъ, козаковъ, посполитыхъ, но въ особенности на свѣтскихъ начальниковъ и великорусскихъ командировъ, съ неуваженіемъ и дерзостью относившихся къ представителямъ духовной власти. Все это разнообразное содержаніе пунктовъ представлено различными епархіями въ различномъ порядкѣ, но чтобы уложить его предъ читателемъ съ большею или меньшей послѣдовательностью и отчетливостью, мы не будемъ слѣдовать пунктамъ, а займемся

сначала главнѣйшими заявленіями духовенства, касающимися интересовъ церковной іерархіи, суда, управленія, просвѣщенія, книгопечатанія и затѣмъ уже перейдемъ къ болѣе прямымъ нуждамъ духовенства, какъ сословія.

Обращаясь къ недостаткамъ и желаніямъ духовенства первой категоріи, мы должны оговориться, что разработкой ихъ занялись по преимуществу кіевскіе пункты, среди составителей которыхъ находились лица, стоявшія на верху церковной іерархіи и потому близко знакомыя съ больными и темными сторонами малорусской церкви и ея служителей. Что касается пунктовъ остальныхъ епархій, то потому ли что составители ихъ буквально поняли указъ синода относительно „грунтовъ и маетностей“, или потому, что они стояли вдали отъ центровъ церковнаго управленія, но они слабо коснулись вопросовъ первой категоріи и ограничили свои заявленія небольшимъ кругомъ экономическихъ интересовъ, почему большая часть того, что мы будемъ говорить, относится къ кіевскимъ пунктамъ.

Что же заявили представители кіевской епархіи, какія они выставили нужды малороссійскаго духовенства и церкви по самымъ кореннымъ вопросамъ ихъ существованія? Что было сказано относительно правъ и привилегій малороссійскаго духовенства, его іерархіи, суда, управленія, просвѣщенія и прочихъ интересовъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы прежде всего остановимся на 36-мъ пунктѣ кіевской епархіи, въ которомъ наиболѣе полно и сжато сосредоточены и желанія малороссійскаго духовенства, и права и преимущества, объ удержаніи которыхъ оно дѣятельно хлопотало. Въ этомъ пунктѣ говорится, что кіевскіе митрополиты отъ самаго крещенія Руси находились со всѣми подлежащими имъ епископіями, архимандритствами, монастырями и всѣмъ духовнымъ чиномъ подъ благословеніемъ и послушаніемъ константинопольскихъ патріарховъ, отъ которыхъ принимали рукоположеніе и возведеніе на престолъ. Сначала кіевскіе митрополиты титуловались „кіевскими, галицкими и всея Россіи“, но когда, кромѣ митрополита въ Кіевѣ, сталъ еще митрополитъ въ Москвѣ, то къ слову „всея Россіи“ прибавили

„Малыя“. При короляхъ польскихъ и князьяхъ литовскихъ митрополиты всегда со всѣми подвѣдомыми имъ епископіями, игуменствами, братствами и со всѣмъ духовнымъ чиномъ пользовались правами и преимуществами, „какъ и знатное малороссійское шляхетство“. Когда же Б. Хмельницкій „ради единовѣрія“ поступилъ подъ державу царя Алексѣя Михайловича, то и послѣдній въ жалованныхъ всѣмъ малороссійскимъ чинамъ, въ томъ числѣ и духовенству, грамотахъ обѣщалъ содержать весь малороссійскій народъ на старыхъ правахъ и вольностяхъ. При царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ зависимость кіевскаго митрополита отъ константинопольскаго патріарха измѣнилась: въ 1685 г. по стѣсненнымъ политическимъ условіямъ, малороссійское духовенство и народъ, въ угоду Москвѣ, просили государей Іоанна и Петра быть кіевскому митрополиту подъ послушаніемъ патріарха московскаго. Нечего и говорить, что прошеніе это, подготовленное самой Москвой, было въ ней встрѣчено сочувственно и вновь избранный митрополитъ Гедеонъ Четвертинскій воспріялъ посвященіе и возведеніе на престолъ отъ московскаго патріарха.

Этимъ событіемъ Малороссія въ отношеніи церковнаго управленія была уже въ сущности поставлена въ зависимость отъ Москвы, но чтобы скрасить дѣйствительность и не вызвать неудовольствія малороссіянъ, московскіе государи дали митрополиту Гедеону и всему духовному чину жалованную грамоту, подтверждавшую за ними всѣ прежнія права и преимущества. Сущность этой грамоты состояла въ томъ, что кіевская епархія должна быть первой между великороссійскими, что судъ митрополита кіевскаго долженъ происходить по тѣмъ же правамъ и обычаямъ, что и при патріархахъ константинопольскихъ, и московскіе патріархи не должны въ него вступаться и принимать челобитныхъ; что кіевская епархія „въ отношеніи митрополичьей чести, духовнаго чина, церковнаго начала (т. е. церковныхъ правилъ), а также вольностей и правъ обыклыхъ“ должна по старому пребывать въ положеніи полнѣйшей автономіи.

Кромѣ того, той же грамотой опредѣлялось, что въ послушаніи кіевскаго митрополита должны всегда находиться архіереи

черниговскій и новгородскій, архимандриты Кіево-Печерской лавры и монастырей черниговской епархіи, а также всѣ тѣ епископіи, архимандріи, игуменства и братства, которыя издавна къ кіевской митрополіи принадлежали. Относительно порядка замѣщенія митрополичьей каѳедры грамота точно установляла, что митрополитъ долженъ быть избираемъ „вольной элекціей“ и кромѣ того непремѣнно „изъ природныхъ малороссіянъ“ и что московскіе государи не будутъ его вызывать въ Москву на годичное или полугодичное пребываніе, подобно великорусскимъ преосвященнымъ. Зная слабое развитіе Москвы, въ отношеніи просвѣщенія, косность ея въ предразсудкахъ и недовѣріе ко всему, что носило имя латинства, малороссійское духовенство выговорило себѣ въ жалованной грамотѣ право производить самостоятельное печатаніе книгъ и невозбранно обучать своихъ дѣтей латинскому и греческому языкамъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ.

Жалованная грамота 1685 года, содержаніе которой мы только что привели, заключала въ себѣ основныя права малороссійскаго духовенства, она для него то же, что договорныя статьи Б. Хмельницкаго для остальной Малороссіи, и потому составители пунктовъ — митрополитъ кіевскій и весь духовный чинъ — просили императрицу подтвердить ее навѣки и „на то милостивую жалованную грамоту дать“. Всѣ дальнѣйшія просьбы духовенства служатъ въ сущности только развитіемъ этой главной просьбы. Такъ, отстаивая съ особымъ усердіемъ независимость малороссійской церковной іерархіи, кіевское духовенство стремилось удержать въ своихъ рукахъ замѣщеніе свободныхъ должностей своими избранниками, а такъ какъ главнымъ лицемъ церковной іерархіи былъ митрополитъ, то оно неоднократно (пункты 36, 66) просило предоставить избраніе его самому духовенству „вольными голосами изъ природныхъ малороссіянъ“. Просьба о свободномъ избраніи митрополита невольно напоминаетъ собой просьбу шляхетства и козаковъ о вольномъ избраніи гетмана и нельзя сказать, чтобы аналогія въ данномъ случаѣ не шла далѣе видимаго сходства, ибо принципъ свободнаго избранія начальниковъ одинаково проникалъ у малороссіянъ и духовныя и свѣтскія сферы и извѣстно, что духовные пастыри

малороссіянъ были такими же выборными лицами, какъ и органы военной и гражданской власти. Что касается сходства въ просьбахъ объ избраніи гетмана и митрополита, то оно ясно и мотивы его весьма понятны: гетманъ—первое лицо въ управленіи воинскомъ и гражданскомъ, митрополитъ—также первое лицо въ управленіи церковномъ, онъ высшій органъ духовной власти. Поставить въ зависимость отъ себя избраніе такихъ органовъ значило обезпечить себѣ въ извѣстной мѣрѣ вліяніе на дѣла управленія, чего и добивались избиратели. Конечно, въ эпоху Екатерины II избраніе митрополита не могло отличаться чрезвычайностью, но ранѣе въ смутную эпоху, замѣчаетъ Костомаровъ въ своей монографіи „Руина"—оно было важнымъ событіемъ для Украйны, такъ какъ политическое и нравственное вліяніе митрополита было настолько велико, что отъ вопроса, чьимъ сторонникомъ—московскаго государства или Польши—явится новый владыка—много выигрывала та или другая сторона. Это замѣчаніе Костомарова относится къ давнему времени; съ тѣхъ поръ вліяніе митрополита, а тѣмъ болѣе низшихъ по положенію пастырей безконечно пало, наконецъ, само правительство уже настолько окрѣпло, что не нуждалось и не боялось какихъ либо вліяній духовенства, но выборный принципъ не нравился правительству и оно исподоволь стремилось его съузить, несмотря на положительное отсутствіе отъ него вредныхъ послѣдствій. Впрочемъ, съуженіе, о которомъ мы говоримъ, касалось только наиболѣе видныхъ лицъ іерархіи, низшіе же ея органы, какъ-то священники, діаконы и пр. оставались неприкосновенными въ отношеніи порядка своего назначенія на должности. Въ 1765 г. синодъ уничтожилъ одну изъ самыхъ важныхъ и дорогихъ прерогативъ малороссійскаго монашества: онъ запретилъ епархіальнымъ архіереямъ производить безъ его вѣдома въ архимандриты и опредѣлять ихъ на свободныя мѣста, но предписалъ представлять на его усмотрѣніе 2-хъ кандидатовъ, причемъ на дѣлѣ вышло такъ, что синодъ представляемыхъ кандидатовъ обходилъ, а опредѣлялъ лицъ, ничѣмъ не выдающихся и неизвѣстныхъ монастырской братіи. Въ пунктахъ этотъ указъ, нарушавшій „обыклыя поведенія" монастырей, вызвалъ просьбу

объ его отмѣнѣ и о дозволеніи монастырямъ самимъ избирать „на архимандричью честь мужей благоутвержденныхъ и извѣданныхъ“ и утверждать ихъ кіевскому митрополиту [1]). Чтобы представить себѣ, какой успѣхъ могъ ожидать подобныя прошенія, мы можемъ привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ инструкціи, данной Екатериной II при назначеніи Румянцева правителемъ Малороссіи. Она писала, что необходимо тщательно присматривать за малороссійскими архіереями и ихъ подчиненными, дабы они, закоснѣвшіе во властолюбіи, не выступали хитростью изъ надлежащихъ предѣловъ своего сана и не простирали свою власть духовную надъ свѣтскою, разсѣевая въ народѣ простомъ и суевѣрномъ ихъ намѣреніямъ полезные, а общему покою враждебные плевелы.

Необходимо, утверждала далѣе Екатерина,—изучить власть малороссійскаго духовенства во всѣхъ ея размѣрахъ и тонкостяхъ и такъ какъ весьма важно, чтобы въ архіереи и архимандриты посвящались лица, „отъ которыхъ по ихъ крѣпости духовной и смиренію можно ожидать резонабельныхъ сентиментовъ“,—то не худо Румянцеву рекомендовать такихъ лицъ заранѣе *прямо отъ себя* на свободныя вакансіи, описывая при этомъ ихъ жизнь и образъ мыслей [2]). Соображая время изданія секретной инструкціи Екатерины II со временемъ изданія синодскаго указа о томъ же, нельзя не признать, что указъ синода былъ актомъ, выражавшимъ открыто ранѣе секретныя распоряженія императрицы смирить властолюбивые помыслы малороссійскаго духовенства, централизовать власть въ синодѣ и подчинить малорусскую іерархію общимъ, существовавшимъ тогда порядкамъ. Между тѣмъ малороссійскому духовенству и его главѣ,—кіевскому митрополиту, весьма не хотѣлось разставаться съ излюбленными порядками и они продолжали просить и надѣяться, что ихъ права и привилегіи еще найдутъ себѣ поддержку въ екатерининской коммиссіи, куда затребовали пункты. Такъ, напримѣръ, въ 66 кіевскомъ пунктѣ было заявлено весьма рѣзкое желаніе, чтобы архіерей

---

[1]) Пунктъ 44-й кіев. епархіи.

[2]) Соловьевъ, т. 26, стр. 46.

кіевскій и архимандритъ печерскій, согласно своимъ привилегіямъ, были въ вѣдѣніи исключительно коллегіи иностранныхъ дѣлъ, „какъ то при патріархахъ московскихъ было, а синоду того архіерея кіевскаго и архимандрита печерскаго не вѣдать и въ права ихъ и выборъ не вступать“, но оставить при прежнихъ вольностяхъ и обыклыхъ поведеніяхъ.

Съ той же, конечно, мыслью о возвышеніи своей власти и приданіи ей декорума и престижа кіевскій митрополитъ ходатайствовалъ (37 пунктъ), чтобы ему было дозволено именоваться по старому „митрополитомъ кіевскимъ, галицкимъ и всея Малыя Россіи“ ибо,—утверждалъ кіевскій митрополитъ,—если отбросить послѣднюю часть титула, то уніатскій митрополитъ, именующій себя также кіевскимъ, галицкимъ и всея Малыя Россіи, можетъ окончательно присвоить себѣ этотъ титулъ, какъ бывало ранѣе, когда уніатскіе митрополиты по скончаніи кіевскихъ дерзали даже иногда именоваться блюстителями кіевской епархіи.

Затѣмъ, чтобы вполнѣ возвратить старый порядокъ вещей съ широкимъ кругомъ дѣятельности, власти и нравственнаго авторитета, митрополитъ Арсеній поставилъ на благоусмотрѣніе синода и то обстоятельство, что епархіи черниговская, переяславская и могилевская, а также монастыри Кіево-Печерскій и Межигорскій ранѣе находились въ послушаніи кіевскаго митрополита и что, такъ какъ эта зависимость является для нихъ самой естественной и какъ бы намѣченной предшествующей исторіей, то желательно рѣшить, въ чьемъ вѣдѣніи они должны находиться на будущее время, т. е. его ли, митрополита, или синода. Не предрѣшая этого вопроса самъ, митрополитъ говорилъ о немъ съ такой ясностью, что не оставалось никакого сомнѣнія въ его желаніи возвратить епархіи, отошедшія когда то въ вѣдѣніе московскаго патріарха и монастыри, ставшіе ставропигіальными, снова въ свое „послушаніе“, ибо тогда титулъ „всея Малыя Россіи“, о которомъ заботился митрополитъ, болѣе или менѣе соотвѣтствовалъ бы дѣйствительности, а не былъ бы одной красивой фикціей. Было бы интересно сопоставить, какого мнѣнія о „послушаніи“ черниговской и переяславской епархій были сами представители этихъ епархій, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ

этого сдѣлать, такъ какъ авторы пунктовъ совсѣмъ не обсуждали этого вопроса, что же касается монастырей, то они не желали никакихъ перемѣнъ и настаивали на своихъ ставропигіяхъ и исключительной зависимости отъ одного синода. Сообщивъ вкратцѣ наиболѣе выдающіяся желанія кіевскаго митрополита и духовнаго чина и сопоставляя их съ замѣчаніями цитованной инструкціи Екатерины II о властолюбіи малороссійскихъ епископовъ и отрицательномъ ихъ отношеніи къ видамъ правительства, мы не можемъ отрицать, что Екатерина II, съ извѣстной точки зрѣнія была права въ своихъ замѣчаніяхъ. По крайней мѣрѣ, это справедливо въ отношеніи митрополита Арсенія и духовенства кіевской епархіи, которые, конечно, не сѣяли „въ народѣ простомъ и суевѣрномъ" плевелъ, но заговоривши объ отмѣнѣ стѣснительныхъ указовъ и о возстановленіи правъ, даровавшихъ самостоятельность кіевской митрополіи, тѣмъ самымъ доказали въ глазахъ Екатерины свое властолюбіе. Съ другой стороны мы не можемъ сказать, чтобы митрополитъ Арсеній и его духовенство, провозглашая свои желанія, дѣлали что либо большее, чѣмъ ихъ предшественники—они продолжали только традиціи стараго времени. Извѣстно, что кіевская митрополія, старѣйшая во всей Россіи, находясь подъ послушаніемъ константинопольскихъ патріарховъ, состояла въ сущности въ полнѣйшей отъ него независимости; въ это время юго-западная церковь значительно обособилась отъ сѣверо-восточной и духовенство, предоставленное самому себѣ, раздѣляя общія судьбы своей страны, выработало себѣ особые порядки, воспитало оригинальные взгляды и даже въ вопросахъ вѣры настолько удалилось отъ великорусскихъ воззрѣній, что при возсоединеніи Великой и Малой Россіи представители обѣихъ церквей чувствовали себя другъ другу чуждыми и нѣсколько враждебно настроенными. У малороссійскихъ пастырей это чувство было вызвано нежеланіемъ какого бы то ни было подчиненія или послушанія, каковое необходимо должно было возникнуть; поэтому митрополитъ Сильвестръ и не сочувствовалъ дѣлу Б. Хмельницкаго и не содѣйствовалъ ему, отговариваясь своимъ невѣдѣніемъ о перепискѣ Богдана съ царемъ. Онъ съ большой неохотой приводилъ къ

присягѣ народъ, а духовенство было такъ недовольно, что, по замѣчанію одного современника, „отъ жалости всѣ глаза себѣ выплакало". О несочувствіи, обнаруженномъ при подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху, имѣвшемъ мѣсто въ гетманство Самойловича (1685 г.), и говорить нечего. Духовенство—замѣчаетъ Костомаровъ—сильно протестовало противъ этого подчиненія, опасаясь прекращенія прежней свободы въ духовныхъ дѣлахъ и введенія чуждыхъ Малороссіи церковныхъ обычаевъ и обрядовъ. Самъ гетманъ былъ не радъ этому подчиненію, и боясь насмѣшекъ со стороны поляковъ объ униженіи старѣйшей родоначальной митрополіи, просилъ, чтобы она, по крайней мѣрѣ, считалась первой между великороссійскими [1]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что заботы о свободѣ въ духовныхъ дѣлахъ были постоянной и весьма древней чертой малороссійскаго духовенства; всякое подчиненіе постороннимъ властямъ вызывало у него неудовольствіе и болѣе или менѣе значительный протестъ, который, конечно, не могъ оканчиваться въ пользу духовенства, такъ какъ сокращеніе свободы въ духовныхъ дѣлахъ было послѣдствіемъ измѣненія политическаго строя Малороссіи и возстановить прежній строй духовныхъ дѣлъ нельзя было, не возстанавливая политическаго строя Малороссіи. Тѣмъ не менѣе украинское духовенство, несмотря на измѣнившуюся политическую обстановку, продолжало довольно упорно лелѣять въ себѣ прежніе идеалы и все различіе въ этомъ отношеніи между 1685 и 1768 годомъ состоитъ въ томъ, что въ 1685 году оно съ неудовольствіемъ встрѣтило перемѣну зависимости отъ константинопольскаго патріарха на зависимость отъ московскаго и жалованную грамоту, данную митрополиту Кроковскому, оно считало оскорбленіемъ своей самостоятельности, а въ 1768 году эта грамота составляла предметъ его пламенныхъ вожделѣній.

Заботясь вообще о своей самостоятельности, малор. духов. обратило большое вниманіе и на свои суды, и по поводу ихъ компетенціи, положенія въ ряду общихъ судебныхъ мѣстъ и дѣятельности, высказало мысли и желанія, сводившіяся къ тому,

---

[1]) Руина. Вѣст. Евр. 1880, IX, 15.

чтобы по возможности возстановить порядокъ вещей, существовавшій при константинопольскихъ и московскихъ патріархахъ, когда судамъ кіевскаго митрополита было дозволено „быти и отправлятися по прежнимъ обычаямъ“ и было обѣщано въ „его судъ не вступаться и челобитень ни у кого не принимать“. Прежніе обычаи, о которыхъ хлопотали пункты, утверждали какъ независимость духовнаго суда отъ посторонняго вмѣшательства и надзора, такъ равно опредѣляли компетенцію его дѣятельности и, нужно сказать, что эта послѣдняя въ особенности озабочивала кіевскихъ пастырей, такъ какъ въ послѣднее время стала замѣтно съуживаться въ ущербъ интересамъ духовнаго сословія. По прежнимъ обычаямъ, юрисдикціи духовнаго суда подлежали не только преступленія противъ вѣры и другія, соединенныя съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ, но и всѣ гражданскія дѣла, возникавшія между лицами духовнаго званія, между монастырями, церквами, и даже между подданными монастырей и духовенства, подданными, которыхъ ужъ никакъ нельзя отнести къ лицамъ духовнаго званія. Юрисдикціи духовнаго суда подлежали также дѣла уголовныя между духовными и ихъ подданными, а также и тѣ дѣла по жалобамъ и искамъ мірянъ, гдѣ духовенство фигурировало въ роли обвиняемаго или отвѣтчика. Сфера дѣйствія духовнаго суда была очень обширна и изъ данныхъ, приводимыхъ пунктами, видно, что она основывалась на многихъ указахъ отъ 1721, 1723, 1729 и 1759 гг. и на Дух. Регламентѣ, по точному смыслу которыхъ духовныхъ лицъ нельзя было вѣдать ни коллегіямъ, ни канцеляріямъ, ни инымъ командирамъ, а должны они вѣдаться въ духовныхъ командахъ, гдѣ также вѣдаются въ отношеніи суда и взиманія податей монастырскіе и церковные крестьяне. Но широкая подсудность духовнымъ судамъ, ограждая интересы и права духовенства, не всегда удовлетворяла истиннымъ интересамъ правосудія и весьма нерѣдки были неудовольствія и жалобы на лицепріятія духовныхъ судовъ при рѣшеніи дѣлъ по искамъ шляхетства или козаковъ къ лицамъ духовнаго званія о грунтахъ и прочихъ маетностяхъ, почему гетм. Д. Апостолъ въ 1728 г. испросилъ, чтобы такія

дѣла рѣшались въ общихъ малороссійскихъ судахъ въ общемъ порядкѣ. Независимо отъ этого, по свидѣтельству пунктовъ, компетенція духовныхъ судовъ стала падать какъ бы сама собою, а общихъ судовъ, напротивъ, возросла до того, что даже дѣла между самими духовными и между ихъ подданными начали вѣдаться общимъ порядкомъ. Характерно въ данномъ случаѣ то явленіе, что упадокъ духовныхъ судовъ происходилъ не въ силу закона или указовъ,—законъ былъ на ихъ сторонѣ,—а въ силу самой жизни, допускавшей свѣтскимъ начальствамъ, не взирая ни на какіе указы, безнаказанно рѣшать неподсудныя по буквѣ закона имъ дѣла. Что касается области уголовнаго процесса, то и въ немъ происходило то же явленіе: духовенство жаловалось, что, хотя по своимъ правамъ и по недавнему указу отъ 1742 г. ему предоставлено судиться въ вѣдомствѣ „духовной команды", кромѣ дѣлъ „тяжкихъ государственныхъ, криминальныхъ, разбойныхъ и татейныхъ, которыя доходятъ до розыску и казни", тѣмъ не менѣе оно отдано въ руки свѣтскаго начальства, а каковъ былъ судъ этого начальства живописуютъ тѣ же кіевскіе пункты. Въ кіевской епархіи—говорятъ они—свѣтскіе командиры берутъ подъ свой судъ безъ всякаго сношенія съ духовными начальствами не только управителей монастырскихъ вотчинъ, прикащиковъ, войтовъ и подданныхъ, но также монастырскихъ слугъ, причетниковъ и *самыхъ духовныхъ персонъ;* берутъ они, насылая козачьи команды, а взявши наносятъ побои и духовнымъ въ тюрьмахъ и острогахъ между ворами и смертоубійцами, какъ плѣнниковъ, а не государственныхъ подданныхъ; имѣнія обвиняемыхъ грабятъ и разоряютъ, а духовной командѣ причиняютъ этимъ „презрѣніе". Жалуясь на неустройства и безправіе, происходящія отъ слишкомъ смѣлаго отношенія свѣтскихъ начальниковъ къ судебнымъ прерогативамъ духовенства, послѣднее доказывало, что это дѣлается безусловно незаконно, ибо, согласно 15 арт. III раздѣла Статута, всѣ новыя постановленія, касающіяся людей духовнаго и мірскаго званія, должны быть заключаемы съ согласія духовныхъ, между тѣмъ на дѣлѣ они, духовные, ни чѣмъ похожимъ не пользуются и терпятъ одни только притѣсненія. Для устра-

ненія описаннаго зла, для обезпеченія при помощи судовъ правъ личныхъ, сословныхъ и имущественныхъ духовенство просило императрицу возстановить старую компетенцію духовныхъ судовъ и строго блюсти за тѣмъ, чтобы привилегіи духовныхъ въ этомъ отношеніи никѣмъ не нарушались и чтобы духовныя команды и интересы духовенства не отдавались „въ презрѣніе". Для огражденія же своихъ интересовъ, могущихъ пострадать при рѣшеніи въ общихъ судахъ дѣлъ по искамъ духовныхъ къ мірянамъ, авторы кіевскихъ пунктовъ просили учредить смѣшанные суды съ участіемъ въ нихъ своего судьи, или по крайней мѣрѣ депутата [1]), хотя нужно замѣтить, что это желаніе духовенства было уже удовлетворено ранѣе указомъ Синода отъ 1759 г., буквально допускавшимъ смѣшанные суды, но этотъ указъ такъ плохо примѣнялся въ судебной практикѣ, что авторы пунктовъ сочли нужнымъ просить объ его повтореніи.

Въ области другихъ процессуальныхъ льготъ можно еще отмѣтить просьбу духовенства объ освобожденіи себя отъ дачи свидѣтельскихъ показаній подъ присягой и о запрещеніи свѣтскимъ судамъ требовать явки духовныхъ лицъ въ судъ для дачи устныхъ свидѣтельскихъ показаній, которыя рекомендовалось замѣнить письменными, данными по вопроснымъ пунктамъ [2]). Послѣднее желаніе духовенства, само по себѣ крайне неважное, было вызвано тяжелой судебной обстановкой для свидѣтеля въ прошломъ вѣкѣ, какъ-то: дальними вызовами, долгими и разорительными отлучками и пр., что невыгодно отражалось (при любви духовенства къ процессамъ) и на служебныхъ обязанностяхъ духовныхъ лицъ и на ихъ хозяйствѣ и матеріальныхъ средствахъ, что же касается дачи свидѣтельскихъ показаній безъ присяги, то здѣсь взглядъ духовенства былъ вполнѣ логиченъ и извѣстно, что современное законодательство допускаетъ для духовныхъ лицъ только показанія, данныя „по священству", безъ присяги, О льготахъ въ области матеріальнаго уголовнаго права духовные пастыри заявили также не много же-

---

[1]) Пунктъ 59 кіев. епархіи.

[2]) 61 и 62 п. той же епархіи.

ланій, но за то одно изъ нихъ было довольно видное: они просили, чтобы священнаго и монашескаго чина люди, впадающіе въ преступленія, влекущія лишенія ихъ сана, извергались бы только изъ своего сословія и не несли другого наказанія. Другое желаніе духовенства нельзя даже отнести и къ льготамъ, такъ какъ оно заключалось въ томъ, чтобы для огражденія духовнаго чина людей отъ обидъ „обидчикамъ и продерзателямъ" были положены строгія, взыскующія вину наказанія.

Вглядываясь критически въ содержаніе пунктовъ о духовномъ судѣ, нельзя не замѣтить, что авторы ихъ совершенно не коснулись недостатковъ ни въ формахъ и обрядахъ судопроизводства, ни въ матеріальномъ правѣ и, мы думаемъ, потому, что вопросъ объ исправленіи дѣйствующаго права не входилъ въ ихъ задачу. Авторовъ пунктовъ судъ интересовалъ съ своей сословной точки зрѣнія, для нихъ было важно поддержать сословный принципъ въ судѣ и установить твердыя и широкія границы для его дѣятельности, ибо въ сословномъ судѣ они видѣли залогъ правосудія и огражденія интересовъ своего сословія. Каковы будутъ формы и обряды суда—это не важно для составителей пунктовъ—ибо они полагали, что свои судьи и при дурномъ состояніи права могутъ рѣшать дѣла добросовѣстно, а судьи другого сословія и при хорошихъ законахъ могутъ злоупотреблять ими въ пользу своихъ собратьевъ. Нельзя сказать, чтобы эта точка зрѣнія принадлежала исключительно духовенству, такъ какъ и шляхетство, и козаки, и мѣщане просили о своемъ сословномъ судѣ и духовенство не было въ данномъ случаѣ болѣе ретроградно, чѣмъ другія сословія, такъ что увлеченіе его состояло развѣ въ томъ, что оно и своихъ подданныхъ крестьянъ монастырскихъ, церковныхъ и пр. также стремилось подчинить власти суда духовнаго. Однако и въ этомъ случаѣ, пока у монастырей были крестьяне и многочисленныя имѣнія, духовенство не могло безъ ущерба своимъ интересамъ поступать иначе: при враждебности сословныхъ интересовъ, при дурномъ состояніи матеріальнаго и процессуальнаго права, дававшемъ просторъ злоупотребленіямъ, разсчитывать на безпристрастіе судей было болѣе или менѣе рисковано и потому не

удивительно, что духовенство, не задаваясь преобразованіемъ судовъ, искало защиты своихъ правъ подъ эгидой сословныхъ судебныхъ привилегій.

Теперь мы перейдемъ къ обзору желаній духовенства въ области просвѣщенія и образованія. Рѣчь объ этомъ вели пункты кіевской и черниговской епархій и Кіево-Печерская лавра. Кіевскіе пункты первымъ дѣломъ просили сохранить неприкосновенной и подтвердить особою грамотой существованіе кіевской академіи—этого высшаго духовнаго и свѣтскаго учебнаго заведенія, особенно дорогого малороссіянамъ по своей исторической роли въ прошломъ Украйны. Возникши въ началѣ 17 вѣка, въ качествѣ простой школы при братствѣ, учрежденномъ при кіевской Богоявленской церкви, кіевская академія съ первыхъ шаговъ дѣятельности стала носить характеръ національнаго учрежденія, такъ какъ ролью ея было образовывать и выпускать защитниковъ православія. Эта высокая и трудная задача въ эпоху борьбы православія съ католичествомъ сразу поставила академію на почетное мѣсто и о существованіи ея стали заботиться, какъ о важномъ національномъ дѣлѣ, ибо заботы о просвѣщеніи и о православной вѣрѣ были въ сущности заботами о цѣлости національнаго существованія и сохраненіи южнорусской народности отъ полонизаціи и католичества. Поэтому мы замѣчаемъ, что въ договорахъ и конституціяхъ съ Польшей малорусскій народъ постоянно стремился сохранить неприкосновенность кіевской академіи и уравнять её въ правахъ съ краковской и львовской; такъ, напримѣръ, по гадячскимъ статьямъ и по варшавской сеймовой констутуціи 1659 г. кіевской академіи было дозволено пользоваться всѣми правами и преимуществами краковской съ тою льготой, что въ ней не будетъ профессоровъ, магистровъ и студентовъ иныхъ исповѣданій, кромѣ православнаго. По той же конституціи всѣ существовавшія въ Кіевѣ инославныя школы должны были быть перенесенными въ другое мѣсто.

Гетманъ Дорошенко, въ своемъ извѣстномъ договорѣ съ поляками, также выговорилъ для Малороссіи равноправность кіевской академіи съ краковской, свободу заводить школы, типо-

графіи и учредить новую академію въ Могилевѣ съ правами, равными кіевской. Русскіе цари, по прошеніямъ малороссіянъ, также обѣщали вѣчно и ненарушимо сохранять привилегіи кіевской академіи, и теперь составители кіевскихъ пунктовъ обратились къ императрицѣ съ просьбой о новомъ подтвержденіи этихъ обѣщаній. Въ частности же въ кіевскихъ пунктахъ просили объ ассигнованіи на кіевскую академію такого же содержанія, какое выдавалось въ то время московской, и о выдачѣ ректору и учителямъ академіи пріостановленнаго съ 1764 года жалованья въ томъ размѣрѣ, какой былъ установленъ царевичами Петромъ и Іоанномъ, т. е. по 50 р. деньгами и по столько же московскихъ четвертей ржи. Не лишены интереса и значенія мотивы, приведенные митрополитомъ въ пользу выдачи кіевской академіи содержанія наравнѣ съ московской, ибо въ нихъ находится краткій перечень плодовъ, принесенныхъ академіей не только Малороссіи, но и всей Россіи, а именно: академія—говорятъ пункты—дала первыхъ учителей различныхъ наукъ при учрежденіи въ Москвѣ славяно-греко-латинской академіи, она же давала ихъ и впослѣдствіи не только для академіи, но и для московскаго университета и для вновь образованныхъ въ великорусскихъ епархіяхъ семинарій и другихъ школъ; кромѣ того, изъ академіи студенты вступали въ полковые священники, шли въ капелланы къ русскимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ, поступали въ шляхетскіе корпуса и пр. Наконецъ, въ 1754 г., по приглашенію медицинской коллегіи, болѣе 300 студентовъ поступили въ медико-хирургическую академію и, окончивъ въ ней курсы, заняли должности докторовъ въ полкахъ и госпиталяхъ; другіе изъ студентовъ по любви къ медицинской наукѣ продолжаютъ и теперь вступать въ медицинскую академію, а нѣкоторые, подвергая себя неописанной бѣдности, уходятъ даже въ Германію и тамъ продолжаютъ свое образованіе въ высшихъ наукахъ. Въ отношеніи къ самой Малороссіи заслуги кіевской академіи, по словамъ пунктовъ, заключаются въ томъ, что большинство полковыхъ городовъ, нѣкоторые изъ мелкихъ и даже мѣстечки и села имѣютъ у себя образованныхъ священниковъ,—„съ успѣхомъ въ наставленіи и просвѣщеніи простого народа трудящихся“.

Несмотря на приносимую ею пользу, академія, какъ видно изъ пунктовъ, сильно бѣдствовала въ матеріальномъ отношеніи и не имѣла надлежащаго штата преподавателей, почему многіе предметы, какъ-то: исторія, географія, математика и языки— французскій, нѣмецкій, еврейскій, греческій, латинскій и польскій читались одними лицами, что, конечно, вредно отзывалось на успѣхахъ ученія. Не нужно еще забывать и того обстоятельства, что нѣкоторые изъ преподавателей академіи были обязаны службой, какъ церковнослужители, и поэтому за скопленіемъ занятій не могли много посвящать времени своей паствѣ и удовлетворять ея жаждѣ духовной проповѣди, такъ что митрополитъ нашелъ нужнымъ просить объ учрежденіи въ академіи двухъ спеціальныхъ проповѣдниковъ на особомъ жалованьи. Какъ необходимую принадлежность академіи, митрополитъ просилъ сохранить и „сиропитательный домъ“ или бурсу, содержавшую безмездно уже со времени П. Могилы массу бѣднаго юношества, стекавшагося въ академію.

Заботясь о положеніи академіи, кіевскіе пункты не прошли молчаніемъ и самыхъ академистовъ: они хлопотали, чтобы студенты, имѣющіе похвальныя отъ академіи свидѣтельства, получали преимущества при поступленіи на должности и при награжденіи чинами; кромѣ того митрополиту хотѣлось, чтобы лица, окончившія философское и богословское ученія, назначались имъ на священническія мѣста „безъ избранія и безъ презентовъ (т. е. безъ рекомендаціи мѣстныхъ владѣльцевъ) и безъ согласія старшинъ, владѣльцевъ и прихожанъ по однимъ аттестатамъ ректора и учителей“. Но это желаніе митрополита должно было встрѣтить сильный отпоръ какъ въ обыкновеніяхъ малороссіянъ избирать себѣ священниковъ, такъ и въ указѣ синода отъ 1735 г., запрещавшемъ насильно насылать поповъ и діаконовъ, безъ согласія старшинъ, владѣльцевъ и прихожанъ. Обычай избранія священниковъ былъ настолько силенъ въ Украйнѣ, что по сознанію, сдѣланному въ самихъ же пунктахъ, священниковъ, назначенныхъ противъ воли прихожанъ, послѣдніе не допускали къ церквямъ, не давали ни дома, ни земли, ни доходовъ и они принуждены бывали бросать свои парафіи.

Прошеніе духовенства черниговской епархіи по поводу образованія заключалось въ томъ, чтобы расширить основанный въ 1700 г. въ Черниговѣ коллегіумъ и прибавить въ немъ классъ богословія къ существовавшимъ уже реторики и философіи. Черниговскій архіерей въ своемъ прошеніи обращалъ вниманіе синода, что коллегіумъ, устроенный для образованія юношества, не можетъ отвѣчать своимъ цѣлямъ по недостатку помѣщенія и преподавателей, происходящему отъ скудости средствъ, и дѣйствительно положеніе коллегіума, какъ оно описано въ пунктахъ, было не изъ завидныхъ. Основанный въ 1700 году, онъ былъ разсчитанъ на классъ одной реторики и кое-какъ помѣщался въ 4-хъ избахъ, съ введеніемъ же въ 1749 г. класса философіи и съ общимъ увеличеніемъ числа учащихся помѣщеніе коллегіума сдѣлалось до крайности тѣснымъ и требовало расширенія. По этому поводу еще въ 1739 году было сдѣлано представленіе въ синодъ съ предложеніемъ обратить черниговскій дѣвичій Пятницкій монастырь въ мужской и перевести въ него коллегіумъ, но такъ какъ резолюціи на это представленіе не послѣдовало и по 1768 г., то коллегіумъ по прежнему помѣщался въ 4-хъ избахъ, а философія за недостаткомъ помѣщенія читалась въ монастырской трапезной. Въ связи съ матеріальнымъ упадкомъ, зависѣвшимъ отъ упадка доходовъ монастырей, коллегіумъ терпѣлъ и отъ недостатка преподавателей, которыми обыкновенно бывали ученые монахи. Въ первые годы существованія коллегіума—узнаемъ мы изъ пунктовъ—ученыхъ монаховъ было весьма достаточно какъ для обученія низшихъ классовъ, „такъ и знанія философскаго“, многіе трудились въ силу одного послушанія, другіе въ надеждѣ на награду игуменскими и архимандричьими должностями. Въ описываемое же время ученыхъ монаховъ было такъ мало, что нерѣдко затруднялись выбрать ректора или префекта, а учителями были люди свѣтскіе, непостоянные, служившіе до пріисканія мѣстъ съ большимъ, чѣмъ въ коллегіумѣ, жалованьемъ. Описавъ бѣдственное состояніе просвѣщенія въ черниговской епархіи, составители пунктовъ просили учредить въ коллегіумѣ должности учителей „на пристойномъ государственномъ коштѣ“, „ради большаго распространенія въ отечествѣ

ученія и ради умноженія учащихся пользы", и читать въ коллегіумѣ богословіе, еврейскій и французскій языки (нѣмецкій уже читался) и математику.

Съ рѣчью духовенства объ образованіи необходимо сопоставить и высказанныя имъ мысли относительно развитія въ Украйнѣ книгопечатанія и книжнаго обращенія, о которыхъ духовенство заботилось столько же по мотивамъ просвѣтительнымъ, какъ и религіознымъ, что естественно объясняется какъ духовнымъ званіемъ просителей, такъ и тѣмъ, что самое образованіе въ XVIII вѣкѣ все еще основывалось у насъ на книгахъ духовнаго содержанія. Авторы кіевскихъ пунктовъ заявили о необходимости учредить при кіевскомъ митрополитѣ особую типографію и указали для этого два основанія: во-первыхъ, недостатокъ книгъ религіознаго содержанія въ Россіи, Польшѣ и Палестинѣ и, во-вторыхъ, отсутствіе въ академіи потребныхъ книгъ для обученія юношества различнымъ предметамъ и языкамъ славянскому, латинскому, греческому, французскому, нѣмецкому и прочимъ. Что касается перваго основанія, то, по изъясненію кіевскаго духовенства, у него чувствуется большой недостатокъ въ исправленныхъ церковныхъ книгахъ, о чемъ оно часто представляло своему начальству, но всегда безуспѣшно; но особенная нужда и вредъ отъ недостатка въ книгахъ происходили среди православнаго населенія Польши, оторваннаго отъ своихъ единовѣрцевъ, такъ какъ тамъ употреблялись книги мѣстной печати съ большими отступленіями отъ догматовъ вѣры. То-же явленіе происходило и въ Палестинѣ, жители которой принуждены были покупать книги изъ иновѣрной имъ Венеціи. Обращая вниманіе на происходящій отсюда вредъ, духовенство указывало синоду, что существующія кіево-печерская и московская типографіи не въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ въ книгахъ и часто отказываются высылать ихъ и возвращаютъ собираемыя церквями деньги.

Вредъ отъ недостатка въ учебныхъ книгахъ былъ настолько великъ, что совершенно затруднялъ обученіе, такъ какъ учебныя книги вовсе не печатались въ Малороссіи, а получались „изъ иныхъ странъ съ великимъ трудомъ и коштомъ". По изложен-

нымъ причинамъ митрополитъ кіевскій и ходатайствовалъ о дозволеніи завести типографію для изданія церковныхъ книгъ, а также „учительныхъ книгъ, сочиненій ученыхъ людей и переводовъ съ различныхъ языковъ". Какъ на историческую справку митрополитъ указывалъ, что право на содержаніе типографіи при кіевской митрополіи было утверждено издревле, „аки собственно до должности, дѣла же и чина архіерейскаго принадлежаще", но что его предшественники сначала не заводили типографій потому, что въ концѣ XVII вѣка типографій было вполнѣ достаточно—въ лаврѣ, въ монастыряхъ—Спасскомъ новгородъ-сѣверскомъ, черниговскомъ Ильинскомъ и при каѳедрахъ—могилевской и виленской (отошедшихъ впослѣдствіи въ унію), когда же часть упомянутыхъ типографій закрылась, а другая отошла въ унію, то митрополиты не завели своей типографіи исключительно по случайнымъ причинамъ, которыя теперь не имѣютъ мѣста. Что касается Кіево-Печерской лавры, то заботы ея въ отношеніи книгопечатанія ограничивались просьбой оставить неприкосновенной ея типографію и дозволить ей по прежнему издавать и распространять церковныя книги „для безнужнаго довольствованія" ими всего православнаго народа.

Такова въ самыхъ краткихъ чертахъ сущность весьма симпатичныхъ желаній малороссійскаго духовенства по вопросу о просвѣщеніи и о религіозномъ развитіи народа. Какъ къ нимъ отнесся синодъ, мы не знаемъ, но намъ извѣстно, что Екатерина II съ такимъ подозрѣніемъ относилась къ малороссійскому духовному образованію и къ самой чистотѣ духовенства въ православіи, что она не могла удовлетворить его просьбы. Въ извѣстной инструкціи Румянцеву она писала: „небезъизвѣстно, что обучающіеся богословію и опредѣляющіе себя здѣсь къ чинамъ духовнымъ какъ въ заграничныхъ польскихъ, такъ и въ самыхъ малороссійскихъ училищахъ по развратнымъ правиламъ римскаго духовенства заражаются многими ненасытнаго честолюбія началами, котораго вредными слѣдствіями наполнены предшедшихъ временъ исторіи европейскія" [1]). Этотъ взглядъ былъ высказанъ

[1]) Соловьевъ, т. 26, стр. 46.

Екатериной ранѣе составленія пунктовъ, но онъ весьма характеренъ по содержащемуся въ немъ указанію на зараженіе малороссійскихъ школъ „развратными правилами римскаго духовенства". Настроеніе Екатерины въ отношеніи Малороссіи было таково, чтобы покончить со всѣми ея привилегіями и ввести въ общій кругъ государственной жизни, подчинивъ всѣ отрасли ея правительственному надзору, который долженъ былъ, конечно, распространяться и на систему образованія. И дѣйствительно, два года спустя послѣ изданія инструкціи она уже заботилась о томъ, чтобы произвести въ Малороссіи измѣненія въ образованіи и писала Румянцеву, чтобы онъ склонилъ малорусскихъ пановъ къ подачѣ челобитной, въ которой бы они просили о лучшемъ у нихъ учрежденіи школъ и семинарій и если можно о положеніи духовенства въ штатное состояніе, и что если отъ духовныхъ или свѣтскихъ такую челобитную имѣть, то она бы уже знала, какъ начинать" [1]).

Приведенныя двѣ цитаты, мы полагаемъ, достаточно показываютъ, что Екатерина сама была недовольна состояніемъ духовнаго образованія въ Малороссіи не менѣе, чѣмъ духовенство, но о томъ, какъ поднять и исправить его, у нея были свои планы и мысли, несходные съ выраженными въ пунктахъ.

И. Теличенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ibid.. стр. 152.

Сынъ Гетмана.[1]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

(окончаніе).

ГЛАВА XII.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Князь Дмитрій сидѣлъ въ Вишневеччинѣ и отдыхалъ отъ боевыхъ трудовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Тимошъ изъ рукъ у него вырвалъ невѣсту, онъ впалъ не то что въ меланхолію, а въ какое-то безразличное состояніе духа. Его не тѣшила и охота, несмотря на то, что стояла самая удобная для нея пора. Старый ловчій, завѣдывавшій псарнями, суетливо приводилъ все въ порядокъ въ надеждѣ, что князь вотъ вотъ прикажетъ готовиться къ охотѣ. Но ожиданія его были напрасны. Князь, сумрачный и одинокій, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, курилъ трубку, безцѣльно посматривая на пожелтѣвшую, поблекшую осеннюю природу и думалъ: „вотъ такъ и я завяну старымъ холостякомъ, а этотъ козакъ наслаждается счастьемъ, да еще чего добраго надѣнетъ себѣ на голову валашскую корону". При этихъ мысляхъ князь вскакивалъ, отбрасывалъ отъ себя чубукъ и посылалъ безсильныя проклятія своему врагу.

[1]) См. „Кіевская Старина", 1890 г., № 10.

Солнце только что зашло. Въ мрачную высокую столовую съ массивными колоннами внесли свѣчи. Князь желалъ быть одинъ, и никто изъ проживавшихъ при немъ шляхтичей не осмѣлился явиться къ нему. Дворецкій, по обыкновенію, принесъ и поставилъ передъ княземъ бутылку вина, раскурилъ трубку и беззвучно, едва касаясь каменныхъ мозаичныхъ плитъ, удалился изъ столовой.

Едва князь усѣлся въ спокойное кресло съ княжескимъ гербомъ на спинкѣ, въ дверяхъ снова показалась голова дворецкаго.

— Ваша милость! нерѣшительно проговорилъ онъ.

— Что такое? тревожно спросилъ Дмитрій.

Дворецкій ступилъ нѣсколько шаговъ впередъ и таинственно произнесъ:

— Та татарка, что была подъ Батогомъ, желаетъ видѣть князя.

— Зелима! съ удивленіемъ проговорилъ князь. Веди, веди ее скорѣй сюда!

Дворецкій поспѣшно удалился. Минуту спустя въ столовую вошла Зелима.

Непринужденною, небрежною походкою подошла она къ князю и положила ему руку на плечо.

— Ты тутъ спишь да пируешь, сказала она ему тихо, а врагъ твой пошелъ добывать себѣ валашскую корону.

Князь Дмитрій вскочилъ со стула.

— Зелима, ты колдунья! проговорилъ онъ. Какъ ты успѣваешь все знать? Какъ ты узнала то, чего еще я не знаю?

Зелима усмѣхнулась.

— У бѣдной татарки быстрыя ноги, хорошее чутье, а на конѣ она можетъ безъ ѣды и питья скакать нѣсколько сутокъ. Зелима только и живетъ местью. Она до тѣхъ поръ не успокоится, пока не увидитъ трупа невѣрнаго гяура.

Князь Дмитрій почти со страхомъ посмотрѣлъ на татарку.

— Ну, говори же, адово исчадье, что ты еще пронюхала.

— Я не знаю, что князю извѣстно, возразила она.

— Мнѣ извѣстно, что его разбили волохи, что Василія прогнали его подданные... больше я ничего не знаю.

— Мало же князь знаетъ, со смѣхомъ отвѣтила татарка. Развѣ такого орла можно разбить? Онъ будетъ биться до тѣхъ поръ, пока въ немъ будетъ хоть капля жизни.

— Онъ, вѣдь, ушелъ въ Украйну?

— Онъ не пробылъ тамъ и недѣли, а теперь ужъ онъ въ Сочавѣ.

Князь стукнулъ кулакомъ по столу.

— Дьяволъ бы взялъ этого ненавистнаго козака! прошепталъ онъ.

— Поляки идутъ на помощь волохамъ; они уже на полпути. Только ты, князь, медлишь, а теперь то самое время. Если ты теперь не отомстишь ему, то онъ возьметъ валашскую корону и плотно надѣнетъ себѣ на голову.

Князь нервно зашагалъ по комнатѣ.

— Я пойду, я пойду! говорилъ онъ въ волненіи. Мнѣ не долго собрать мое войско.

— И Зелима пойдетъ съ тобою, сказала татарка. На этотъ разъ ему не уйти отъ нашихъ рукъ: Зелима гадала и видѣла кровь.

— Молчи, колдунья! съ суевѣрнымъ страхомъ остановилъ ее князь. Я не хочу слышать о твоихъ гаданьяхъ. Но возьму тебя съ собою, ты будешь полезна при осадѣ: такая дикая кошка, какъ ты, всюду пролѣзетъ.

Князь хлопнулъ въ ладоши, на его зовъ явился дворецкій.

— Отвести комнату колдуньѣ и накормить ее! приказалъ князь.

Въ Сочавѣ почти цѣлый мѣсяцъ выдерживали осаду и жили впроголодь.

Было раннее утро. Осажденные только что встали, и каждый спѣшилъ къ своему дѣлу: пушкари осматривали заряды, чистили орудія, заряжали, приготовляли фитили; передовые застрѣльщики готовились къ вылазкѣ, а самъ Тимошъ дѣятельно распоряжался всѣми этими приготовленіями. Господарша тоже встала до свѣту. Въ долгія темныя осеннія ночи ей совсѣмъ не спалось, все казалось, что непріятель нападетъ врасплохъ, и она рада была разсвѣту. Съ утра до вечера она была постоянно на

ногахъ: раздавала провіантъ, сама смотрѣла, чтобы каждый получилъ должное, а когда оставалось время, ходила по городу, навѣщала и утѣшала больныхъ и раненыхъ. Съ болью въ сердцѣ видѣла она, что провизія все уменьшается, что больныхъ все прибываетъ, а силы войска истощаются въ безплодной борьбѣ. Сегодня у нея какъ-то особенно тяжело было на сердцѣ; она съ нетерпѣніемъ ждала Тимоша и полковниковъ къ утреннему завтраку и съ безпокойствомъ поглядывала въ сторону козацкаго лагеря.

Съ нѣкоторыхъ поръ положеніе осажденныхъ стало особенно труднымъ; непріятель перенялъ воду, проведенную изъ рѣки Серета, и имъ пришлось довольствоваться вредною, вонючею водою колодцевъ. Со вздохомъ осмотрѣла господарша незатѣйливыя кушанья, приготовленныя поваромъ на княжеской кухнѣ. Ѣсть мясо они могли себѣ позволять очень рѣдко; а на завтракъ имъ приходилось, какъ простымъ крестьянамъ, довольствоваться мамалыгою, даже безъ приправъ, просто съ солью, и запивать это простое кушанье вонючею водою съ небольшимъ количествомъ вина.

Наконецъ, обычные посѣтители замка показались вдали, и господарша съ стѣсненнымъ сердцемъ вышла къ нимъ на встрѣчу. Панъ Доброшевскій, всюду сопровождавшій Тимоша въ качествѣ его секретаря, съ вытянутою физіономіею шагалъ позади всѣхъ рядомъ съ Кутнарскимъ. Пріятели давно помирились, а общее несчастье ихъ сблизило, кажется, еще болѣе.

Тимошъ горячо о чемъ-то разсуждалъ съ Ѳедоренкомъ.

— Что новаго? спросила господарша.

— Худо старое, да не лучше и новое, отвѣчалъ Ѳедоренко.

— Что такое? съ безпокойствомъ спросила господарша.

— Ляшскаго полку прибыло! отвѣчалъ козакъ. Князь Вишневецкій пріѣхалъ сюда съ отрядомъ. Сейчасъ вернулся одинъ изъ нашихъ развѣдчиковъ.

— То-то у нихъ было сегодня ночью такое пированье!

Поотставшіе паны-пріятели оживленно о чемъ-то спорили.

— Я же говорю пану, тихо утверждалъ Кутнарскій, что теперь наше дѣло плохо. Висѣть намъ съ паномъ на веревочкѣ;

князь Дмитрій не проститъ пану, что онъ служилъ козаку. Да и мнѣ попадетъ.

— Отчего это панъ полагаетъ, что князь Дмитрій побѣдитъ? горячо возражалъ Доброшевскій. Мы можемъ продержаться мѣсяцъ, а тогда придутъ татары и наше дѣло будетъ выиграно.

— Панъ наивенъ, какъ младенецъ, съ сердцемъ возражалъ Кутнарскій. Неужели панъ думаетъ, что князь Дмитрій съ тѣмъ пріѣхалъ, чтобы ждать цѣлый мѣсяцъ, пока придутъ татары. Онъ будетъ искать случая отомстить своему счастливому сопернику и да попомнитъ панъ мое слово: онъ найдетъ этотъ случай.

Въ голосѣ Кутнарскаго звучало столько злорадства, что панъ Доброшевскій невольно изподлобья взглянулъ на него.

— Мнѣ кажется, угрюмо сказалъ онъ: панъ былъ бы очень доволенъ, если бъ этотъ случай представился?

— А почему бы мнѣ и не быть довольнымъ? быстро проговорилъ Кутнарскій. Не такое удовольствіе сидѣть здѣсь въ этой клѣткѣ, и изъ-за кого? Изъ-за вздорной бабы и изъ-за грубаго козака. Да если бы я только нашелъ какую-нибудь возможность, я сейчасъ бы убѣжалъ.

— Панъ не шутитъ? угрюмо спросилъ Доброшевскій и приподнялъ брови, что у него всегда означало высшую степень волненія.

— Нисколько...

— Такъ я же имѣю сказать пану, что панъ... тутъ Доброшевскій остановился, махнулъ рукою и проговорилъ:

— Э! да все равно!

Разговоръ прекратился, такъ какъ панъ Доброшевскій догналъ остальную компанію, а Кутнарскій немного поотсталъ и подозвалъ къ себѣ черномазаго мальчишку, бѣгавшаго по двору въ качествѣ не то поваренка, не то разсыльнаго.

— Іохель! тихо сказалъ онъ ему, сунувъ въ руку клочекъ бумаги. Сейчасъ бѣги къ Янкелю и скажи, что это надо передать по адресу. Чтобы онъ разорвался да передалъ, прибавилъ онъ выразительно.

Не успѣли еще окончить завтракъ, какъ явился козакъ съ извѣстіемъ, что изъ польскаго лагеря прибылъ парламентеръ.

Всѣ поспѣшили на валъ. Впустить его въ крѣпость или не впускать? совѣтовался Тимошъ съ Ѳедоренкомъ и господаршей.

— Не пускай, батько, лучше съѣхаться за крѣпостнымъ валомъ. Зачѣмъ ему видѣть, что у насъ тутъ дѣлается.

— Спросимъ сперва, что ему нужно, предложила господарша.

Парламентера подпустили къ валу и спросили, зачѣмъ онъ пріѣхалъ.

— Съ письмомъ отъ его королевской милости, былъ отвѣтъ.

— Королевскій посолъ! пронеслось между козаками.

Королевскаго посла надо принять съ подобающею почестью.

Посла со всѣми предосторожностями ввели въ замокъ. Господарша наскоро облачилась въ княжескія одежды и торжественно приняла его въ большомъ залѣ замка съ короною на головѣ, сидя на высокомъ креслѣ, замѣнявшемъ тронъ.

Посолъ отрекомендовался ей паномъ Маховскимъ и передалъ грамоту короля.

Господарша прочла грамоту, и на лицѣ ея появилось выраженіе гордаго презрѣнія и гнѣва. Она поднялась съ кресла и сказала послу:

— Его величество король польскій приказываетъ мнѣ сдать замокъ; но онъ забылъ, что Молдавія никогда не была ему подвластна. Можно приказывать только своимъ вассаламъ.

— Его величество не приказываетъ вашей свѣтлости, но совѣтуетъ, замѣтилъ Маховскій. Онъ чувствуетъ состраданіе къ тяжелому положенію вашей свѣтлости и осажденныхъ и указываетъ на единственный возможный исходъ.

— Поблагодарите его величество за сострадательность! съ ироніею отвѣчала господарша; но мы въ ней не нуждаемся, мы продержались два мѣсяца, продержимся и еще два, если это будетъ необходимо. Гетманъ уже близко; татарскія войска тоже на полпути и намъ странно, что его величество считаетъ насъ такими малодушными.

Панъ Маховскій собирался возражать.

— Проводите посла, аудіенція кончена! приказала господарша, обращаясь къ окружавшей ее свитѣ.

И не давъ послу даже откланяться, господарша покинула залъ и удалилась во внутренніе покои.

Переговоры съ посломъ отняли время, предназначенное для вылазки и ее отложили до слѣдующаго дня.

Панъ Доброшевскій внимательно слѣдилъ за своимъ пріятелемъ и видѣлъ, какъ вечеромъ къ нему подбѣжалъ какой-то черномазый мальчишка съ клочкомъ бумаги.

Панъ Кутнарскій быстро пробѣжалъ глазами написанное на клочкѣ, затѣмъ высѣкъ огня и старательно сжегъ бумагу. Все это происходило шагахъ въ двадцати отъ пана Доброшевскаго, слѣдившаго изъ-за угла. „Плохо дѣло", подумалъ про себя Доброшевскій, „что-нибудь онъ затѣваетъ".

На слѣдующую ночь состоялась вылазка. Тихо, неслышно, какъ кошки, крались козаки, перелѣзая черезъ валъ, пробираясь во рву между густымъ кустарникомъ и ползкомъ извиваясь въ густой травѣ. Немного поодаль по самому краю оврага тихо ползли двѣ тѣни одна за другою, причемъ ползшій впереди постоянно удалялся отъ общей линіи, а слѣдовавшій за нимъ старался, повидимому, не быть замѣченнымъ первымъ и держался отъ него шагахъ въ тридцати. Вдругъ на самомъ краю рва, гдѣ ровъ соприкасался съ небольшимъ болотомъ, послышалось ржаніе коней. Ползшій впереди вскочилъ на ноги и бросился къ группѣ деревьевъ, стоявшихъ у самаго болота. Въ ту же минуту слѣдовавшій за нимъ по пятамъ тоже вскочилъ, въ нѣсколько прыжковъ настигъ бѣглеца и схватилъ его за воротъ.

— Предатель, измѣнникъ! крикнулъ онъ ему. Я зналъ, что ты задумалъ бѣжать!...

Но съ паномъ Кутнарскимъ не легко было справиться. Изворотливый, какъ кошка, онъ въ одну секунду отстегнулъ застежку кунтуша, бросилъ его и, убѣгая отъ пораженнаго Доброшевскаго, на ходу выстрѣлилъ въ него. Пуля попала въ лѣвую руку, но Доброшевскій, не обращая вниманія на боль, все таки еще нѣсколько времени пытался догонять перебѣжчика. Не тутъ то было, онъ только издали увидѣлъ, какъ тотъ вскочилъ на коня и помчался къ непріятельскому лагерю, описывая широкую дугу. Въ ту же минуту послышались выстрѣлы и крики

съ противоположной стороны. Козаки напали на сонный непріятельскій лагерь; второпяхъ заклепали они пушки, прихватили, что могли изъ обоза, перерѣзали и перестрѣляли попавшихся на пути и теперь, отстрѣливаясь, отступали къ крѣпости, гдѣ уже спустили подъемный мостъ и отворили ворота. Коекакъ зажавъ свою рану, панъ Доброшевскій бѣгомъ пустился въ крѣпость, не обращая вниманія на свистѣвшія вокругъ него пули.

— Какой я неудачникъ! шепталъ онъ про себя. Одинъ разъ въ жизни хотѣлъ сдѣлать доброе дѣло и то не удалось, только самого себя изуродовалъ...

— Гей, пане писарь! крикнулъ ему Тимошъ, стоявшій за воротами и распоряжавшійся спускомъ моста. Тебя откуда несетъ? ты какъ попалъ туда?

Панъ Доброшевскій только замахалъ головою и показалъ на рану.

— Да ты никакъ въ схваткѣ былъ! пошутилъ Тимошъ. Молодецъ! Ей-ей, молодецъ! Ну, бѣги до лѣкаря, да ложись, выздоравливай. Мнѣ теперь писать, пожалуй, и нечего.

Панъ Доброшевскій поспѣшно отправился къ лѣкарю; рана оказалась легкою, пуля пробила рукавъ и только скользнула по тѣлу, причинивъ легкую царапину. Пану сдѣлали перевязку и уложили его въ постель, а вечеромъ господарша съ Тимошемъ пришли его провѣдать.

Доброшевскій разсказалъ все, что съ нимъ случилось. Подозрѣвая Кутнарскаго въ измѣнѣ, онъ зорко слѣдилъ за нимъ и когда тотъ, пользуясь темнотою, проскользнулъ за козаками, онъ, какъ тѣнь, послѣдовалъ за нимъ до самаго оврага, гдѣ тотъ и ушелъ у него изъ рукъ.

— Не добре! качая головою, проговорилъ Тимошъ.

— Онъ предастъ насъ, замѣтила господарша. Надо удвоить стражу и установить такой надзоръ, чтобы ни одна мышь не могла проскользнуть въ крѣпость.

— Мышь и не проскользнетъ, а птица перелетитъ, многозначительно вставилъ Доброшевскій.

— Что панъ хочетъ сказать? спросилъ Тимошъ.

— Я подозрѣваю голубиную почту, вмѣсто пантофельной.

— Откуда у пана это подозрѣніе?

— Я не могу себѣ объяснить иначе, откуда панъ Кутнарскій получилъ вчера эту бумажку. Вѣдь, очевидно, что бѣгство было условлено заранѣе. Иначе откуда бы взяться коню.

— Но кто же можетъ тутъ завѣдывать такою почтою? въ раздумьи спросилъ Тимошъ.

— А жиды! воскликнулъ Доброшевскій. Велите схватить Іохеля, Янкелева сына, да допросите построже Янкеля, быть можетъ, что нибудь и узнаете.

Тимошъ послушался совѣта Доброшевскаго и приказалъ тотчасъ же схватить Іохеля и его отца, но ни того, ни другаго нигдѣ не оказалось. Вся семья Янкеля сгинула и пропала, и никто не могъ сказать точно, когда именно. Можетъ быть, и они воспользовались вылазкою и ночью ушли незамѣченными, можетъ быть они бѣжали и раньше. Достовѣрно было только то, что лачужка Янкеля стояла пустая, и ни хозяина, ни хозяйки въ ней не было.

Козацкій лагерь былъ расположенъ у самаго вала внутри крѣпости на обширномъ майданѣ, тянувшемся параллельно главной улицѣ. Палатка Тимоша стояла на противоположномъ краю майдана въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ и не была ничѣмъ защищена отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Какъ истый козакъ, Тимошъ привыкъ чувствовать себя подъ непріятельскими пулями, какъ дома, и ни за что не хотѣлъ переселиться въ замокъ, хотя полковники и уговаривали его принять предложеніе господарши устроить его въ замкѣ со всѣми удобствами. У Тимоша были свои причины не жить въ замкѣ. Пріѣхавъ въ Сочаву, онъ какъ-то замѣтно сторонился тещи, избѣгалъ случая оставаться съ нею наединѣ, и старался говорить только о дѣлѣ. Господарша тотчасъ замѣтила эту сдержанность и оцѣнила ее. Она тоже стала относиться къ нему съ дѣловою холодностью и только по временамъ, когда была увѣрена, что онъ не замѣчаетъ ее, подолгу останавливала на немъ задумчивый взоръ, какъ будто стараясь отгадать, что дѣлается у него въ душѣ.

Прошло нѣсколько дней. Стояла темная осенняя ночь; завывалъ холодный вѣтеръ и накрапывалъ мелкій дождь. Тимошъ спалъ въ своей палаткѣ, завернувшись въ бурку, подъ одѣяломъ, присланнымъ господаршей. Какъ это часто бываетъ, въ видѣ контраста окружавшей его непогодѣ и мглѣ, ему грезилось что-то свѣтлое, яркое, теплое, необъяснимо сладкое. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то легко дотронулся до его плеча.

— Кто тамъ? проговорилъ онъ впросонкахъ.

Вдругъ его охватили двѣ теплыя женскія руки и кто-то прильнулъ къ нему, осыпая его лицо горячими поцѣлуями. Быстрымъ движеніемъ сбросилъ съ себя Тимошъ бурку и вскочилъ на ноги. Онъ схватился за огниво, нѣсколько разъ стукнулъ кремнемъ по стали и при горящемъ свѣтѣ загорѣвшагося трута ясно различилъ Зелиму.

— Опять ты! проговорилъ онъ съ гнѣвомъ. Вѣдьма, когда ты оставишь меня?...

Съ этими словами онъ зажегъ тонкую восковую свѣчку, стоявшую у него въ изголовьѣ и, далеко недружелюбно посматривая на стоявшую противъ него татарку, сурово спросилъ:

— Какъ ты попала сюда? Что тебѣ отъ меня надо? Я разбужу стражу и велю схватить тебя.

Зелима бросилась на колѣни.

— Господинъ мой! проговорила она страстнымъ шепотомъ, устремивъ свой блестящій взоръ на Тимоша: ты можешь вынуть ножъ и убить Зелиму; но Зелима не могла не увидѣть тебя еще хоть разъ.

— Что же тебѣ отъ меня нужно? нетерпѣливо спросилъ Тимошъ.

— Бѣги, господинъ мой! съ отчаяніемъ проговорила татарка. Бѣги, пока еще есть время, Зелима спасетъ тебя. Бѣги къ отцу своему, веди сюда войско и разбей ихъ, а тогда убей Зелиму и будь счастливъ съ твоею бѣлою княжною.

Тимошъ съ подозрѣніемъ смотрѣлъ на татарку.

— Ты клялась мстить мнѣ, откуда же у тебя теперь такія рѣчи?

— Зелима много страдала, проговорила татарка и въ голосѣ у нея звучала печальная нота. Зелима ненавидѣла тебя за

то, что ты отнялъ у нея сердце; но теперь, теперь тебѣ грозитъ бѣда! Зелима сама не знаетъ, что сдѣлалось съ ея бѣднымъ сердцемъ, но она должна спасти тебя. Бѣжимъ, господинъ мой! Бѣжимъ! Завтра уже будетъ поздно.

— Только еще недоставало, чтобы я слушалъ всякую сумасшедшую бабу, съ сердцемъ проговорилъ Тимошъ. Зачѣмъ мнѣ бѣжать? Крѣпость неприступна и выдержитъ всякій натискъ.

— Они убьютъ тебя, съ отчаяніемъ въ голосѣ проговорила Зелима.

— Пустяки! проговорилъ Тимошъ. Не было примѣра, чтобы козакъ бѣжалъ отъ опасности. Убить могутъ вездѣ, отъ смерти не убѣжишь.

Зелима поднялась и вздохнула.

— Утекай-ка лучше сама по добру, по здорову! уже ласковѣе проговорилъ Тимошъ: видишь, заря забрежжила... Попадешься въ руки козакамъ, они тебя не пожалѣютъ, а обо мнѣ не заботься; что Богу угодно, то и будетъ.

Зелима оглядѣла его долгимъ любящимъ взоромъ.

— Солнце мое, свѣтъ очей моихъ, Аллахъ да хранитъ тебя! Берегись, будь остороженъ!

Она скользнула изъ палатки и скрылась во мракѣ.

ГЛАВА XIII.

СМЕРТЬ.

На другое утро Тимошъ вышелъ изъ палатки и сѣлъ на деревянный ящикъ, служившій ему скамейкою. Онъ спокойно курилъ люльку, наблюдая, какъ мало по малу оживалъ лагерь. Все пережитое имъ ночью казалося ему сномъ и онъ невольно задавалъ себѣ вопросъ: дѣйствительно ли онъ видѣлъ Зелиму, не пригрезилось ли ему все это? Потомъ мысли его перенеслись къ Локсандрѣ, онъ думалъ, что-то она дѣлаетъ, не родила ли ему сына, такъ какъ онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что родится сынъ.

Утро стояло холодное, почти морозное, но ясное. Первые лучи солнца ярко краснымъ свѣтомъ обливали и палатки, и фи-

гуру сидѣвшаго Тимоша, и только что проснувшійся лагерь. Козаки грѣлись у костровъ, варили саламату, шутили, смѣялись, перебрасывались остротами...

Вдругъ какой-то свистъ съ визгомъ пронесся надъ лагеремъ, что-то тяжелое шлепнулось подлѣ Тимоша; въ ту же минуту послышался трескъ; Тимошъ, ящикъ, палатка, все исчезло въ дымѣ...

— Ратуйте, братове! пронеслось по лагерю: въ батька бомба попала!...

Всѣ бросились къ Тимошу; онъ лежалъ на землѣ блѣдный, окровавленный, тяжело дыша.

— Ничего, ничего, товарищи! шепталъ онъ: я живъ, я только раненъ, несите меня скорѣе въ замокъ!

Десятки дюжихъ рукъ устроили носилки, Тимоша положили на бурку и отправились въ замокъ. Весь лагерь опустѣлъ, остались только сторожевыя цѣпи. Козаки столпились передъ замкомъ молча, неподвижно, съ непокрытыми головами. На многихъ суровыхъ лицахъ показались слезы.

— Батько нашъ! батько нашъ! Неужели ты насъ оставишь! шептали они.

Господарша бросилась на встрѣчу. Эта желѣзная женщина, никогда не терявшая присутствія духа, едва не лишилась чувствъ, при видѣ окровавленнаго Тимоша.

Тимошъ, взглянувъ на ея искаженное отъ ужаса лицо, замахалъ руками и едва прошепталъ:

— Ничего, ничего! я живъ... скорѣе лѣкаря...

Бросились за лѣкаремъ. Привели нѣсколькихъ: еврея, молдаванина, знахарку и двоихъ—троихъ армянъ.

Всѣ они осмотрѣли раны. Одинъ изъ армянъ взялся ихъ обмыть и перевязать. Одна рана въ голову была неопасна, она произошла отъ ушиба, когда бомбой разорвало ящикъ и стоявшую рядомъ телѣгу; но рана въ бедро съ торчащимъ изъ нея осколкомъ дерева, оказалась очень серьезною. Осколокъ попалъ глубоко, расщепился, такъ что его пришлось вынимать по частямъ. Повидимому, всѣ щепки устранили, а Тимошъ все жаловался, что чувствуетъ колючую боль въ ранѣ. Къ ней приложили

какого-то снадобья и забинтовали ногу, но уже часа черезъ два съ нимъ сдѣлалась лихорадка, онъ потерялъ сознаніе и началъ бредить.

Господарша осталась при немъ и просила Ѳедоренка принять команду надъ войскомъ. Въ тотъ же вечеръ она отправила пана Доброшевскаго къ гетману донести о случившемся.

Въ польскомъ лагерѣ въ это время готовились къ наступленію. Князь Дмитрій имѣлъ продолжительный разговоръ съ Кутнарскимъ, послѣ чего собрали военный совѣтъ. Предводители поляковъ Кондрацкій и Денгофъ совѣтовали сдѣлать нападеніе тотчасъ; но Янушъ Кимени, храбрый начальникъ венгерскаго отряда, находилъ, что слѣдовало сперва узнать, дѣйствительно ли бомба, брошенная по направленію Тимошевой палатки, произвела какое-нибудь дѣйствіе.

— Навѣрное, произвела! настаивалъ Вишневецкій. Прибывшій изъ крѣпости перебѣжчикъ—человѣкъ, котораго я давно знаю, не разъ оказывавшій мнѣ услуги, на него можно вполнѣ положиться.

— Но козацкій атаманъ могъ не быть въ палаткѣ, когда послѣдовалъ взрывъ, возразилъ Кимени.

— На такомъ разстояніи, я не могу утверждать, что видѣлъ все ясно; но Кутнарскій указалъ мнѣ на сидѣвшую у палатки фигуру и по общему очертанію это былъ Тимошъ. Затѣмъ поднялось въ лагерѣ смятеніе, всѣ побѣжали, смутились... по всей вѣроятности, если онъ не убитъ, то раненъ...

— Все таки намъ нельзя перейти въ наступленіе сегодня же, возражалъ Кимени: надо выработать планъ дѣйствія, подготовить войско, отдать приказы, все это займетъ, по крайней мѣрѣ, три дня.

— А если мы упустимъ удобную минуту, и козаки предупредятъ насъ? говорилъ Кондрацкій.

— Мы встрѣтимъ ихъ здѣсь и дадимъ приличный отпоръ.

Такимъ образомъ рѣшено было отложить приступъ еще на два дня.

Бѣдному раненому становилось все хуже и хуже: нога опухла, рана почернѣла, онъ стоналъ и метался въ бреду, корчась отъ невыносимой боли.

Господарша какъ будто застыла въ нѣмомъ отчаяніи. Блѣдная, съ неподвижнымъ взоромъ, со сжатыми губами ходила она за больнымъ, предупреждала малѣйшія его желанія и ни на минуту не уходила отъ его постели. Къ больному входилъ только Ѳедоренко; ему козаки безусловно довѣряли. На третій день больной притихъ и пришелъ въ себя; лицо у него поблѣднѣло и вытянулось, носъ обострился и только глаза лихорадочно горѣли; въ нихъ, казалось, сосредоточилась вся жизнь. Вошелъ Ѳедоренко. Господарша встала и уступила мѣсто у кровати больнаго, а сама присѣла въ ногахъ на постель.

Тимошъ быстро взглянулъ на угрюмое лицо своего боеваго товарища, и слабая улыбка промелькнула по безжизненному лицу.

— Прощай, друже! сказалъ онъ ему: вотъ моя пѣсенка и спѣта...

— Что ты, что ты, батько! съ испугомъ проговорилъ тотъ. Грѣшно такъ говорить; тебѣ сегодня полегчало, Богъ дастъ, скоро и выздоровѣешь.

— Хорошо бы выздоровѣть... произнесъ Тимошъ со вздохомъ. Казалось, весь остатокъ жизненныхъ силъ прилилъ къ его остывавшему сердцу.

— Ахъ, какъ бы хорошо! Сильно не хочется умирать.... И Локсандру жалко... и ребенка своего хотѣлось бы посмотрѣть... и... заикнулся онъ, взглянувъ на господаршу, всѣ вы такіе ко мнѣ добрые... Ну, да видно Богу не угодно... чую смерть у себя за плечами... Прости товарищъ! прибавилъ онъ, протягивая свою руку, если въ чемъ передъ тобою виноватъ. А ты, княгиня, не поминай лихомъ, проговорилъ онъ, обращаясь къ господаршѣ и протягивая ей другую руку, лѣвую... Лѣвая рука идетъ отъ сердца, прибавилъ онъ шутливо, слабо пожимая холодную руку господарши. Не жалѣй обо мнѣ, кто знаетъ, можетъ такъ и лучше... Локсандрѣ скажите, что я о ней каждую минуту вспоминаю... и на томъ свѣтѣ помнить буду, если только смерть память не отшибетъ... А батька успокойте, скажите, что

умеръ я какъ добрый козакъ и добрый христіанинъ... Теперь зовите попа... докончилъ онъ усталымъ голосомъ: можетъ, я скоро и языкомъ ворочать перестану...

Господарша тихо вышла изъ комнаты и послала за своимъ духовникомъ, жившимъ въ замкѣ.

Черезъ четверть часа высокій, худой, изможденный старикъ священникъ вошелъ въ комнату больного. Всѣ вышли. Началась исповѣдь, послѣ чего больного причастили, причемъ въ комнатѣ были только господарша и Ѳедоренко. Когда священникъ вышелъ, Тимошъ попросилъ, чтобы его оставили совсѣмъ одного и дали ему заснуть.

Господарша и Ѳедоренко вышли въ сосѣднюю комнату, чутко прислушиваясь, что дѣлается съ больнымъ.

Часа черезъ два онъ слабымъ голосомъ позвалъ княгиню.

— Ну, княгинюшка, прощай! весело сказалъ онъ ей. Смерть моя за мной приходила, я ее сейчасъ видѣлъ...

— Тимошъ! почти вскрикнула господарша, опускаясь на колѣни передъ его кроватью и взявъ его руку: не говори такъ, ты разрываешь мое сердце...

Онъ съ лукавою усмѣшкою посмотрѣлъ на нее, что то живое, прежнее появилось на его лицѣ.

— Охъ, вы женщины! проговорилъ онъ, ласково гладя ея руки: всѣ вы такія. Еслибъ живъ остался, можетъ проклинала бы меня... а вотъ умираю, и жалко стало... Ну, полно, не плачь! прибавилъ онъ серьезно. Мнѣ теперь хорошо, такъ легко, свободно... ничего не болитъ.

Онъ закрылъ глаза и, казалось, задремалъ. Господарша встала, схватилась за грудь, стараясь задушить рыданія, и сѣла у кровати. Ѳедоренко тоже тихонько вошелъ въ комнату и присѣлъ на лавку у задней стѣны. Вѣрная Маріанка, исполнявшая роль помощницы сидѣлки, заглянула въ дверь, такъ какъ было время перемѣнять повязки; но господарша махнула рукой, и она скрылась.

Прошло полчаса томительнаго молчанія.

На дворѣ стояла осенняя вьюга. Дождь пополамъ со снѣгомъ хлесталъ въ окна; а въ комнатѣ жужжали послѣднія мухи,

собираясь заснуть. Время отъ времени тишина нарушалась какимъ нибудь звукомъ. Господарша вздрагивала и устремляла взоръ на больного. „Такъ, быть можетъ, и лучше!“ проносились у нея въ головѣ слова Тимоша. „Ахъ, нѣтъ! не лучше! Такъ хуже!“ Ей казалось, что отъ нея отнимаютъ жизнь, свѣтъ и радость.

Вдругъ больной задрожалъ всѣмъ тѣломъ, выпрямился и широко открылъ глаза.

— Вотъ, вотъ она! Зелима, смерть! вскрикнулъ онъ полнымъ голосомъ, сѣлъ на кровати, протянулъ куда то руки, и потомъ безпомощный, какъ подкошенный, снова упалъ на подушки.

Господарша вскрикнула, вскочила, приложила руку къ груди больного, но сердце его уже больше не билось...

ГЛАВА XIV.

Богданъ дѣятельно готовился къ новой борьбѣ съ поляками. Онъ уже заручился могущественными союзниками: царемъ московскимъ и татарскимъ ханомъ. Крымская орда уже собиралась въ походъ, а козацкое войско возросло до шестидесяти тысячъ. Козаки рвались въ битву съ ляхами; они негодовали на медленность гетмана и не понимали его дипломатическихъ соображеній. Отпустивъ Тимоша въ Молдавію, Богданъ чувствовалъ какую то особенную пустоту; ему всюду недоставало сына. За послѣднее время сынъ развился въ мужественнаго, энергичнаго козака, въ немъ сказался недюжинный умъ, смѣшанный, правда, съ излишнимъ простодушіемъ и юношескою самонадѣянностью; но умъ отважный, смѣлый, готовый на всякое рискованное предпріятіе. Богданъ гордился этою отвагою и уже втайнѣ видѣлъ голову Тимоша, украшенной короною. Тѣмъ не менѣе, что то щемило и сосало его сердце, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ гонца изъ Молдавіи. За послѣднее время гетманъ болѣе, чѣмъ когда либо, пилъ горилку. Въ длинные осенніе вечера, когда все семейство собиралось за пряжею, Богданъ уходилъ къ себѣ и напивался до безчувствія или же отправлялся къ кому ни-

будь изъ полковниковъ, гдѣ и затѣвалась безобразная пирушка, съ которой гетмана привозили домой и соннаго укладывали въ постель.

Локсандра только что оправилась послѣ родовъ и нянчилась съ двумя слабыми, хилыми близнецами. Въ помощь ей взяли кормилицу-козачку; но она и сама непремѣнно желала кормить. Эти маленькія зыбкія колыбельки замѣнили ей весь міръ, по временамъ заставляли даже забывать Тимоша.

— Брось ты ихъ мамкѣ! часто ей говорила Ганна, видя, какъ слабая, невполнѣ еще оправившаяся Локсандра возится съ безпокойными дѣтьми: она баба опытная, гораздо лучше тебя съ ними управится. Вишь, какіе они хилые да тощіе, плохіе козаки...

Локсандра сердито посматривала на гетманшу и ничего не отвѣчала. Скоро всѣ домашніе махнули на нее рукой и привыкли къ ея постоянному отсутствію.

Какъ то поздно вечеромъ, когда у гетманши собралось общество молодыхъ козачекъ, и звонкіе голоса ихъ далеко раздавались въ непроглядной мглѣ, кто то стукнулъ въ калитку. Псы залились громкимъ лаемъ, и веселая пѣсня оборвалась на полусловѣ. Гетманша послала одну изъ козачекъ узнать, кто тамъ.

Та вернулась запыхавшаяся, перепуганная, блѣдная.

— Что ты? оборотня увидѣла, что ли? засмѣялась гетманша.

Козачка колебалась.

— Говори толкомъ, кто тамъ? нетерпѣливо крикнула Ганна.

— Посолъ изъ Молдавіи, проговорила тихо та. Тимошъ раненъ.

Гетманша вскочила и второпяхъ уронила веретено.

Всѣ заволновались. Минутное молчаніе смѣнилось громкимъ говоромъ. Нѣсколько женщинъ бросились звать посла, гетманша послала за Выговскимъ.

Вошелъ панъ Доброшевскій. Неуклюжая фигура его съ вѣчно плаксивымъ выраженіемъ лица, съ длинными руками и ногами, несмотря на важность момента, заставили нѣсколькихъ молодицъ переглянуться, и ихъ веселыя улыбки немного оживили мрачное настроеніе. Панъ Доброшевскій неловко поклонился гетманшѣ и попросилъ поскорѣе доложить о немъ Богдану.

— Я тотчасъ пошлю за нимъ гонца, сказала Ганна, только врядъ ли онъ сегодня будетъ въ состояніи выслушать пана. А пока пусть панъ не побрезгаетъ, чѣмъ Богъ послалъ, поужинаетъ.

— А какъ же Локсандра, замѣтилъ кто то изъ козачекъ, позвать ее?

— Она теперь уже спитъ, и пусть себѣ, замѣтила гетманша: однимъ спокойнымъ сномъ будетъ для нея больше.

Принесли ужинъ, горилку, поставили на столъ вино, медъ и дали послу утолить свой голодъ. Гетманша же позвала расторопнаго козака и велѣла ему тотчасъ же скакать въ Чигиринъ, розыскать гетмана и извѣстить его о пріѣздѣ посла.

— Говорить батьку все? спросилъ козакъ.

— Если не захочетъ ѣхать, скажи все. А если онъ не слишкомъ употчивался, то лучше помолчи до времени.

Козачки не расходились, ихъ мучило любопытство, и какъ только панъ окончилъ свою трапезу, онѣ обступили его и засыпали вопросами.

— Неужели и пани гетманова не войдетъ въ мое положеніе? наконецъ жалобно проговорилъ онъ, принимая самую трагическую мину: не могу же я сразу отвѣчать на сто вопросовъ? Пусть всѣ пани сядутъ и займутся... ну, хоть пряжею, а я все разскажу по порядку.

Гетманша первая подала примѣръ и сѣла за прялку, хотя руки у нея дрожали отъ волненія. Гостьи неохотно послѣдовали примѣру хозяйки, а панъ посолъ крякнулъ и принялся за разсказъ. Онъ передалъ уже извѣстное намъ событіе и, разсказавъ подробно про раны Тимоша и его страданія, остановился, чтобы перевести духъ и выпить кружку меду.

Козачки охали, вздыхали, причитывали, нѣкоторыя даже всплакнули. Доброшевскій отеръ усы и продолжалъ свой разсказъ:

— Теперь, прекрасныя пани, мнѣ придется разсказывать только о себѣ. Я не знаю, что сталось съ нашимъ дорогимъ героемъ послѣ моего отъѣзда. Видитъ Богъ, я никогда бы съ нимъ не разстался, еслибъ не важность возложеннаго на меня порученія. Мнѣ предстояла трудная задача проникнуть черезъ поль-

скій лагерь, т. е. избѣгнуть пасти льва, зіявшей на насъ со всѣхъ сторонъ. Я началъ съ того, что переодѣлся жидомъ. Это было не трудно: за нѣсколько злотыхъ я получилъ все, что для этого было нужно. Теперь надобно было незамѣтно пройти мимо лагеря, не попавъ въ руки стражи. Надо вамъ сказать, что лагерь тянулся вплоть до самаго болота. Я дождался ночи и въ темнотѣ ползкомъ достигъ болота, дальше ползти ночью не было никакой возможности, легко было провалиться въ трясину и оказаться въ гостяхъ у дѣдушки-водяного. Съ разсвѣтомъ, пока въ лагерѣ еще спали, я поползъ дальше, разсчитывая миновать лагерь, пока еще не разсѣялся туманъ, стоявшій надъ болотомъ. Какъ я молилъ Бога и Пречистую Богородицу, чтобы день былъ пасмурный; но, вѣроятно, за грѣхи мои Богъ не услышалъ моей молитвы. Яркое солнце взошло надъ горизонтомъ и черезъ полчаса, когда я не успѣлъ проползти еще и четверти пути, отъ тумана не осталось и слѣда. Вмѣстѣ съ этимъ начались и мои бѣды. Я оказался въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятельскаго пикета. Жолнеры весело варили свой утренній завтракъ. Еслибъ я только могъ провалиться сквозь землю, я бы съ удовольствіемъ это сдѣлалъ. Но, увы! хотя я стоялъ и на болотѣ, почва была тверда, а кругомъ, какъ нарочно, не было ни деревца, ни кустика, однѣ только кочки. Къ довершенію всего, маленькая собаченка, сидѣвшая около костра, зачуяла меня и съ громкимъ лаемъ бросилась къ болоту. Меня тотчасъ же окружили, сопротивленіе было безполезно, мнѣ скрутили ремнемъ руки и повели туда, куда меньше всего я желалъ идти—къ моему первому врагу, князю Дмитрію. Я твердо рѣшился сыграть роль жида и можетъ быть меня бы не узнали, еслибъ не дорогой мой пріятель, панъ Кутнарскій. Какъ только онъ присмотрѣлся къ моей физіономіи, онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ и безъ церемоніи снялъ мои пейсы и козлиную бородку. Ахъ, еслибы я могъ его проглотить въ эту минуту!

Панъ Доброшевскій остановился и обвелъ глазами своихъ слушательницъ. Козачки побросали веретена и слушали съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Когда моя личность была приведена въ извѣстность, князь Дмитрій сталъ меня допрашивать. Я ничего не сказалъ

имъ про рану пана Тимоша, напротивъ постарался убѣдить ихъ, что бомба не произвела желаемаго дѣйствія. Я увѣрялъ также, что бѣжалъ самъ по себѣ; но мнѣ не вѣрили. Князь Дмитрій велѣлъ меня посадить подъ стражу и намекнулъ, что думаетъ меня пытать. Въ палаткѣ, гдѣ меня допрашивали, было много народу: и польскихъ, и венгерскихъ, и волошскихъ пановъ; а когда меня вывели изъ палатки, у дверей стояла Зелима. Пани гетманова вѣдь знаетъ эту татарку? обратился Доброшевскій къ гетманшѣ.

— Знаю, знаю! нетерпѣливо подтвердила та. Я слушаю пана.

— Когда я проходилъ мимо нея, она мнѣ чуть замѣтно кивнула головой и тихо сказала по-татарски:—Зелима спасетъ тебя, не унывай! Пошли Богъ прощеніе этой погибшей душѣ, еслибъ не она, вашему покорному слугѣ не сидѣть здѣсь сегодня.— Вечеромъ она пришла къ моимъ сторожамъ, вытащила изъ-за пазухи бутылку горилки, а можетъ быть и котнарскаго, я не разглядѣлъ хорошенько. Одинъ изъ сторожей и мнѣ предлагалъ выпить рюмочку, но Зелима такъ строго взглянула на меня и такъ рѣшительно мотнула головой за спиной жолнера, что я понялъ, въ чемъ дѣло, и отказался. Чѣмъ ихъ опоила татарка и надолго ли, Богъ ее знаетъ, довольно сказать, что черезъ полчаса я былъ внѣ опасности, за чертой лагеря, переодѣтый въ ея платье. Она мнѣ приготовила и добраго молдаванскаго коня; на немъ я сюда и прискакалъ. А теперь, пани, сказалъ Доброшевскій, вставая: нельзя ли мнѣ и на покой. Панъ гетманъ вернется къ разсвѣту, я же къ тому времени успѣю отдохнуть и собраться съ силами.

Всѣ шумно встали, задвигавъ прялками. Пана Доброшевскаго проводили въ приготовленную ему комнату; гости распрощались съ хозяйкой и разошлись по домамъ, только гетманша печально присѣла на подоконникъ, поджидая возвращенія гетмана.

Въ головѣ ея проносились невеселыя думы, жизнь ея день ото дня становилась тяжелѣе, нравъ у гетмана былъ порывистый, вспыльчивый; приходилось ежеминутно ему угождать, то тѣшить его пѣснями, то успокаивать шутками и прибаутками.

Не прошло и двухъ часовъ, какъ послышался конскій топотъ, и гетманъ въ сопровожденіи Выговскаго и двухъ гонцевъ влетѣлъ въ настежъ открытыя ворота. Ганна заранѣе распорядилась, чтобъ одинъ изъ козаковъ ждалъ его на дворѣ. Съ разгорѣвшимся отъ вина, волненія и быстрой ѣзды лицомъ, весь забрызганный грязью гетманъ вошелъ въ горницу.

— А, Галю! ты еще не спишь? спросилъ онъ какимъ-то страннымъ надтреснутымъ голосомъ гетманшу.—Слышала?

— Слышала! отвѣчала она, со вздохомъ, опустивъ глаза.

Богданъ грузно спустился на лавку.

— Галю, Галю! обратился онъ къ женѣ; поди сюда ко мнѣ! Утѣшь меня, успокой меня! скажи, что онъ не умретъ!

Ганна сѣла подлѣ и положила руку на плечо мужа.

— Зачѣмъ ему умирать, серденько! проговорила она, стараясь придать голосу, какъ можно, больше увѣреннаго спокойствія.

— Страшно, Галю! Охъ, какъ страшно! И отпускалъ его, страшно было, цѣлыхъ два мѣсяца сердце щемило. А теперь вотъ и стряслось. Да нѣтъ же! вскрикнулъ онъ, вскочивъ съ лавки и топнувъ ногою: все брошу,—Украйну родную ляхамъ на съѣденье, а выручу его, у смерти изъ когтей вырву, если надо будетъ. А, злодѣи! вскрикнулъ онъ въ бѣшенствѣ, сжимая кулаки. Вы думали отнять у меня сына, погубить богатыря, такъ нѣтъ же, нѣтъ и нѣтъ! Богданъ жестоко отомститъ вамъ, сотретъ васъ съ лица земли, размечетъ по полю, какъ ковыль траву.

Гетманъ тяжело дышалъ, глаза его налились кровью, ноздри широко раздувались. Ганна тихо подошла къ нему и обняла.

— Коханый мой! проговорила она, заглядывая ему въ лицо. Побереги свои силы...

Богданъ горько зарыдалъ и опустился на лавку.

— Охъ, Галю, Галю! проговорилъ онъ, кладя голову на плечо гетманши. Еслибъ я могъ вернуть прошлое... Зачѣмъ я его отпустилъ?... Зачѣмъ самъ не пошелъ съ нимъ вмѣстѣ?... Принеси мнѣ горилки... душитъ, жжетъ меня... можетъ мнѣ легче будетъ.

Ганна хотѣла что-то возразить, но взглянувъ на искаженное горемъ лицо Богдана, вздохнула, опустила голову, молча подошла къ поставцу, взяла сосудъ съ горилкою и массивную серебряную чарку.

— Пій на здоровье! сказала она, съ поклономъ подходя къ мужу и наливая вина. Можетъ тебѣ и вправду легче будетъ съ легкой руки.

Богданъ залпомъ выпилъ двѣ чарки, потомъ всталъ, провелъ рукою по лбу и сказалъ:

— Ну, полно! Козакъ, что птица, отгоревалъ и будетъ! Спать мнѣ все равно не придется; а лучше, Галю, спой мнѣ что-нибудь, если можешь.

Ганна съ полною готовностью сняла со стѣны бандуру, присѣла въ ногахъ у Богдана, закурившаго трубку, и запѣла одну изъ любимыхъ заунывныхъ пѣсенъ гетмана.

На другое утро Богданъ собралъ чрезвычайную раду. Всѣ главные полковники были или въ Чигиринѣ, или въ его окрестностяхъ, въ виду ожидаемаго похода на ляховъ, а потому имъ ничего не значило тотчасъ же собраться на зовъ гетмана.

— Панове козаки! обратился Богданъ къ собравшимся, и голосъ его дрогнулъ. Не радостную вѣсть сообщу я вамъ, мой любый сынъ, свѣтъ мой, утѣшеніе моей старости, предательски раненъ ляхами. Если не двинемся мы ему на помощь, изведутъ они его совсѣмъ, изведутъ и силу козацкую... Помогите, други и товарищи!

Гетманъ замолкъ и, опершись на саблю, опустилъ голову.

Въ глубокомъ молчаніи стояли передъ нимъ полковники и старшины, нерѣшительно посматривая другъ на друга. Наконецъ, одинъ изъ нихъ сѣдой, какъ лунь, старикъ подошелъ къ Богдану и съ поклономъ проговорилъ:

— Уйди, пане гетмане! дай намъ сговориться, самъ знаешь, дѣло это нешуточное.

Богданъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Что тутъ сговариваться! крикнулъ онъ. Надо идти въ Молдавію выручать Тимоша, не дать же ему погибнуть, не дать же ляхамъ насмѣяться надъ честью козацкою!

Въ болѣе спокойномъ расположеніи духа Богданъ былъ бы сдержаннѣе и съумѣлъ бы раду настроить по своему; но обсуждаемый вопросъ слишкомъ близко касался его сердца и мутилъ его умъ.

Черкасскій полковникъ, Воронченко, стоявшій поодаль, горячо о чемъ-то толковалъ съ окружившими его полковниками. Богданъ побагровѣлъ отъ гнѣва.

— Что ты тамъ за спиною хоронишься? крикнулъ онъ. Если имѣешь, что сказать, выходи и говори громко.

Ворончено, высокій, смуглый, пожилой козакъ съ пробивавшеюся уже просѣдью въ черныхъ, какъ смоль, усахъ, выступилъ тогда въ кругъ.

— А то и говорю, батько! грубымъ, дерзкимъ голосомъ отчеканилъ онъ: что негожее дѣло чужую землю оборонять, а свою безъ остереганья метать, надо намъ за себя стоять и свою землю охранять...

У гетмана даже пѣна выступила на губахъ.

— А, вражьи дѣти! вскрикнулъ онъ: такъ то вы своего гетмана бережете!

И въ одно мгновеніе тяжелая гетманская сабля поднялась на дерзкаго полковника.

Десятки рукъ схватили гетмана, а Ворончено, не помня себя, блѣдный отъ злобы, занесъ на него саблю. Его тоже оттащили въ сторону.

Гетманъ тотчасъ же опомнился.

— Други мои, товарищи! съ рыданіемъ бросился онъ на колѣни и трижды поклонился до земли. Простите меня, не поставьте мнѣ въ вину моей горячности! Тяжко отцу терять свое дѣтище, не выдайте меня, не погубите его!

Искреннее отчаяніе звучало въ голосѣ гетмана.

Козаки бросились подымать его съ земли и сами рыдали вмѣстѣ съ нимъ.

— Прости и ты насъ, батько! говорили они, кланяясь въ поясъ.

— Гей, хлопцы! крикнулъ между тѣмъ Богданъ. Меду намъ да побольше...

Хлопцы засуетились, выкатили бочки съ медомъ на широкій дворъ, гдѣ происходила рада, принесли дюжины двѣ ковшей и началось угощеніе.

— Дитки мои! говорилъ, между тѣмъ гетманъ, утирая струившіяся по лицу слезы: помогите мнѣ.

— Нехай твоя воля буде, пане гетмане! отвѣчали козаки. А мы съ тобою уси готовы!...

ГЛАВА XV.

ПОХОРОНЫ.

Въ Сочавѣ всѣ были въ движеніи. Событія быстро слѣдовали одно за другимъ, каждый день приносилъ что-нибудь новое. Господарша хотѣла скрыть смерть Тимоша; трупъ его набальзамировали, тихонько ночью принесли гробъ, завѣсили окна въ спальнѣ и никого не пускали къ покойнику.

Ѳедоренко завѣрилъ козаковъ, что Тимошу легче, и чтобы отвлечь ихъ вниманіе, сдѣлалъ вылазку. Но черезъ нѣсколько дней пронесся между козаками слухъ, что батька нѣтъ въ живыхъ. Всѣ приступили къ Ѳедоренку и потребовали отъ него истины. Онъ долженъ былъ сознаться, что скрывалъ смерть атамана. Тогда козаки рѣшили сдать крѣпость полякамъ.

Въ эту минуту въ лагерь явилась господарша и умоляла не покидать ее. Поддавшись минутному чувству, козаки обѣщали стоять за нее до самой смерти. Они продержались еще нѣсколько дней; но припасы истощились, пришлось грызть кожу, ѣсть крысъ, мышей, падаль.

Опять собрали раду и приступили къ господаршѣ, требуя, чтобы она освободила ихъ отъ данной клятвы.

Господарша не возражала. Убитая горемъ, она потеряла бодрость и энергію, теперь ей было все равно, умирать ли въ крѣпости, или попасть въ руки своихъ враговъ.

Начались переговоры съ поляками о сдачѣ крѣпости. Непріятель тоже, видимо, торопился съ этими переговорами, такъ какъ прослышалъ, что Богданъ двинулся съ сильнымъ войскомъ. Козакамъ дали свободный пропускъ съ тѣломъ умершаго атамана.

Заунывно загудѣли колокола, со скрипомъ отворились крѣпостныя ворота и торжественно, тихо двинулась похоронная процессія. Впереди шли выборные козаки, они несли погребальныя сукна, растянутыя на длинныхъ носилкахъ; за ними несли гробъ; надъ нимъ склонялось большое бѣлое знамя, его несъ самъ атаманъ Ѳедоренко. Съ другой стороны, немного впереди гроба несли козацкія знамена, окруженныя войсковою музыкою, заунывно игравшею похоронный маршъ. Сзади гроба шло все войско козацкое, уменьшившееся больше чѣмъ на половину. Испитыя, изможденныя лица, похудѣвшія, какъ скелеты, фигуры совсѣмъ не напоминали молодцевъ-запорожцевъ, вошедшихъ въ крѣпость три мѣсяца тому назадъ. Они шли, понуривъ головы, охваченные глубокою скорбью и къ этой скорби даже враги ихъ чувствовали невольное уваженіе. Не у одного молдаванина вырвался глубокій вздохъ при видѣ бренныхъ остатковъ храбраго рыцаря, борца за ихъ отчизну, и не одни взоры останавливались въ этотъ день съ искреннею ненавистью на самодовольномъ новомъ властителѣ Стефанѣ Тучномъ или Бурдуцѣ. Онъ явно выказывалъ нетерпѣніе скорѣе овладѣть крѣпостью и вторично сѣсть на престолъ.

Господарша въ безмолвномъ горѣ, подобно мраморному изваянію, въ сопровожденіи своихъ боярынь и прислужницъ, проводила гробъ далеко за городъ. Она знала, что впереди ее ждутъ многія испытанія, что гордый Стефанъ и жена его дадутъ ей почувствовать ихъ власть. Но теперь, когда она шла за гробомъ, всѣ житейскія заботы отошли назадъ, въ сердцѣ оставалась только одна глубокая скорбь объ умершемъ.

Процессія миновала лагерь, медленно двигалась уже по берегамъ Серета, какъ вдругъ изъ-за скалы показалась фигура женщины съ длинными распущенными волосами и бросилась къ гробу.

— Солнце мое, звѣзда моя! причитывала Зелима. Зачѣмъ не послушалъ ты меня, зачѣмъ не ушелъ изъ лагеря. Дайте мнѣ еще хоть разъ взглянуть на него, молила она козаковъ.

Козаки нерѣшительно переглянулись.

Господарша знала всю исторію Зелимы отъ Локсандры. Въ эту минуту она вполнѣ понимала ея скорбь, ей казалось жестокостью не исполнить просьбу бѣдной татарки.

— Что же вы стоите? обратилась она къ козакамъ. Пусть ее простится...

— Да это вѣдьма! проговорилъ кто-то изъ козаковъ. Можетъ негоже?

— Вздоръ! рѣшилъ Ѳедоренко. Пусть простится!

Козаки подняли тяжелую крышку гроба.

Какъ только Зелима увидѣла восковое лицо мертвеца, она испустила дикій вопль и припала къ нему съ глухимъ рыданіемъ.

— Свѣтъ души моей! говорила она. Прости Зелимѣ, она хотѣла мстить тебѣ, а теперь ты отомстилъ ей своею смертью. Зелимѣ не нужна больше ея жизнь; въ ея сердцѣ нѣтъ теперь мѣста ни любви, ни ненависти.

— Довольно съ тебя! Простилась и будетъ! проговорили козаки, поднимая гробъ на плечи.

Татарка съ безумнымъ взоромъ смотрѣла на закрывшуюся крышку.

— Никогда, никогда, никогда больше не будетъ Тимоша! шептала она и какъ-то задомъ, не сводя глазъ съ гроба, двинулась къ утесу. Нѣтъ Тимоша, не будетъ и Зелимы! шептала она съ полурастерянной улыбкой.

Дойдя до утеса, она еще разъ взглянула на удалявшійся гробъ, потомъ подняла руки къ небу и съ крикомъ: „Аллахъ!“ бросилась внизъ.

Нѣсколько козаковъ, обернувшихся на крикъ, подбѣжали къ утесу, но спасти несчастную не было никакой возможности. У самой подошвы скалы бушевалъ водоворотъ, и Зелиму въ одинъ мигъ увлекъ потокъ.

— Утопилась! въ одинъ голосъ сказали козаки, снимая шапки и крестясь.

— А можетъ вѣдьма? спросилъ опять кто-то.

— Вѣдьма, или не вѣдьма, кто ее знаетъ; а все жъ она кохала нашего батька, за то ей и прощенье будетъ, вздохнувъ рѣшили козаки и побрели за гробомъ.

Господарша проводила покойника еще версты двѣ, отвѣсила ему три низкихъ поклона и вернулась въ Сочаву, гдѣ ждали ее жестокія униженія.

Стефанъ заставилъ ее принимать новую господаршу, потомъ распоролъ носъ ея шестилѣтнему сыну Василію и съ позоромъ, въ телѣгѣ, какъ преступницу, велѣлъ ее отвезти въ одинъ изъ отдаленныхъ, глухихъ городковъ, гдѣ ей и пришлось коротать свою нерадостную жизнь въ изгнаніи.

Медленно подвигалась печальная процессія къ границамъ Украйны. Вотъ перешли и границу, показались родные села и города; всюду высыпалъ народъ на встрѣчу, всюду заунывно гудѣли колокола, въ городахъ палили пушки, въ церквахъ служили литіи. Тихо останавливались восемь тысячъ козаковъ на привалахъ, въ суровомъ молчаніи обѣдали и ужинали: ни шутокъ, ни смѣха, ни пѣсенъ не слышалось въ этомъ печальномъ лагерѣ.

Вотъ наконецъ родныя степи, пройдя ихъ, козаки будутъ дома, но что принесутъ они домой? Трупъ любимаго гетманова сына, безчисленныя извѣстія о погибшихъ и убитыхъ и ни тѣни славныхъ побѣдъ, о которыхъ мечталось при выступленіи. Въ глубокой скорби никли козацкія головы, дрожали козацкіе усы, трепетали мощныя козацкія груди и невольно самъ собою замедлялся шагъ, невольно хотѣлось, чтобы степь тянулась безъ конца, чтобы удалилась еще на нѣсколько дней тяжелая минута.

Но что это? Вдали раздался топотъ множества коней. Осторожные козаки отошли въ оврагъ и выслали развѣдчиковъ. Черезъ нѣсколько минутъ развѣдчики во весь опоръ прискакали назадъ, издали крича:

— Самъ гетманъ съ войскомъ идетъ!

Козаки вышли на дорогу и двинулись на встрѣчу гетману.

Увидѣвъ печальную процессію, Богданъ сошелъ съ коня и пошелъ ей на встрѣчу.

— Кого вы везете? спросилъ онъ переднихъ козаковъ.

Но роковыя слова остановились у нихъ въ горлѣ и они молча стояли передъ нимъ.

Зачуявъ недоброе, гетманъ быстрыми шагами приблизился къ телѣгѣ съ гробомъ. Онъ никого и ничего не видѣлъ, сердце его подсказывало что-то ужасное, чего еще онъ самъ себѣ не смѣлъ назвать.

— Открыть крышку! приказалъ онъ.

Дюжина сильныхъ рукъ потянулась къ гробу. Крышка быстро приподнялась.

— Тимошъ! вскрикнулъ Богданъ, сынку коханый!

Голосъ его замеръ, онъ припалъ къ дорогимъ останкамъ и почувствовалъ себя въ эту минуту хилымъ, безпомощнымъ старикомъ. Ему казалось, что надъ нимъ пронеслись десятки лѣтъ, что въ одну минуту онъ пережилъ цѣлое полстолѣтіе.

Долго лежалъ Богданъ на гробу, безмолвно стояло кругомъ козацкое войско съ обнаженными головами, не смѣя нарушить неутѣшную скорбь несчастнаго отца.

Наконецъ, гетманъ поднялся.

— Боже! благодарю тебя, что Тимошъ умеръ, какъ козакъ и не достался въ руки враговъ! Спасибо вамъ, товарищи! обратился онъ къ козакамъ. Спасибо за то, что воевали съ моимъ богатыремъ! А васъ, братове, благодарю вдвое, что пошли на выручку моего бѣднаго сынка! Ничего ему теперь больше не нужно, только нѣсколько аршинъ земли! Сгубили его ляхи, пойдемъ же и отомстимъ имъ, отомстимъ вдвое и за Украйну, и за Тимоша!

— Батько и мы съ тобою! крикнули козаки, шедшіе изъ Сочавы, что намъ ворочаться домой и слушать бабій вой и причитанье по убитымъ. Довольно мы высидѣли въ Сочавской крѣпости, пора теперь и потѣшиться на ратномъ полѣ.

— По мнѣ, какъ хотите, согласился гетманъ, только киньте жребій кому везти тѣло Тимоша. Какъ отвезете въ Чигиринъ, поставьте его въ церковь и не хороните, пока я самъ вернусь.

Кинули жребій. Тѣ, кому выпало на долю везти останки Тимоша, отвѣсили низкій поклонъ товарищамъ и готовились тронуться въ путь. Богданъ едва оторвался отъ гроба, онъ рыдалъ, какъ ребенокъ, и приказывалъ не закрывать крышку.

— Пора, батько! рѣшился сказать Ѳедоренко. Ужъ поздно, до заката намъ надо дойти до стоянки.

— Правда твоя, друже! отвѣчалъ Богданъ, поднимая голову. Ничѣмъ теперь не помочь, со смертью спорить не будешь.

Онъ махнулъ рукой и пошелъ отъ гроба, а процессія двинулась дальше.

Унылый колокольный звонъ, громкая пушечная и ружейная пальба возвѣстили жителямъ Чигирина, что приближаются бренные останки храбраго молодого витязя.

Бѣдная Локсандра! Сколько слезъ выплакала она въ долгія темныя ночи, въ безконечно тянувшіеся дни и недѣли, ожидая этихъ дорогихъ останковъ. Далеко за городъ вышла она встрѣчать вмѣстѣ съ остальными членами семьи Богдана печальную процессію, приближавшуюся къ городу. Впереди шло духовенство въ полномъ облаченіи съ образами и хоругвями, за ними шла семья Богдана, козаки со своими полковниками и народъ.

Показался, наконецъ, и гробъ.

Локсандра думала, что сердце ея разорвется отъ горя, когда подняли гробъ съ телѣги и открыли крышку. Тимошъ лежалъ теперь совсѣмъ чужой, не тотъ Тимошъ, котораго она проводила въ походъ, который былъ ей близокъ и дорогъ. Онъ лежалъ такъ спокойно, невозмутимо, а она не знала, куда ей дѣться отъ безъисходнаго страданія. Ноги ея подкашивались, голова кружилась и она должна была опереться на плечо гетманши.

Гробъ внесли въ соборъ, поставили на высокій катафалкъ и въ тоже мгновеніе раздался ружейный залпъ и пушечный грохотъ.

Всѣ рыдали, прощаясь съ молодымъ богатыремъ, всѣхъ поразила его преждевременная смерть.

Два слишкомъ мѣсяца стояли останки Тимоша въ Чигиринѣ въ соборѣ и только къ Рождеству перевезли ихъ въ Суботово, въ храмъ, сооруженный Богданомъ, гдѣ и похоронили 27-го декабря 1653 года.

Ольга Рогова.

ПОБОЖЬЕ ВЪ XVII и XVIII В.

Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО) [1].

IV.

Спеціалисты по срыванію сеймиковъ. — Усобица на винницкомъ сеймикѣ 1732 года.

Неизмѣнное счастье, возрастающее богатство и общее уваженіе, которымъ пользовался Павелъ Ярошинскій въ своей округѣ, не могли не возбуждать зависти среди собратій; выдающееся положеніе въ воеводствѣ, издавна связанное съ титуломъ стольника, не давало покоя провинціальнымъ честолюбцамъ. Живой и энергичный, панъ Павелъ не думалъ уступать, поэтому пришлось искать окольныхъ путей, чтобы, какъ говорится, подставить ему ножку. На первыхъ порахъ противники выступали однако нерѣшительно, лозунгъ ихъ былъ еще невыработанъ, сторонники еще не организованы въ настоящую партію,—въ послѣдніе годы царствованія Августа II трудно было найти въ Брацлавщинѣ слѣды партійной организаціи; общее недовольство противъ саксонской династіи потеряло здѣсь рѣзкія формы,—всѣ усилія были направлены къ борьбѣ противъ гайдамачества; одичаніе, какъ результатъ борьбы, проникло не только въ среду мелкаго шляхетства, но сказывалось повыше. Нравственный уровень общества понизился

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1890, 10.

до крайней степени, всюду царило невѣжество; монашескіе ордена, эти носители современнаго знанія, являлись представителями этого умственнаго убожества; преоры, начальники школъ, ксендзы, уніатскіе священники, монахи, обучавшіе шляхетскихъ барышенъ, съ трудомъ могли подписаться. Только іезуиты представляли исключеніе въ этомъ случаѣ. Въ современныхъ актахъ, обнимающихъ вторую четверть XVIII в., корреспонденціи отцовъ Игн. Лойолы если не отличаются археографіей, то выгодно выдѣляются въ отношеніи каллиграфіи. Въ такую смутную эпоху сила господствовало надъ правомъ; грубая отвага, соединенная съ притѣсненіемъ ближняго, не встрѣчала надлежащаго отпора. Никогда еще столько народу не занималось разбоемъ, какъ въ эту пору, и едва десятую часть преступниковъ постигала справедливая кара закона. Поэтому, обыкновенно среди лицъ этого разряда искали охотниковъ до срыванія шляхетскихъ сеймиковъ; имъ нечего было терять, а при случаѣ можно было кой-чѣмъ поживиться; удача создавала имъ популярность; въ случаѣ не удачи они пріобрѣтали вельможныхъ покровителей, въ интересахъ которыхъ работали, и при этомъ и малую толику деньжонокъ, столь необходимыхъ для этихъ забубенныхъ головушекъ.

Въ Брацлавщинѣ того времени славой „срывателей сеймиковъ" пользовались въ особенности братья Янъ и Стефанъ Жалинскіе: „они задались цѣлью срывать сеймики изъ года въ годъ, такъ что въ теченіи восьми лѣтъ шляхетскіе сеймики вовсе несостоялись, къ великому ущербу для всего воеводства",—такъ жалуется современникъ, описавшій подвиги этихъ сорвиголовъ. Павелъ Ярошинскій, предводительствовавшій сеймиками, понималъ прекрасно, противъ кого направлена эта работа, тѣмъ болѣе, что противники намекали стороной, что все прекратится, лишь только стольникъ оставитъ кресло президента. Но все было напрасно. Ярошинскій не уступалъ; поэтому враги рѣшились обратиться къ знаменитому въ такихъ дѣлахъ Александру Мысловскому, еще незнавшему неудачи.

На наше счастье, какой то любитель собралъ всѣ матеріалы для біографіи этого типичнаго господина, годные для настоящей повѣсти, тѣмъ болѣе интересной, что фантазія собирателя не

играла тутъ никакой роли. Итакъ, въ Борщовѣ, деревушкѣ кременецкаго повѣта, принадлежавшей къ имѣніямъ кн. Вишневецкаго, вел. гетмана литовскаго, сидѣло на залоговомъ правѣ нѣсколько землянскихъ семействъ: Доманевскіе, Малиновскіе, Любoрадскіе, оо. іезуиты кременецкіе и пани Екатерина изъ рода Прускихъ, по первому браку Гулевичъ, по второму—Мысловская, по третьему—Вальская. Отъ второго брака у нея было двое сыновей и дочь. Старшій сынъ ладилъ съ матерью, велъ судебныя дѣла и ему жилось недурно, но младшій съ малыхъ лѣтъ обнаружилъ дурныя наклонности. Въ 1706 г., едва пятнадцати лѣтъ отъ роду, онъ подослалъ на домъ своей матери гайдамакъ и затѣмъ съ ними разгромилъ его до основанія. Еслибы не защита сосѣдей, то матери, быть можетъ, пришлось бы поплатиться жизнью за этотъ сыновній визитъ. Послѣ такого подвига, паничъ убѣжалъ за Днѣпръ и не появлялся цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, возвратился затѣмъ въ великой нищетѣ, оборванный, хворый, съ ясными слѣдами пьянства.

Мать приголубила блуднаго потаскуна, отвела ему кусокъ земли, дала 300 зл. на первое обзаведеніе, а отчимъ прибавилъ отъ себя восемь червонцевъ и „двѣнадцать локтей зеленаго атласу на жупанъ“. Но это не помогло, молодецъ не унимался и снова сталъ надоѣдать родительницѣ, издѣвался надъ нею, требовалъ передачи въ свои руки всего имѣнія, хотя отецъ его не вложилъ ни гроша своего въ эту землю, которая составляла приданое матери. Въ 1718 г., во время храмоваго праздника въ Борщовѣ въ честь „Матери Божіей сѣятельницы“, мертвецки пьяный, онъ ворвался въ домъ матери и началъ угощать сестру „канчукомъ“, а когда за обиженную заступилась было мать, то и ей досталось порядкомъ. Стыдясь такого сына, мать стерпѣла и на этотъ разъ, „обливаясь горькими слезами“. Ободренный безнаказанностью, сынокъ въ слѣдующемъ году захватилъ весь урожай съ полей матери, сто копъ пшеницы, арендную плату и все сѣно съ луговъ. За обиженную мать вступился отдаленный родственникъ п. Тренчинскій и имѣлъ неблагоразуміе явиться къ обидчику отъ имени пани Вальской. Сынокъ отвѣчалъ коротко и ясно: „еслибы явилась мать и не давала бы мнѣ хлѣба

и сѣна, то пусть знаетъ, что не уйдетъ живьемъ, развѣ только какимъ чудомъ. Она должна знать также, что не имѣетъ права распоряжаться ничѣмъ въ своемъ домѣ". Испуганный посредникъ удалился, прочіе молчали, потому что попросту боялись Мысловскаго; онъ постоянно грозилъ имъ гайдамаками, хвалился, что поддерживаетъ съ ними связи. Корытынскаго, упрекавшаго его за неблаговидные поступки, бросилъ въ прудъ. Шляхтичъ за свою смѣлость поплатится тяжкой болѣзнью. Въ отплату за духовныя увѣщанія, Мысловскій уничтожилъ лѣсъ оо. іезуитовъ и еще грозилъ имъ огнемъ и смертью. Затѣмъ, онъ сталъ занимать деньги и на роспискахъ подписывался за мать. Привлеченный къ суду, онъ застигъ мать на дорогѣ и вновь избилъ ее. Особенно характерно его столкновеніе съ своими сосѣдями Любoрадскими. Семейство состояло изъ мужа, его вдовой сестры Екатерины Медынской, и жены. Пани Медынская была миловидна собой и приглянулась негодяю, который нерѣдко навѣщалъ ее; пріемъ былъ вѣжливый, но когда онъ началъ ухаживанье со свойственной ему галантностью, то ему было начисто отказано отъ дома. Мысловскій грозился отомстить, но при видѣ вдовы терялъ всякую отвагу и задоръ. Долго ли такъ шло дѣло, неизвѣстно, но однажды, подъ пьяную руку, онъ рѣшилъ еще разъ попытать счастья. Это случилось 12 января 1725 г. Позднимъ вечеромъ, во главѣ многочисленной компаніи, въ сопровожденіи музыканта,—воспитанника оо. іезуитовъ, жившаго на ихъ участкѣ,—съ четырьмя импровизованными факелами изъ восковыхъ свѣчей на длинныхъ жердяхъ,—предсталъ Мысловскій передъ домомъ Любoрадскихъ. Все въ домѣ спало,—разбудилъ. Извинялись позднимъ временемъ,—не помогло; Мысловскій грозилъ выломать дверь, такъ какъ онъ явился по важному дѣлу: онъ желаетъ, чтобы Любoрадскіе уступили ему свой участокъ земли на залоговомъ правѣ. Дѣлать нечего: пришлось уступить силѣ и пригласить незванныхъ гостей въ гостинную. Здѣсь ихъ встрѣтила пани Медынская „въ ночномъ капотѣ", надѣтомъ второпяхъ; тотчасъ же музыкантъ заигралъ веселый танецъ, факелоносцы размѣстились со свѣчами по угламъ, а панъ Мысловскій съ комплиментомъ подошелъ ко вдовѣ и пригласилъ

танцовать; прибавилъ, что она должна по очереди „хоть немножко поплясать“ со всѣми его компаньонами, и указалъ на открытыя двери, гдѣ десятка полтора коллегъ крайне подозрительнаго вида ожидали его мановенія. Вдова прибѣгла къ дипломатіи: она стала увѣрять кавалера, что дала обѣтъ не танцовать въ пятницу,—дѣло было именно въ этотъ день. „Если не хочешь со мной, то, быть можетъ, лучше будетъ съ моимъ слугой“,—вскричалъ разгнѣванный гость; слуга былъ налицо, „парубокъ“ Домбровскій, въ полотняномъ кафтанчикѣ, огромныхъ „постолахъ“, растрепанный, грязный,—коллеги кулаками вытолкнули его на средину комнаты. Вдова въ слезы и протесты. „Танцуй!“ завопилъ Мысловскій, поднимая арапникъ. И открылся этотъ невиданный балъ. Вся въ слезахъ, дама должна была казаться веселою, кружась по комнатѣ, а бѣдняга Домбровскій боязливо колесилъ за нею, какъ медвѣдь, закрывая глаза рукою отъ стыда. Панъ Александръ стоялъ тутъ же, руки въ бока, и понуждалъ музыканта подбирать мотивы позабористѣй, а слугу — плясать повеселѣй. Должно быть, дѣло шло плохо, потому что „Мысловскій такъ хватилъ его по лицу“, что бѣдняга свалился на полъ, обливаясь кровью, а музыкантъ, опасаясь за свое общественное положеніе (онъ былъ въ полудуховной сутанѣ, въ качествѣ костельнаго прислужника), протестовалъ по поводу скандала. Обезумѣвшій отъ винныхъ паровъ Мысловскій немилосердно избилъ и музыканта. Тогда, ломая въ отчаяніи руки и призывая всѣхъ святыхъ на помощь, вступилась за обиженныхъ пани Медынская. Мысловскій кинулся на нее, сорвалъ чепчикъ съ головы и сталъ таскать за волосы, въ безпорядкѣ разсыпавшіеся по плечамъ. Тутъ уже рѣшился выступить панъ Любoрадскій, который скрывался до того въ боковой комнатѣ. Онъ бросился на разбойника съ саблей въ рукѣ, начался поединокъ—Любoрадскій имѣлъ даже перевѣсъ на первыхъ порахъ, но когда Мысловскому пришли на помощь коллеги — проигралъ битву: изрубленный и искалѣченный, онъ свалился на полъ, обливаясь кровью. Испуганная и отрезвившаяся разбойная компанія удалилась изъ дому далеко за полночь, а на слѣдующій день, ранимъ утромъ, „генеральный возный воеводства волынскаго и

другихъ, шляхетный Андрей Лещинскій, представши самолично", засталъ въ гостиной пановъ Любoрадскихъ страшное опустошеніе. Хозяинъ стоналъ, лежа на полу, вдова обливалась слезами въ уголку у печки, музыкантъ съ разбитой скрипкой сидѣлъ на полу, опершись избитой спиной о стѣнку, и только одинъ Домбровскій спокойно спалъ тутъ же у порога, растянувшись во весь ростъ. Излишекъ алкоголя, видимо, дѣйствовалъ успокоительно на эту апатичную натуру. Съ великимъ искусствомъ и художественнымъ юморомъ описалъ эту сцену панъ возный въ своемъ заявленіи, занесенномъ въ кременецкія гродскія книги. Этотъ актъ надлежало скрѣпить подписью, но Любoрадскій не могъ: правая рука отказывалась дѣйствовать; дамы тоже не могли—потому что не умѣли писать.

Таковъ былъ незавидный curriculum vitae специалиста срывать сеймики, и однако это не мѣшало ему выступить на брацлавскомъ сеймикѣ въ качествѣ избирателя вмѣстѣ съ своей заранѣе подобранной компаніей. Какъ кажется, Мысловскій выступалъ по наущенію Францишка Салезія Потоцкаго, въ ту пору скромнаго старосты белзскаго, бывшаго маршала трибунала короннаго (1726 г.), незадолго до того появившагося на окраинѣ въ качествѣ наслѣдника угасшаго года Калиновскихъ. Около него группировались: Михаилъ Грохольскій, чашникъ брацлавскій, впослѣдствіи земскій судья и регментарь украинской партіи, братья Александръ и Святославъ Четвертенскіе, Христофоръ Мошинскій, брацлавскій скарбникъ, Станиславъ Шашкевичъ, винницкій каштелянъ, и Людвикъ Вирскій, брацлавскій писарь.

Какъ бы то ни было, сторонники Павла Ярошинскаго проиграли битву на сеймикѣ 1730 г. Мысловскій торжествовалъ. Побѣжденные поняли, что съ нимъ шутить опасно, и вступили съ нимъ въ компромиссъ: на слѣдующій годъ сеймикъ состоялся, а панъ Александръ оказался избраннымъ въ „сборщики податей съ старовѣровъ-пилипоновъ". Бѣдные колонисты тяжко заплатили за эту уступку, „обидѣли ихъ на нѣсколько тысячъ". Возмущенный Ярошинскій открыто заявилъ, что въ будущемъ году не допуститъ его до выборовъ, что это срамъ и стыдъ для шляхетства и разореніе для края. Въ половинѣ декабря 1732 г.

долженъ былъ открыться провинціальный сеймикъ въ Виннице. Если Мысловскій готовился къ войнѣ, то и противники его не дремали; партія, во главѣ которой стоялъ Ярошинскій, была очень сильна и хорошо дисциплинирована. Стольникъ думалъ было сперва уклониться отъ борьбы, но его упросили, обѣщая всяческую поддержку. Сторонники сдержали слово и были въ полномъ сборѣ.

Мѣстомъ, гдѣ происходили подвиги этой провинціальной войны, былъ іезуитскій костелъ въ Винницѣ, огромное зданіе на взгорьи, соединенное галлереей съ монастыремъ. 18 декабря всѣ были въ полномъ сборѣ; вокругъ главныхъ дѣятелей тѣснились сторонники, не мало было и любопытныхъ. Мысловскій открыто грозилъ и похвалялся, что привелъ съ собою переодѣтыхъ „козаковъ", а ихъ то болѣе всего опасались въ городѣ. Послѣ необходимыхъ формальностей приступили къ выборамъ маршала; конечно, почетный постъ былъ предложенъ Павлу Ярошинскому. Онъ приблизился къ президентскому столу и не успѣлъ еще поблагодарить собраніе за оказанную честь, какъ у порога церкви началось смятеніе. Мысловскій вмѣстѣ съ коллегами заявилъ протестъ противъ выборовъ. Однако ему не позволили говорить; противники объявили, что соединяются въ конфедерацію, такъ какъ на очереди множество важныхъ дѣлъ, не терпящихъ отлагательства, а разъ сеймики постоянно разстраиваются, то остается разрѣшить эти дѣла большинствомъ голосовъ. Это было неожиданностью даже для многихъ изъ сторонниковъ стольника, не посвященныхъ въ тайну. Только такимъ путемъ и можно объяснить, что Мысловскому удалось безнаказанно проникнуть черезъ толпу шляхты къ самому столу, у котораго засѣдалъ стольникъ. Съ крикомъ „не позволяемъ никакой конфедераціи!" и обнаженной саблей кинулся онъ на старика; „не позволяемъ, ибо въ этомъ воеводствѣ никогда этого не было!"—продолжалъ онъ кричать и замахнулся саблей, но староста радомскій Янъ Станиславъ Свидерскій оттолкнулъ Ярошинскаго въ сторону и въ свою очередь ринулся на Мысловскаго съ саблей на-голо. Началась общая свалка. „Срыватели" были такъ увѣрены въ побѣдѣ, что не думали отступать; напротивъ, Янъ Жалинскій,

явившійся среди общаго замѣшательства вслѣдъ за Мысловскимъ, подскочилъ къ маршалковскому столику, „дважды опрокинулъ его и произвелъ великій безпорядокъ“. Сторонники Ярошинскаго не остались въ долгу: сомкнутыми рядами наступили они сбоку на нападающихъ, которые двигались узкой линіей за своимъ вождемъ; линію разорвали на двое; большая часть счастливо ушла изъ боя, конечно, не безъ слѣдовъ побоевъ и шляхетской сабли, но предводителямъ отступленіе было отрѣзано. Облитые кровью, полумертвые отъ страха, упали они къ подножію великаго алтаря и конечно ихъ изрубили бы въ конецъ, если бы не защитилъ Ярошинскій. Среди лязга сабель и яростныхъ воплей раздался его крикъ: „не добивайте“. Побѣдители на мгновеніе остановились, и въ это время изъ боковыхъ дверей явились двое о.о. іезуитовъ и вытолкнули полумертвыхъ разбойниковъ въ боковой корридоръ. Сеймикъ не состоялся, но и виновники разстройства рисковали жизнью, такъ какъ выбравшіе стольника рѣшились истребить ихъ и конечно поставили бы на своемъ, если бы побѣжденнымъ не помогли скрыться изъ города. Бѣглецы опомнились только въ Кременцѣ и тамъ уже выступили съ протестомъ, а возный въ то же время подробно и добросовѣстно описалъ печальные и видимые слѣды недавняго побоища. Такъ, между прочимъ, у Мысловскаго оказался „рубецъ съ лѣвой стороны отъ уха до щеки, рубленый, глубокій; другой на лѣвой рукѣ, пониже локтя, также отъ сабли, съ пересѣченіемъ кожи, тѣла и жилъ и съ нарушеніемъ цѣлости кости, грозящій искалѣченіемъ“; немало и другихъ „слѣдовъ сабли, ссадинъ и кровоподтековъ“. Во всякомъ случаѣ, Мысловскій счастливо „выскочилъ“ и даже исправился, такъ какъ рубецъ на лицѣ сильно обезобразилъ его, свернувши губы на бокъ, а лѣвой рукой онъ уже не могъ владѣть свободно и долго еще носилъ ее на перевязи. Павелъ Ярошинскій тотчасъ же послѣ праздниковъ поспѣшилъ въ Варшаву, но дождался только смерти короля и снова вернулся домой, гдѣ его ожидало предсѣдательствованіе въ главномъ каптуровомъ судѣ.

V.

Павелъ Ярошинскій—брацлавскій подкоморій.—Процессъ съ Грохольскимъ и смерть пана Павла.—Старшій сынъ его Августинъ.

Великія несчастья выпали на долю окраинныхъ провинцій Польши въ эпоху безкоролевья послѣ Августа II. Такъ какъ Брацлавщина особенно энергично выступила противъ саксонца, то въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ почувствовала всю силу мстительности властной руки. „Вспомогательныя“ войска наводнили край и обложили его тяжкой контрибуціей; но еще страшнѣе для шляхты были крестьянскіе бунты и гайдамацкія купы, организовавшіяся для дѣла разрушенія подъ прикрытіемъ союзныхъ войскъ. Начальники послѣднихъ именовали ихъ „нерегулярнымъ войскомъ“ или „волонтерами“; собственные главари—„козацкой дружиной“, „вольными козаками“; земляне—самое мягкое, если разбойниками. Справедливо заявилъ одинъ изъ депутатовъ на сеймикѣ 1735 г. въ Брацлавѣ, что „не союзныя войска грабили насъ, но гультяи, въ коихъ нѣтъ недостатка въ здѣшнемъ краѣ“ (Арх. ю.-з. Р., III, 3, стр. 170). Благоразумнѣйшіе изъ помѣщиковъ искали убѣжища отъ крестьянскихъ волненій въ другихъ областяхъ. Уводъ „филипоновъ“ съ женами, дѣтьми и имуществомъ изъ предѣловъ Польши въ Россію, особливо же изъ Брацлавщины, печально отразился на экономическомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что иногда при этомъ угоняли и простыхъ крестьянъ (ib., стр. 178); рабочей силы не хватало, а между тѣмъ нужно было платить налоги подъ угрозой грабежа, иногда и смерти. Особенно дала себя почувствовать гайдамачина въ 1734 г. Въ Брацлавщинѣ убито до 90 землянъ и разграблено имущества на нѣсколько миллъоновъ злотыхъ (ib., 183). Между гайдамацкими купами произошло раздѣленіе по спеціальностямъ: однѣ занимались костелами и церквями, другія—сельскими помѣщиками, тѣ—евреями; были, наконецъ, особенные любители старинныхъ бумагъ и актовъ разнаго рода; лишь случайно удалось спасти часть брацлавскихъ книгъ въ Люблинъ (ib., стр. 123 и 172); особенно отличался въ этомъ отношеніи полковникъ Грива, наказный атаманъ. На ряду съ гайдамаками болѣе всего

свирѣпствовали волошскія хоругви, состоявшія на жалованьи у Любомирскихъ. Валахи выгубили много шляхты и простаго народа. Они отличались кровожадностью и трусостью. Захваченные на мѣстѣ преступленія, готовы были на все, лишь бы спастись отъ смерти. Видъ кола и висѣлицы приводилъ ихъ въ безуміе— ибо пощады не было.

Винница опустѣла, такъ какъ шляхта разбѣжалась въ сосѣднія воеводства. Въ 1734 г. 1 іюля изданъ былъ ландграфомъ гессенскимъ Людовикомъ извѣстный манифестъ, обѣщающій защиту приверженцамъ Августа III, но некому было заняться этимъ вопросомъ въ Брацлавщинѣ. Ярошинскій удалился въ Олизарово на Волыни, но по просьбѣ шляхты 80-лѣтній старецъ явился въ 1735 г. въ Винницу. Собранная шляхта, дѣлать нечего, высказалась за *patrem patriae* Августа III (ibid., стр. 79), о чемъ, конечно, былъ увѣдомленъ генералъ Вейсбахъ; въ мартѣ новый сеймикъ подъ предсѣдательствомъ Стан. Шандыровскаго, стольника закрочимскаго; выбраны послы къ королю, назначены военныя и судебныя коммиссіи для урегулированія войсковыхъ порядковъ и разбора гайдамацкихъ дѣлъ; опредѣлено выдать пособія наиболѣе пострадавшимъ шляхтичамъ. Работы было вдоволь. Тѣмъ не менѣе третій сеймикъ, назначенный на 15 августа того же года былъ сорванъ, такъ что пришлось назначить еще четвертый черезъ двѣ недѣли. Здѣсь самымъ подробнымъ образомъ были обсуждены нужды края, а Ярошинскій, съ сентября мѣсяца носившій уже титулъ брацлавскаго подкоморія, былъ избранъ въ послы къ королю. Въ столицѣ принятъ онъ былъ съ великимъ почетомъ. Шла рѣчь о сенаторствѣ, о каштелянствѣ, но старецъ на все махнулъ рукой: онъ уже стоялъ одной ногой въ гробу; просилъ только, чтобы не забыли сыновей. На сеймѣ его выбрали однако коммиссаромъ по разграниченію кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ (Volum. leg., VI, 324), а по возвращеніи онъ былъ назначенъ податнымъ коммиссаромъ вмѣстѣ съ Ржевускимъ и Михаиломъ Калетынскимъ, хорунжимъ брацлавскимъ (Арх. ю.-з. Р., III, 3, стр. 323).

Но Ярошинскому не удалось сойти въ могилу спокойно; бѣда обрушилась на него, когда онъ менѣе всего могъ ожидать

этого. Дѣло въ томъ, что его враги и недоброжелатели начали распускать слухи, оскорбительные для его чести. Слухи дошли до младшаго сына пана Павла, Захаріи. Молва гласила, что отецъ послѣдняго „обращалъ подати, взимаемыя съ воеводства, *in augmentum* собственнаго кармана". Захарія потребовалъ авторовъ слуховъ къ суду: то были Михаилъ Грохольскій, Мощынскій и Вирскій, подчашій, скарбникъ и писарь брацлавскіе. Предварительно суда Ярошинскій далъ объясненіе шляхтѣ на винницкомъ сеймикѣ 1736 г. Разумѣется, шляхта съ негодованіемъ отвергла позорящую клевету. Тѣмъ не менѣе панъ Павелъ просилъ назначить коммиссію для разборки его отчетовъ и оправдательныхъ документовъ. Въ 1737 году, 5 февраля, собралась шляхта въ Винницѣ, чтобы выслушать объясненія противниковъ Ярошинскаго, но они не явились. Разумѣется, они были объявлены клеветниками, а Ярошинскому предоставлено право отыскивать свою обиду судомъ. Любопытно, что этотъ утѣшительный для старика актъ подписанъ въ числѣ другихъ братьями Жалинскими и Александромъ Мысловскимъ.

Ярошинскій не продолжалъ процесса, такъ какъ его главный противникъ Грохольскій попалъ также въ бѣду--его обвинили въ вымогательствѣ и грабежахъ, совершенныхъ яко бы въ 1735—1737 гг., когда онъ былъ региментаремъ украинской партіи и, слѣдовательно, несъ отвѣтственность за безопасность всего воеводства; недостатокъ средствъ для поддержанія войскъ заставилъ его рѣшиться на рискованные поступки, какъ напр. наѣзды въ предѣлы кіевскаго воеводства и взиманіе тамъ настоящихъ контрибуцій съ христіанъ и евреевъ. Шляхта не легко прощала подобные проступки, если они задѣвали ея карманъ. Что касается Ярошинскихъ, то процессъ ихъ съ Грохольскимъ окончился только въ 1748 г. полюбовнымъ соглашеніемъ.

Представленные Ярошинскимъ въ свое оправданіе документы даютъ нѣсколько интересныхъ цифръ для характеристики современнаго положенія края. Приведемъ данныя для одного лишь 1717 г., такъ какъ всѣ онѣ однообразны. На обязанности коммиссаровъ лежало взимать подымное, чоповое, котловое и шеляжное; но край былъ разоренъ и дымовъ было мало. Котловое

не дало ни гроша, такъ какъ винокурни стояли впустѣ; съ чоповымъ также было плохо, ибо продажа спиртныхъ напитковъ находилась въ полномъ упадкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1717 г. подымное дало всего 2676 зл. и 16 гр., чоповое и шляхетное—348 зл. Подымнаго болѣе всего внесло мѣстечко Вербичъ иначе Новый Грановъ (203 зл.), затѣмъ идетъ „ключъ Ягорлыцкій *cum atinensis*“ (180 зл.), „Немировщина и Бершадщина“ (141 зл.—слѣдуетъ помнить, что сюда входило до ста поселеній), мѣст. Мизяковъ (93 зл.), и т. д. Многія поселенія, хотя и внесенныя въ тарифъ, ничего не дали, такъ какъ стояли впустѣ; таковы были: Симаки (въ браиловскомъ ключѣ), Пораевка, Кутыще, Покутынци, Салиха, Витова, с. Чечельникъ, м. Торковича (Тарговица), Билоусовка, Торкановка, Кропивна вел. и мал., Станиславовъ и мн. др.; были также исчезнувшія или забытыя поселенія, такъ что никто не могъ указать даже прежняго селища; такъ, коммиссаръ не могъ узнать, гдѣ прежде стояла Змирынка (нынѣ Жмеринка). Такимъ образомъ годовой доходъ равнялся 3024 зл. 14 гр. и шелъ почти цѣликомъ на содержаніе хоругви (2900 зл.). Кромѣ этого постояннаго расхода были и случайные, платежи коммиссаромъ, депутатамъ, посланникамъ и т. д. О помощи монастырямъ не могло быть и рѣчи; долги переносились изъ года въ годъ. Между тѣмъ въ 1742 г., въ болѣе спокойное время, подымное, котловое, чоповое и шляхетное приносило уже 16,808 зл. Изъ нихъ на содержаніе хоругви надворнаго коронного хорунжаго ассигновалось 5400 зл. 26 гр., а депутату отъ хоругви „донативы“ 200 зл. „Съ 1737 г. начинается еще новый расходъ на почту, соединявшую Винницу съ Радомомъ. Содержаніе ея стоило сперва 500 зл., а съ 1739 г.—800 зл. Во главѣ учрежденія стоялъ такъ наз. секретарь почты. Между другими, секретари почты изъ рода Котовичей снабжали сосѣднихъ землянъ рукописными газетами, которыя и теперь можно еще встрѣтить въ частныхъ архивахъ. Сюда заносились разныя новости изъ столицы, воеводства и зап. Европы. Бумага была хорошая, письмо каллиграфическое. Но возвратимся къ Ярошинскимъ.

До послѣднихъ дней жизни панъ Павелъ не отказывался отъ общественной службы: онъ импонировалъ современникамъ

своей энергіей и твердостью. Скончался онъ скоропостижно въ февралѣ 1739 года. Смерть его была событіемъ для края. На погребеніе его собралась въ Луцкъ почти вся шляхта двухъ сосѣднихъ воеводствъ. Жена пережила подкоморія только на нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ пятидесяти слишкомъ лѣтъ супружества.

Изъ трехъ сыновей п. Павла, средній, Адамъ, умеръ еще при жизни родителей. Осталось двое: старшій, Августинъ, любимецъ отца, и младшій, Захарія, любимецъ матери. Оба они воспитывались по обычаю, у оо. іезуитовъ въ Острогѣ, а затѣмъ подъ руководствомъ подкоморія. Спокойный и мирный человѣкъ былъ этотъ Августинъ. Онъ не имѣлъ никакой склонности къ общественнымъ дѣламъ, и если принималъ въ нихъ участіе, то развѣ по настояніямъ отца. Между прочимъ, въ 1736 г. онъ былъ избранъ пограничнымъ судьей. На обязанности такихъ судей лежало уничтоженіе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ хуторовъ и постовъ, выдвинутыхъ въ степь къ югу, такъ какъ ихъ считали за гнѣзда, гдѣ прятались гайдамаки (Vol. leg., VI, 324). Не нравилось подобное занятіе пану Августину, онъ всячески отговаривался, но долженъ былъ подчиниться шляхтѣ, которая этимъ выборомъ думала уравновѣсить склонность къ насилію другого судьи, п. Петра Судимонтовича Чечеля: послѣдній не мало пролилъ крови, выполняя эту службу (Арх. ю. з. Р., III, 3, стр. 223). Спокойствіе было для п. Августина дороже всего, а быть можетъ, онъ не вѣрилъ въ удачное разрѣшеніе вопросовъ, стоявшихъ тогда на очереди. Единственною его страстью была псовая охота.

По смерти родителей братья тотчасъ приступили къ раздѣлу отцовскаго имущества. Августину достались частью заложенныя, частью собственныя имѣнія покойнаго: часть Василевки, Видавы, Шершни и Сутиска, часть Тыврова и Звоничка, Куны, Иваньковцы въ Брацлавщинѣ, ключъ добротынскій на Волыни и верхогородское имѣніе въ Кіевщинѣ. Захарій получилъ менѣе имѣній, но они были въ лучшемъ положеніи и большею частью принадлежали ему на правѣ полной собственности: Олизаровъ, Подлисцы, Городенка и Лукьяновъ на Волыни, аренда въ острожскомъ имѣніи, гипотека на Глибочку. Такимъ образомъ, всѣ

имѣнія покойнаго представляли собою цѣнность до полумилльона злотыхъ.

Панъ Августинъ велъ хозяйство въ Василевкѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Михаила Калетынскаго, владѣвшаго Тывровомъ на залоговомъ правѣ. Недоразумѣнія были неизбѣжны, несмотря на миролюбіе п. Августина: п. Михаилъ безпрестанно производилъ захваты земель, врубался въ чужіе лѣса. П. Августинъ, изъ деликатности, смотрѣлъ на все сквозь пальцы и даже не требовалъ третьей части Тыврова, принадлежавшей ему также на залоговомъ правѣ: онъ боялся хлопотъ, связанныхъ съ процессомъ о раздѣлѣ. Въ 1747 г. панъ Августинъ скончался бездѣтнымъ, и всѣ имѣнія Ярошинскихъ соединились въ рукахъ его брата, Захаріи.

Н. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СУДЬБА ПРОСВѢТИТЕЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ КІЕВА.

Недавнее постановленіе кіевской городской думы, касающееся кіевской публичной библіотеки и клонящееся къ ея упраздненію, удивительное со всѣхъ точекъ зрѣнія, не можетъ быть оставлено безъ отмѣтки и вниманія нашимъ журналомъ, какъ органомъ, посвященнымъ исторической жизни края. Едва ли самые отважные изъ кіевскихъ думцевъ рѣшатся отрицать, что исторія просвѣщенія есть существеннѣйшая часть общей исторіи и никакими доводами не въ состояніи будутъ они также отвергнуть связь, существующую между просвѣщеніемъ и просвѣтительными учрежденіями, однимъ изъ представителей которыхъ въ бѣдномъ ими Кіевѣ служитъ злополучная публичная библіотека.

Существованіе ея дума постановленіемъ своимъ признала почти лишнимъ. Вниманіемъ и сочувствіемъ нашихъ городскихъ эдиловъ несравненно больше пользуются мелочи городскаго хозяйства, вообще, впрочемъ, очень незавиднаго. Неловко иногда обращаться къ азбучнымъ истинамъ, но нѣкоторыя изъ этихъ истинъ, повидимому, совершенно забыты въ стѣнахъ думы и мы позволимъ себѣ напомнить ихъ, прося извиненія у нашихъ обычныхъ читателей.

Приходится говорить о пользѣ науки, о значеніи книжныхъ собраній, о значеніи книгопечатанія! И опытныя и умозрительныя науки, обогащающія насъ знаніями, помогающія намъ вести борьбу съ природой и расширяющія нашъ умственный горизонтъ, одинаково невозможны и немыслимы безъ пособія письменности и ея совершеннѣйшаго выраженія—книги. Только съ возникно-

веніемъ письменности у народностей, самыхъ одаренныхъ, начинается умственный ростъ, только съ этимъ закрѣпленіемъ и регистраціей умственныхъ пріобрѣтеній дѣло знанія становится на твердую почву. Значеніе книги въ томъ, что она сохраняетъ и дѣлаетъ доступнымъ всякому то, что въ области знанія или воображенія завоевано уже человѣчествомъ, и что смѣняющіеся людскія поколѣнія не должны начинать научный опытъ и наблюденія каждое съизнова, а имѣютъ возможность отправляться отъ готовой уже суммы знаній, съ тѣмъ чтобы идти впередъ, по мѣрѣ способностей своихъ и охоты. Вотъ почему во всемъ просвѣщенномъ мірѣ общественныя библіотеки, научныя собранія, историческіе и художественные музеи признаются самыми драгоцѣнными и благородными сокровищами, развитіе которыхъ даетъ право на почетное мѣсто въ человѣческой семьѣ. Ихъ не могутъ замѣнить образовательныя заведенія и школы и вездѣ они существуютъ параллельно съ ними, такъ какъ назначеніе ихъ служить не тому или иному возрасту или классу общества, но *всякому* гражданину, обществу данной мѣстности во всей его массѣ, организованному въ ту или иную форму общежитія. Въ данномъ случаѣ форма эта—городъ и если онъ, какъ нашъ Кіевъ, по цифрѣ населенія, средствамъ, прошедшей своей исторіи имѣетъ право на названіе значительнаго центра, если онъ не равнодушенъ къ своей будущности и своей чести, то забота о просвѣтительныхъ учрежденіяхъ въ немъ должна быть одною изъ главныхъ у вѣдающихъ дѣла его выборныхъ людей.

Поразительно и больно говорить это представителямъ города, бывшаго колыбелью русскаго просвѣщенія, города откуда вышли первые памятники нашей письменности, гдѣ возникло начало христіанства и законодательства, города, служившаго до XVIII вѣка умственнымъ центромъ, откуда просвѣщеніе распространялось на далекій сѣверъ, гдѣ прошла дѣятельность Ярослава Мудраго, Петра Могилы и цѣлой плеяды ученыхъ, числящей въ рядахъ своихъ такихъ людей, какъ митрополитъ Евгеній, Максимовичъ, Пироговъ и много другихъ. Знаютъ ли думцы, что лѣтопись засвидѣтельствовала о существованіи библіотеки въ Кіевѣ въ XI вѣкѣ? Варвары библіотеку эту уничтожили. Ана-

логія напрашивается сама собой, но не будемъ ее доказывать.

Въ составѣ думы могутъ быть лица, которымъ доводы наши могутъ показаться неубѣдительными и идеалистическими. Рекомендуемъ этимъ практикамъ прочесть въ такомъ случаѣ второй параграфъ городоваго положенія, какъ нѣчто обязательное и для нихъ.

Не будемъ приводить въ примѣръ европейскіе порядки, обиліе и доступность книгохранилищъ, музеевъ, отъ извѣстныхъ, міровыхъ, до скромныхъ музеевъ маленькихъ городковъ, всѣмъ доступныхъ и для всѣхъ открытыхъ. Это западные порядки, можетъ быть, не пригодные во всемъ для насъ. Можетъ быть, кіевская невѣжественная косность есть общій нашъ порокъ, которому поэтому по силѣ вещей должны подчиниться мы? Ничуть не бывало. Польза просвѣтительныхъ учрежденій, не въ той степени, можетъ быть, какъ слѣдовало бы, но все же сознается въ громадномъ большинствѣ русскихъ центровъ. Всѣ значительные города имперіи, за исключеніемъ одного Кіева, имѣютъ городскія библіотеки и музеи. Обзаводятся ими и многіе изъ городовъ губернскихъ и даже уѣздныхъ.

Молодая Одесса владѣетъ библіотекою и музеемъ, съ особымъ зданіемъ и особымъ бюджетомъ для того и другого. Не довольствуясь нынѣшнимъ изящнымъ помѣщеніемъ, одесская библіотека обзаводится теперь, благодаря просвѣщенной щедрости городскаго головы г. Маразли, новымъ, пріобрѣтая для этой цѣли роскошный домъ Нарышкиныхъ. Харьковъ имѣетъ художественный музей и библіотеку, приведенную нынѣ въ прекрасный порядокъ. Въ Саратовѣ основанъ и процвѣтаетъ музей имени Радищева, куда стекаются приношенія и правительства, и частныхъ лицъ. Небольшая Тверь обладаетъ образцово-устроеннымъ историческимъ музеемъ, такимъ же обзаводится теперь и Екатеринославъ, положивъ въ основаніе завѣщанное ему собраніе г. Поля. Дѣло музея обезпечено и въ Каменецъ-Подольскѣ. Счастливая Казань обзаведется роскошной библіотекой, на которую, идя на встрѣчу городскому управленію, одна изъ мѣстныхъ жительницъ, г-жа Александрова, пожертвовала недавно полмил-

ліона. Севастополь, Ростовъ-Ярославскій и полночный Минусинскъ имѣютъ музеи. Архивныя коммиссіи, лишенныя того спеціальнаго характера, который имѣетъ коммиссія кіевская, возникли во множествѣ мѣстъ. Общественныя библіотеки, лучше или хуже обставленныя, существуютъ во многихъ городахъ. Даже маленькая Полтава завела нѣчто въ родѣ археологическаго собранія при семинаріи. У нѣсколькихъ частныхъ лицъ на югѣ извѣстны музеи древностей или предметовъ искусствъ, существованіе которыхъ въ значительной степени объясняется отсутствіемъ музея центральнаго, общественнаго. Таковы частныя собранія гг. Алексѣева, гр. Бобринскаго, Тарновскаго, Терещенка, г-жи Скаржинской. Какъ многочисленныя частныя библіотеки, какъ всякая частная собственность, они не могутъ здѣсь идти въ счетъ, но служатъ показателями назрѣвшей въ обществѣ потребности, для удовлетворенія которой частныя лица жертвуютъ своими исключительными средствами. Кіевъ, если вѣрить его представителямъ, потребности въ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ не чувствуетъ. О музеѣ нѣтъ и рѣчи, а общественную библіотеку, кое-какъ возникшую и существующую, городское управленіе знать не хочетъ.

Кіевская дума, ворочающая большими суммами, считаетъ можетъ быть библіотеку въ настоящемъ ея видѣ, слишкомъ незначительною для своего вниманія? Отъ города зависитъ умножить и расширить ее, а бѣдность библіотеки служитъ укоромъ тому же городскому управленію. Исторія библіотеки извѣстна и разсказана была уже въ „Кіевской Старинѣ" (1888 г., № 8). Возникшая по иниціативѣ правительства, съ небольшой его субсидіей и съ помощью дворянства, библіотека просуществовала двадцать пять лѣтъ. Теперь дворянство лишаетъ ее своей помощи, на одну казенную субсидію библіотека существовать не можетъ, а городъ считаетъ лишнимъ брать ее въ свое вѣдѣніе. Какъ ни скромна эта библіотека, она представляетъ уже нѣчто, что, при поддержкѣ и развитіи, могло бы уже имѣть положительное значеніе. Въ ней около 15 тысячъ томовъ, между которыми есть вещи и цѣнныя и рѣдкія. Характерно, что болѣе третьей части книгъ пожертвовано въ библіотеку частными лицами. Особенно замѣчательно пожертвованіе бывшаго кіевскаго книго-

продавца Е. Я. Ѳедорова—до пяти тысячъ книгъ, составляющія непроданную часть купленной имъ когда то извѣстной библіотеки министра Д. П. Трощинскаго. Изъ болѣе крупныхъ пожертвованій назовемъ еще вклады гг. Племянникова (до 100 томовъ по словесности и юридическихъ), А. М. Лазаревскаго, архимандрита Бориса, С. И. Пономарева, В. В. Тарновскаго, В. П. Горленка (до 400 томовъ старинныхъ журналовъ и книгъ), гр. Г. А. Милорадовича, Ѳ. Г. Лебединцева, г-жи Алчевской и многихъ авторовъ, какъ профессоровъ А. В. Романовича-Словатинскаго, В. А. Караваева, А. Я. Антоновича, Н. И. Петрова, А. В. Ходина, С. Т. Голубева, Козлова, гг. П. И. Житецкаго, Д. Л. Мордовцева, І. І. Ясинскаго и другихъ—всего до 150 лицъ. Изданіями своими снабжали библіотеку также многія казенныя ученыя и общественныя учрежденія и общества. Всѣ эти жертвователи, по смыслу постановленія думы, должны ждать теперь уничтоженія данныхъ ими книгъ, какъ никому ненужнаго хлама.

Принятіе и обезпеченіе библіотеки, расширеніе ея и правильная организація должны, безъ сомнѣнія, стать нравственною обязанностью кіевскаго городскаго управленія. Но сдѣлавши это, дума сдѣлаетъ только половину дѣла. Въ Кіевѣ, „матери городовъ русскихъ", необходимо долженъ возникнуть историческій музей и починъ въ его обезпеченіи долженъ взять городъ. Правительство, безъ сомнѣнія, придетъ на помощь разнообразными своими рессурсами въ дѣлѣ столь большой важности и съ увѣренностью можно сказать также, что въ составленіи музея приметъ широкое участіе и общество. Какъ много отдѣльныхъ предметовъ разсѣяно по частнымъ рукамъ разныхъ владѣльцевъ, безъ цѣли, безъ той пользы и значенія, которую могли бы эти вещи принять въ систематическомъ, общественномъ собраніи. Дѣла музея и библіотеки могли бы идти параллельно, подобно тому какъ устроено это въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, гдѣ одинъ и тотъ же пашковскій дворецъ пріютилъ и книжныя собранія, и предметы искусства. Историческій музей долженъ бы совмѣщать въ себѣ все, что характеризуетъ жизнь кіевской земли и сопредѣльныхъ областей, какъ въ загадочныя отдаленныя эпохи, такъ и на всемъ протяженіи исторически извѣстнаго существо-

ванія края. Художественный отдѣлъ, на который существуетъ также столь большая потребность, по мѣрѣ силъ своихъ изображалъ бы всю область искусства. Само собою разумѣется, что думѣ и гласнымъ, какъ представителямъ города, вмѣняется въ обязанность только признаніе необходимости музея и матеріальная его поддержка. Организація его—дѣло властей въ смыслѣ устава и контроля и спеціалистовъ—въ смыслѣ собранія, устройства и порядковъ. Дума, составленная въ большинствѣ изъ людей будничной практики и капитала, не должна и не можетъ вѣдать учрежденіями, требующими спеціальныхъ знаній и подготовки, хотя и берется за это.

Нѣтъ надобности чертить теперь программу желаемаго кіевскаго историческаго музея. Сферой его долженъ быть Кіевъ, кіевская область и южно-русскій край. Все, что возникало и жило въ немъ великаго, творческаго, самобытнаго, все что оставило такой или иной замѣтный слѣдъ въ его бытіи и сохранилось въ вещественныхъ памятникахъ—все это должно быть присуще ему. Если бы не наши храмы, у насъ не было бы теперь ничего напоминающаго даже многовѣковую, былую жизнь. Въ послѣдніе годы кое-что спасено было почтеннымъ музеемъ церковно-археологическаго общества. Но даже изъ храмовъ одна св. Софія сохраняется незыблемо въ своемъ историческомъ величіи и путемъ глубокихъ научныхъ изученій ея настоятеля обнаруживаетъ еще даже время отъ времени скрытые доселѣ остатки своей старины. Очень почтенны и вполнѣ научны работы по реставраціи Кирилловскаго монастыря, прекрасно исполненныя подъ руководствомъ проф. Прахова.

Въ семьѣ русскихъ городовъ Кіевъ, по прошлому своему, по своей „родовитости" занимаетъ первое мѣсто и казалось бы, въ дѣлѣ историческаго собранія долженъ идти во главѣ и указывать путь другимъ...

Документы, извѣстія и замѣтки.

Польскіе рисунки на украинскія темы. Предъ нами большой альбомъ, собранный однимъ любителемъ, гдѣ на листахъ цвѣтного бристоля наклеены рисунки, большіе и малые, вырѣзанные изъ польскихъ иллюстрированныхъ еженедѣльниковъ,—Kłos'овъ, Tygodnik'a Illustrowan'aго, Tygodnika Powszechn'aго и отдѣльныя литографіи,—изображающіе памятники, виды, типы и сцены изъ жизни правобережной Украины и Галиціи. Рисунки взяты случайно, какъ попадались подъ руку собирателю, по большей части изъ отдѣльныхъ номеровъ упомянутыхъ иллюстрацій за разные годы; но эта самая случайность выбора говоритъ за ихъ обиліе въ иллюстрированныхъ польскихъ изданіяхъ. Дѣйствительно, они составляютъ ихъ постоянную принадлежность и среди польскихъ живописцевъ есть группа, разрабатывающая спеціально украинскіе сюжеты, такъ точно, какъ такая группа существуетъ среди польскихъ писателей.

Перелистывая альбомъ, мы встрѣчаемъ прежде всего серію литографированныхъ видовъ изъ губерній, кіевской, волынской и подольской, рисованныхъ Наполеономъ Ордой и изданныхъ въ Варшавѣ въ семидесятыхъ годахъ. Десять литографій нашего альбома составляютъ только малую часть труда Н. Орды. Всѣхъ видовъ, въ двухъ серіяхъ, издано было имъ восемдесятъ, а снято съ натуры около трехсотъ. Наши виды изображаютъ развалины замковъ (Корецъ, Губковъ, Острогъ), зданія костеловъ (Бердичевъ, Бѣлополье), помѣщичьи палацы и парки (Новомалинъ, Антонины, Погребище, Александрія). Историческія развалины кажется особенно привлекали вниманіе рисовальщика, вмѣстѣ съ панскими дворцами. То и другое передается имъ довольно мило, въ свойственныхъ литографіи съ камня мягкихъ тонахъ. Судьба этого трудолюбиваго рисовальщика была довольно бурная. Родился онъ въ гродненской губерніи въ 1807 году, въ

1831 удалился за границу, въ Парижъ, изучалъ музыку съ Шопеномъ, давалъ уроки игры на фортепьяно, въ концѣ сороковыхъ годовъ управлялъ въ Парижѣ итальянской оперой. Вернулся на родину въ 1856 году, открылъ мастерскую земледѣльческихъ машинъ и орудій, а на старости былъ опять учителемъ музыки въ домѣ гр. Ржевускихъ. Въ эти то годы онъ и задумалъ свой альбомъ, «разъѣзжая, по словамъ его біографа, на телѣгѣ, втеченіе трехъ лѣтъ, отъ руины до могилы и отъ могилы до руины и жадно заносся карандашомъ на бумагу все, что заслуживаетъ сохраниться въ памяти потомства». По поводу изданья этого альбома, Крашевскій писалъ Ордѣ: «Собранье этихъ видовъ въ своемъ родѣ единственное. Не знаю удавалось ли когда нибудь частному человѣку сдѣлать одному что нибудь подобное. Мы наслаждались ими тутъ съ пріятелями, припоминая родныя мѣста». Оставляя въ сторонѣ нѣкоторую долю преувеличенія въ этихъ похвалахъ, рисунки Орды слѣдуетъ признать все таки интересными. Напомнимъ, что въ этомъ же родѣ существуетъ коллекція литографированныхъ видовъ Кіева, изданная Бартошевичемъ въ 60-хъ годахъ.

Виды мѣстностей изобильно попадаются и въ польскихъ иллюстраціяхъ, то снятые съ фотографій, то набросанные художниками. Послѣдніе всегда лучше, несмотря на ту обычную порчу, которую вноситъ въ рисунокъ посредственная гравюра иллюстрированныхъ журналовъ. Въ нашихъ рисункахъ послѣдовательно проходятъ Жолкевъ, Кременецъ, Бѣлая Церковь, развалины Галича и Теребовля, Нискеничи, Перемышль и проч. и проч., сопровождаемыя небольшими статейками, написанными изрѣдка и авторитетными учеными, какъ напр. Э. Руликовскимъ. Въ добавленіе къ тѣмъ крохамъ, которыя извѣстны доселѣ по старо-украинской церковной архитектурѣ, отмѣтимъ здѣсь три интересныхъ рисунка: Церковь св. Николая, гдѣ то въ Галиціи, недалеко отъ Львова (Kłosy, 1874, № 446), деревянная украинская церковь, рисунокъ Пшежеховскаго, безъ означенья мѣстности, но со всѣми признаками рисовки съ натуры, (Tygodnik Illustrowany, 1869, № 56) и виды старинныхъ церквей въ Перемышлѣ и Стрыѣ (рисунки Брохоцкаго въ Kłos'ахъ).

Типы и народныя сцены представлены въ рисункахъ Лося, Косака, Масловскаго, Дмоховскаго, Пьонтковскаго, Вольскаго, Родановскаго, упомянутаго уже Пшежеховскаго и другихъ. Рисунки послѣдняго, посредственные по исполненію, отличаются чувствомъ правды. Цѣлая серія набросковъ къ статьѣ «отъ Случи до Буга» рисована

художникомъ Замараевымъ. Въ общемъ всѣ эти сцены и типы, не представляя ничего выдающагося, недурно передаютъ физіономію и характеръ нашего юго-западнаго края.

Въ композиціяхъ встрѣчаются нѣкоторые изъ перечисленныхъ уже художниковъ, но выдаются работы Хельмонскаго, Масловскаго и Брандта. Масловскій рисуетъ и сцены, и типы, и мѣстности. Брандту очень удаются типы стараго козачества, козацкіе кони, сторожевые пикеты, козацкія засады въ плавняхъ и т. п. Какъ изобразитель вещей этого рода, онъ рѣшительно не имѣетъ никого, кто могъ бы поспорить съ нимъ изъ дѣйствующихъ нынѣ художниковъ русскихъ. Хельмонскій—лауреатъ послѣдней всемірной парижской выставки, гдѣ онъ получилъ первую золотую медаль въ русскомъ отдѣлѣ. Изъ рисунковъ нашего альбома намъ особенно нравится его «Украинская четверка».

По бѣлой, зимней полянѣ, взметая снѣжную пыль, бодрая четверка коней мчитъ сани, съ двумя сѣдоками—панами, молодымъ и старымъ, оживленно разговаривающими. Добровольная спутница—собака бѣжитъ возлѣ саней; село съ церковью и съ теплымъ домомъ показывается вдали, въ свѣтѣ сѣраго, зимняго дня. Все здѣсь талантливо и типично, отъ общаго настроенія картинки, до фигуры кучера, широкаго въ плечахъ и тонкаго въ станѣ, по украинскому типу, лихо заломившему на бокъ свою волынскую шапочку и свистящему по своей четверкѣ бичемъ.

Большой рисунокъ знаменитаго Матейки «Лирникъ» слишкомъ бьетъ на ходульную мелодраму. Убогій народный пѣвецъ представленъ въ моментъ какого то пророческаго изступленія и вдобавокъ, зрячимъ. Невольно напрашивается параллель и вспоминается та фальшь, въ которую впалъ другой великій польскій талантъ—Сенкевичъ, когда коснулся украинской жизни и исторіи съ предвзятою мыслію.

Если ко всему сказанному нуженъ выводъ, то онъ будетъ тотъ, что польскіе художники и иллюстраціи больше отводятъ вниманія югу и его изученію, чѣмъ художники русскіе и что иллюстрированныя варшавскія изданія даютъ по этой части матеріалъ, который никакъ не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія, такъ какъ въ немъ найдется кое что и по части мотивовъ и по части воспроизведенія натуры, что не можетъ не интересовать и ученаго, и художника.

В. Г.

Келейный лѣчебникъ преосвященнаго Варлаама Линицкаго. Варлаамъ Линицкій, родомъ малороссіянинъ, съ 1816 г., въ санѣ игумена, былъ настоятелемъ кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго монастыря, которымъ управлялъ до 1719 г. Въ этомъ году мая 31-го хиротонисанъ въ епископа суздальскаго, 18-го іюня 1724 г. переведенъ въ Коломну, 7 сентября 1727 г. въ Астрахань. Въ 1730 году сдѣланъ викаріемъ кіевскаго митрополита—епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ. Въ 1732 г. назначенъ въ Псковъ; 10 августа того же года пожалованъ въ архіепископы, 9 января 1739 г. уволенъ на покой въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ и скончался.

При описаніи богатаго собранія рукописей покойнаго графа А. С. Уварова, нашлась въ немъ рукопись, принадлежавщая пр-му Варлааму; его келейный *лѣчебникъ* съ надписью: «сия книга дана подканцеляристу Іову Никифорову отъ преосвященнаго Варлаама бывшаго іюня 14-го 1739 года» (слѣд. когда онъ уже былъ на покоѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ).

Рукопись въ четверть, полууставъ, нач. XVIII вѣка, 36 листовъ.

Л. 1. Содержаніе лѣчебника: оглавленіе по алфавиту (начальныхъ листовъ не достаетъ).

Л. 6. Лѣкарства, кои содержатся въ шкатулкѣ лѣкарственной суть слѣдующія: микстура симплексъ... Всѣхъ лѣкарствъ описано 53 №

На листѣ 22-мъ приписка скорописью: «бываетъ у кого очи болятъ» (лѣкарства).

Л. 23. Ѡбтека домовая большая. Апоплексія немощь или родимецъ.

Нач. Апоплексія немощь зѣло тяжка и престрашна... Слѣдуетъ описаніе болѣзней и ихъ лѣченія.

Пр. Кромѣ вышеупомянутой скорописной приписки на л. 22, есть еще *два* рецепта въ концѣ рукописи.

Въ архивахъ Кіево-Печерской лавры и Михайловскаго Златоверхаго монастыря, вѣроятно, найдутся слѣды пребыванія и дѣятельности пр-го Варлаама Линицкаго, а пока остается довольствоваться и тѣмъ, что встрѣтилось случайно.

А. Леонидъ.

Замѣтка о Купальскомъ праздникѣ въ уманскомъ уѣздѣ. Величественный славянскій праздникъ Купала съ вечерними кострами, съ обрядовымъ прыганьемъ черезъ огонь, со скатываньемъ зажженнаго

колеса въ рѣку, съ хороводами и пѣснями все болѣе и болѣе приходитъ въ забвеніе. Костровъ ужъ не зажигаютъ (мои наблюденія ограничиваются уманскимъ уѣздомъ кіевской губ.), потому что, какъ выражаются *дивчата*, ходитъ *сотскій*, *розганяе и бье кіемъ* собравшихся *на купайлыцю*. Духовная власть также запрещаетъ купальскіе хороводы, потому что *они бѣса веселятъ*.

Теперь обрядность, сопровождающая праздникъ Ивана-Купайла, находится на той степени забвенія, когда она цѣликомъ почти сохраняется только дѣтьми, которымъ никто не запрещаетъ пѣть пѣсни и свивать вѣнки; взрослые же уклоняются отъ празднованія подъ тѣхъ предлогомъ, что это, дѣйствительно, значитъ дьявола веселить [1]). Дѣвочки же подростки не только 24 іюня, въ день празднованія Іоанна Крестителя, но и цѣлое лѣто въ саду, на вишняхъ, распѣваютъ характерныя купальскія пѣсни.

Когда стемнѣетъ 24-го іюня, маленькія дѣвочки раньше, а взрослыя позже выходятъ на *купайлыцю*, на пригорокъ, на *степокъ* (площадь), устанавливаютъ *гильце*, покрываютъ его вѣнками, садятся или становятся вокругъ и начинаютъ пѣть пѣсни. Гильце—это вѣтка или верхъ изъ вербы, вишни или сливы. Если не родятъ вишни или сливы, то срѣзываютъ верхъ этого дерева и даютъ дѣтямъ на купайлыцю. Все гильце перевивается (квичаеця) вѣнками и *квитками*. Вѣнки дѣлаются изъ слѣдующихъ цвѣтовъ: *повняковъ*, барвинку, васильковъ, *сокирокъ*, *нагидокъ* (*пагнистсковъ*, ноготковъ), *пыжма*, волошекъ, *вареничковъ*. *Квитки* большею частью дѣлаются изъ ягодъ вишень и черешень. Подобными же вѣнками украшаютъ дѣвушки и свои головы. Эти вѣнки потомъ бросаютъ въ огурцы, въ *кабаки* (тыквы) и вообще на баштаны, чтобы *гудыня* лучше вязалось.

Пѣсни купальскія поются особеннымъ, своеобразнымъ напѣвомъ, однообразнымъ, протяжнымъ и, если можно такъ выразиться, архаическимъ. Въ этомъ пѣніи такъ и слышатся жреческія пѣсни вокругъ языческихъ жертвенниковъ. Обрядность, которая совершается на праздникѣ Купайла, еще до нѣкоторой степени сохраняетъ миѳическую окраску, за то пѣсни, по крайней мѣрѣ, тѣ, которыя поются теперь, рѣшительно не истолковываютъ обрядности, какъ это бываетъ въ другихъ случаяхъ. Большая часть купальскихъ пѣсенъ содержаніемъ своимъ напоминаетъ свадебныя. Въ настоящее

---

[1]) Болѣе подробное описаніе купальскихъ обрядовъ см. въ Трудахъ этн.—стат. эксп. т. 3, стр. 193—223.

время, рядомъ съ купальскими, поются и другія, даже заносныя, солдатскія пѣсни. Вотъ почти всѣ купальскія пѣсни, которыя мнѣ удалось собрать въ с. Молодецкомъ (уманск. уѣзда).

I.

У насъ Купайло зъ вербы, зъ вербы.
Выйды, Голександро, выйды!
Якъ не выйдешъ на Купайла,
То выйде съ тебе душа й пара.

II.

Ой на Ивана на Купайла,
Дежъ ты, Голександро, ночувала?
Ой ночувала пидъ грушкою,
А съ тымъ Иваномъ якъ душкою;
Ой ночувала пидъ яворомъ,
А съ тымъ Иваномъ діяволомъ.

III.

Зеленая дибривонько,
Чого такъ рано спустошана?
Трава на сино покошана?
Ой, молодая молодыце,
Выйды до насъ на вулыцю,
Вынесы намъ купайлыцю!
Ой, рада бъ я выходыты,
Та заставляють до роботы,
Та заставляють хату месты,
Пидъ круту гору воду несты,
А пидъ другую каминь котыты.
Ой, повій, витре буйнесенькій,
Выкоты каминь круглесенькій;
Зійды, дощику дрибнесенькій,
Скропы травыцю-муравыцю,—
Нехай я выйду на вулыцю;
Вынесу дивкамъ купайлыцю;
Бо наши хлопци недбайлыци,
Не вырубалы купайлыци;
Якъ бы воны за насы дбалы,
То купалыцю вырубалы.

IV.

Часъ тоби, вербыще, розвытысь,
Часъ тоби, Иване, женытысь!
— Ой часъ — не пора,
Бо ще моя Храсынка молода.
Нехай витерь вербыцю похитае,
Нехай Храсына погуляе!

V.

Ой, нихто-жъ тамъ не бувавъ,
Де я явора зрубавъ.
Ой, яворе-яворонькy зелененькій,
Туды ихавъ козаченько молоденькій.
Ой за нашимъ садкомъ
Три мисяци рядкомъ.
— Ой яворе-яворонькy зелененькій,
Туды ихавъ козаченько молоденькій.
Одынъ мисяць ясный,
То Иванё красный.
— Ой яворе-яворонькy зелененькій...
Другый мисяць ясный,
То Васылько красный.
(Припѣвъ повторяется).
Третій мисяць ясный
То Рыгорко красный.
Припѣвъ.

Ой за нашимъ садкомъ
Три зірочки радкомъ.
Припѣвъ.

Одна зирка ясна,
То Храсынка красна.
Припѣвъ.

Друга зирка ясна,
То Ярынка красна.
Припѣвъ.

Третя зирка ясна,
То Наталя красна.
Припѣвъ.

А Иванъ хвалывся,
Шо Храсыну люблю—черевычки куплю.
Припѣвъ.

А Васыль хвалывся,
Шо Ярыну люблю—спидныцю куплю.
Припѣвъ.

А Рыгоръ хвалывся,

Шо Наталю люблю,
Та виночокъ куплю. Припѣвъ [1]).

VI.

Ой за городомъ сучка бреше,
Ой тамъ Иванё киля теше,
Ой теше, теше, прытынае,
А все Голександру споминае.

VII.

Ой за городомъ покисъ порисъ,—
Чомъ ты, Иване, бильшій не рисъ?
Ой буде зъ мене и такого,
Любить Храсыня молодого.
Ой за городомъ катранъ, катранъ,
Стоить Иванё якъ панъ, якъ пачъ.
Ой за городомъ петрушечка,
Стоить Храсынка якъ душечка.

VIII.

Ой у городи катранъ-зилля,—
Просыть Наталка на весилля.
Кожнои хати не минае,
Ажъ до Гартема забигае.

IX.

Ой у лиси два дубы, два дубы
Схылылыся верхами до купы.
Ой тамъ Иванё волы пасъ;
Выйды, выйды Наталко—яблукъ дасть.

X.

Ой у лисочку на дубочку.
Высыть колысочка на шнурочку,
А въ тый колысци Гордій лежить,
Съ правого боку Наталку держить,
Ой ты, Наталво, виръяночко,
А въ тебѣ лычко якъ яблучко!
Не такъ лычко, якъ ты сама,—
На папери выписана.
Ой выписаны чорни брови.—
То-жъ то люба—мила до розмовы.

XI.

Ой у лиси на терни, на терни,
Тамъ будувавъ Ныконё двиръ соби,
Ой будувавъ-будувавъ, въ дудку гравъ,
Шей до себе Васюню приклыкавъ.
Пораль мене, Васюню, якъ ридная мати,
Якый мини двирочокъ будувати.
— „Будуй, будуй, Ныконю, зъ викнами.
Щобъ до мене соловейки прилитали".
Нащо тоби соловейки?
Есть у мене ридный батько — ридна, мати,—
Буде тебе раненько збужати,
Буде тоби порадочокъ давати.
— „Чужій батько, чужа мати не збудыть,
Тико пиде до сусиды обсудыть".

XII.

Катранъ петрушку помывае,
А Рыгоръ Наталку обіймае.

XIII.

Ой загородю терномъ ричку,
Та пустю лебедя и лебидочку,
А сама буду дывытыся,
Якъ буде лебедь купатыся,
Изъ лебидкою витатыся.
То не лебедь и не лебидочка,—
То Рыгоръ паробокъ и Наталя дивка.

XIV.

Летила галочка, летила,—
За кого ты, Наталко, хотила?
—„За того, дивчата, за того
Рыгора молодого!"
— Ой ты, Рыгоре, не будь панъ,—
Возьми Наталку пидъ жупанъ.
А я жупана не маю,
Пидъ сиру свыту сховаю.
А ты, Наталко, не тайся,
Пидъ сиру свыту сховайся!

---

[1]) Послѣдніе три куплета имѣютъ еще и такую, болѣе новую варіацію.

А Иванъ хвалывся,
Шо копу нажала. Припѣвъ.
А Васыль хвалився,
Шо въ корчми лежала. Припѣвъ.
А Рыгоръ хвалывся,
Шо въ будякахъ лежала.
Припѣвъ.

XV.

Покотю видра въ долыну,
А коромысло закину,
А сама пиду до хаты
Старои неньки пытаты,
Чи позволытъ гуляты.
Ой выйди, чужа доню, не барыся!
Зачини воритечка, вернися!
Ой спасыби, чужа маты, за гуляння:
На синному пориженьку постояла,
Молодои челядоньки не выдала.

XVI.

Ой не сподійся, Хмелыхо,
Съ чужого села невисточки;
Бо у Потана одна дочка,
То тоби буде невисточка;
То-жъ тоби буде хуста праты,
А Танасеви постиль слаты;
А съ тобою буде говорыты,
А съ Танасемъ вирно жыты.

XVII.

Ой у Потана высокій тынъ,
Тамъ зачепывся Хмелышинъ сынъ,
Ой зачепывся вчора зранку,
А за Гарпынку за коханку.
Якъ зачепывся, нехай высить,
Бо винъ Горпинки не залышить.

XVIII.

Ой шумыть-гуде, дощикъ иде,
А то витеръ віе,
А я думала, то свекорко зъ миста иде.
— „Ой оченыся, невисточко,
Ой оченыся, пасмурныце!“
Ой шумыть-гуде, дощикъ иде,
А то витеръ гуде,
А я думала, матинка зъ миста иде.
— „Ой оченыся, невисточко,
Ой оченыся, сонлывая!“
Ой шумитъ-гуде, дощикъ иде,
А то витеръ віе,
А я думала, диверко зъ миста иде.
— „Ой оченыся, невисточко.
Ой оченыся, зеленушко!“
Ой шумыть-гуде, дощикъ иде,
А то витеръ віе,
А я думала, то зовыця зъ миста иде.
— „Ой оченыся, невисточко,
Ой оченыся, клеветушко!“
Ой шумитъ-гуде, дощикъ иде,
А то витеръ віе,
А я думала, мыленькій зъ миста иде.
— „Ой оченыся мылесенька,
Якъ голубонька сывесенька!
— Не оченюся, мылесенькій,
Якъ голубъ сывесенькій!
Бо въ твого батенька посмурныця,
Въ твоеи матинки сонлывая,
Въ твого братика зеленушка,
Въ твоей зовыци клеветушка.
— „Не гнивайся, мылесенька,
Ты голубонька сывесенька:
Пахмурныця—чорна хмара,
Сонливая—темна ничка.
А зеленушка—ягидочка,
А клеветушка—ластивочка!“

XIX.

Хто сына мае,
Той въ військо дае,
А хто не мае,
Той наймае.
Була вдова биднесенька,
Та мала дочку Голеночку
Тай у військо дала.
Якъ давала—научала:
„Ой не йидь позадъ війска,
Та йидь середыною,
Со всею родыною:
Бо впередъ війська
Головку зитнуть,
А позадъ—съ коня зипхнуть.
Дивка Голенка не слухала,
Та впередъ війска выихала,
Та проихала до гаю высокого,
А до Дунаю глыбокого,
Та до каминя шырокого,—
Ни перейти, ни пробрести,
Ни коныка перевести.
Дивка Голенка—козакъ була,
Та быстру ричку перебрела,

Та всеньке військо перевела,
Та прыихала до царя,
Та передъ царемъ шапку зняла.
Царь цимъ дывомъ здывувався,
Де въ нашому полку козакъ взявся.
Въ него коса до пояса,
А лычко якъ яблучко:
Не такъ лычко якъ вона сама.—
На папери выпысана.
Пысалы тры дни и тры ночи.
Закимъ выпысалы чорни гочи;
Пысалы тры дни и тры годыны,
Закымъ спысалы на картыни.
Та взялы коня у станыцю,
А дивку Голенку у свитлыцю,
Та далы коню вивса исты,
А дивци Голенци стильчикъ систи.
Та дали коню вивса—сина исти,
А дивци Голенци меду-вина исты-пыты.
Хоць гиржи, коню, хоць не гиржи,—
Вже-жъ тоби въ війску не буваты,
Вже-жъ тоби війська не выдаты,
Тико на стани постояты.
Хоць плачь, хоць не плачъ, Голенко,—
Вже жъ тоби вдома не буваты,
Старои неньки не выдаты,
Та по свитлоци похожаты;
. . . .
А моя ненька—старенька,
Якъ голубонька сывенька,
Де ходыть, то рыдае,
Дивку Голенку спомынае.
Сусидонько голубонько, сусидо моя,—
Сонлывая—дремлывая невистка моя:
Якъ ты не збудышъ—не встане,
Якъ не скажешъ—не знае".

XX.

Петривочка—мала ничка, -
Не выспалася невисточка;
До череды гнала тай дримала,
На пеньки ноги позбывала,
На терепъ очи повыймала.

(Записано въ с. Молодецкомъ, кіевск. губ. уманскаго уѣзда).

Хр. Ящуржинскій.

Юношеское письмо и портретъ Гоголя. Въ майской книгѣ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій» напечатано, съ обширными примѣчаніями проф. Владимірова, письмо Гоголя, писанное изъ Нѣжина къ Г. И. Высоцкому и портретъ его въ мундирѣ гимназіи высшихъ наукъ. То и другое стало собственностью кіевскаго университета, а статья г. Владимірова вышла особой книжкой. До сихъ поръ, изъ изданія Кулиша, извѣстно было шестьдесятъ восемь писемъ Гоголя изъ Нѣжина, большею частью къ матери. Только два, адресованныя тому же Высоцкому, найдены были Кулишемъ. Къ этимъ двумъ письмамъ, писаннымъ въ миломъ, свободномъ тонѣ и относящимся къ счастливѣйшимъ днямъ жизни Гоголя, брошюра г. Владимірова прибавляетъ третье.

О происхожденіи гимназическаго портрета Гоголя издатель не имѣетъ никакихъ свѣдѣній. Ему не удалось сравнить его съ портретомъ той же эпохи, помѣщеннымъ когда то въ «Иллюстраціи». По справкѣ нашей («Иллюстрація» 1858 г., № 15) оказалось, что рисунокъ этого журнала есть ничто иное, какъ копія кіевскаго портрета, ко-

торый, вѣроятно, и есть оригиналъ. Уменьшенъ только размѣръ да отброшены очки, все же остальное повторяетъ буквально въ гравюрѣ кіевскій портретъ. Сохраняя въ главнѣйшихъ чертахъ Гоголевскій типъ, оба изображенія на названіе *портрета* имѣютъ впрочемъ слишкомъ мало правъ. Несовершенство и примитивность живописи слишкомъ ясны въ нихъ обоихъ. Въ статьѣ, посвященной Гоголю въ «Иллюстраціи», только вскользь упомянуто, что портретъ Гоголя-студента «снятъ съ натуры однимъ изъ его товарищей по нѣжинскому лицею въ 1827 году» (это годъ и напечатаннаго теперь письма къ Высоцкому). Другихъ данныхъ статья «Иллюстраціи» не даетъ, а расплывается въ шаблонныхъ разглагольствованіяхъ о переломѣ, происшедшемъ въ направленіи и дѣятельности Гоголя, говоритъ о его помѣшательствѣ,—чего уже не позволяютъ себѣ теперь самые отчаянные борзописцы,—и укоряетъ Кулиша за изданіе его писемъ, находя въ нихъ, впрочемъ, необыкновенно живое отраженіе натуры и характера писавшаго.

Къ извѣстнымъ спискамъ портретовъ Гоголя (г. Ефремова въ «Русск. Стар.» 1878, № 5 и г-жи Черницкой въ «Сѣверн. Вѣстн.» 1890, № 3), мы можемъ прибавить указаніе на два медальона, находящіеся въ частныхъ коллекціяхъ П. А. Кочубея и В. В. Тарновскаго. Оба приписываются Иванову и сходны съ портретомъ его же работы, находящимся въ Румянцевскомъ музеѣ. Моллеръ писалъ Гоголя два раза. Одинъ изъ его портретовъ извѣстенъ по гравюрѣ Іордана, другой, принадлежащій Третьякову, никогда не былъ изданъ въ копіи. Въ нынѣшнемъ году въ журн. «Сѣверъ» появился еще портретъ Гоголя работы г. Рѣпина, сдѣланный на основаніи всѣхъ извѣстныхъ.

Г. Владиміровъ, въ своихъ замѣткахъ, упоминаетъ о лицейскомъ журналѣ Гоголя «Метеоръ», отрывки изъ котораго напечатаны были въ «Кіевской Старинѣ». Подлинная тетрадка поступила въ библіотеку нѣжинскаго филологическаго института. Къ свѣдѣнію изучающихъ нѣжинскую эпоху жизни Гоголя скажемъ еще, что въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ находятся классныя лекціи Никольскаго, профессора словесности въ гимназіи высшихъ наукъ, въ тѣ годы когда въ ней учился Гоголь. **В. Г.**

Два письма Натальи Демьяновны Разумовской къ сыну Алексѣю Григорьевичу, 1743 и 1748 гг. Хотя сообщаемыя здѣсь письма писаны не самою Разумовскою, которая была неграмотна, но тѣмъ же

менѣе они имѣютъ свой интересъ, показывая, что жившая въ глуши козачка «Розумиха» не отказывала людямъ, обращавшимся къ ней съ просьбою предстательствовать предъ сильнымъ ея сыномъ.

1) Вселюбезнѣйшій сину мой Алексѣй Григориевичъ. Прежде сего писала я къ вамъ, любезнѣйшому сину, объ обозному бившому полковому Чернѣговскому Івану Сахновскому и сотнику бившому менскому Іакиму Сахновскому, которой обозной обрѣтается въ Санкпѣтербурхи, о неоставленіи ихъ, въ чемъ они васъ, любезнѣйшаго сина моего, просятъ; того для и нинѣ вторительно васъ, любезнѣйшаго сина, прошу, въ чемъ оніе же бившіе обозній и сотникъ Сахновскіе васъ же, любезнѣйшаго сина, моего просятъ неоставить и содержать въ високой своей милости, въ чемъ я надежна будучи, зъ божіимъ и моимъ родительскимъ благословеніемъ пребивая въ незабвеніи моихъ матерскихъ молитвахъ васъ остаюсъ навсегда.

1743 году, юня 30 дня. Адамовка.

2) Дрожайшій мой сину.

Я доволно вѣдаю, что мои писма, которими часто васъ тружу, вамъ скучни и потому сколко возможно сохраняю себя отъ тѣхъ случаевъ, кои толко въ мнѣніи моемъ могутъ вамъ принесть затружденіе, но понеже крайнюю горесть и слези сего народа, которой чрезъ меня ищетъ вашей помощи, принудили меня васъ трудить, потому пріемлю разсужденіе, что вы сіе мое материнское представленіе пріятно и безъ тяжести принять изволите. Кіевскіе козаки, коихъ подлинное прошеніе при семъ сообщено, чрезъ крайное свое отъ мѣщанъ кіевскихъ ищутъ чрезъ васъ, въ ея імператорского величества, всемилостивѣйшей нашей государинѣ, височайшей милости и всемилостивѣйшаго неоставленія. Я ни десять на сей бумаги не могу того изобразить, сколко я моимы очима ихъ бѣдность и разореніе видѣла, кромѣ того, что оны въ Кіевѣ почти подъ неволею живутъ, и что отъ нихъ всевисочайшая августѣйшей милость чрезъ проэкти кіевского магистрату закрита отъ нахаловъ и безчеловѣчнихъ съ ними того магистрата поступокъ претерпѣваютъ несказанную горесть. Я многажди объ нихъ бѣдныхъ здешнего господина генерала губернатора Леонтіева просила; но чрезъ ухищреніе помянутого неблагодарного магистрата, то мое прошеніе никакова успѣха къ козачей пользѣ и избавленіе принесть доселѣ немогла.

Нонѣ при послѣднемъ своемъ бѣдствіи, въ томъ толко единомъ надежду положили, что вы ихъ горестнихъ слезъ и моего матернего прошенія не презрите, и ежели въ семъ плачевномъ ихъ случаи, вы своимъ ходатайствомъ не пособите, то я истинно доношу, что зависть и злонравіе магистрату послѣднихъ ихъ домовъ лишитъ и въ розбѣги съ Кіева вскорѣ понудить можеть. Однако жъ они эщо въ томъ упованіи по отпустъ сего писма состояли, что ви для меня и для ихъ отъ крайней бѣдности сохраненія желаемую имъ височайшую милость ісходатаиствовать изволите.

Въ окончаніи сего съ надеждою на ваше бѣдних козаковъ неоставленіе и всегдашнюю ко мнѣ синовскую горячесть, вручаю васъ въ височайшую Божію милость, которая всѣ, жизни вашей благополучніе дны да соблюдетъ въ множайшіе лѣта не нарушимо.

Марта „ “ д. 1748 году. Адамовка.

Сообщилъ **А. Л.**

Благодарственное письмо Гр. Андр. Полетики своимъ выборщикамъ за избраніе въ званіе депутата въ коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія [1]). Высокородніе, высокоблагородніе, благородніе господинъ предводитель и господа шляхетство малороссійского лубенского полку. Милостивіе государи и братье.

Честь и довѣренность, учиненная мнѣ отъ васъ, выборомъ меня въ депутати почтеннаго собранія вашего, сколь для меня ласкателна, столь, признаюсь чистосердечно, нечаянна и нежелателна была. Нечаянна потому, что много между вами есть людей, многимъ болшъ отъ меня сего достойнихъ, нежелателна для сего, что къ званію отъ васъ на меня наложенному, требуется болше моего разума, пространнѣйшаго, нежели я имѣю, въ дѣлахъ вашихъ знанія и твердѣйшаго къ произведенію онихъ духа. Понеже угодно было вамъ, милостивимъ государямъ, къ должности сей избрать меня, то всѣ мои недостатки потщусь наградить неинимъ чемъ, какъ моимъ усердіемъ и любовію къ отечеству, праводушною въ званіи моемъ поступкою и прямимъ исканіемъ вашей и всего общества ползи, ко-

---

[1]) Гр. Андр. Полетика былъ выбранъ депутатомъ отъ лубенскаго полка вмѣсто отказавшагося отъ этого званія гадяцкаго полковника Крыжановскаго. Полетика въ это время былъ „морскаго шляхетнаго корпуса надъ ученіями главнымъ инспекторомъ“. См. Наказы малороссійскимъ депутатамъ, изд. Кіевск. Стар. 1889, стр. 276.

торіе я за первіе и главнѣйшіе въ жизни моей правила полагаю. Повѣрте, милостивіе государы, что естли усердію моему и ревности по общемъ благѣ, будутъ соотвѣтствовать возможность моя и сили, то не будетъ воздихающаго во отечествѣ. Богъ, знающій правость исканій нашихъ, всемилостивѣйшая Монархиня наша, обѣщавшая благополучіе наше довесть до височайшаго степени, будутъ, неизмѣнно уповаю, споспѣшествовать желаніямъ нашимъ. Я би себя почелъ человѣкамъ благополучно прожившимъ вѣкъ мой и далѣе нежелалъ бы жить, увидѣвъ исполненіе сего надъ вами и надъ любезнимъ моимъ отечествомъ. Сего я желаю, съ симъ есмъ и по смерть мою пребуду, съ истиннимъ усердіемъ и должнѣйшимъ высокопочитаніемъ.

Вашихъ высокородій, высокоблагородій, благородій, моихъ милостивихъ государей и братей, вѣрноусерднѣйшій и покорнѣйшій слуга Григорій Полѣтика.

Москва. Августа 24 д. 1767 года.

Сообщилъ **С. Д. Носъ.**

Интересная надпись. Въ рукописи Кіево-Софійскаго собора № 219 есть на концѣ небольшая замѣтка, вѣроятно, владѣтеля книжки, который расписался такъ: сіа книга есть власная келейная іеросхимонаха Романа Казановича подписана его рукою 1711 марта въ... Вѣроятно, это братъ извѣстнаго Рафаила Казановича, человѣка близкаго къ святителю Димитрію Ростовскому. Вотъ самая замѣтка: «Anno 1704 Maji 20 dux Ioannes Mazepa adfuit Kijovi cum nonnullis tribunis caeterisque proceribus et moratus dies undecim duodecima vero ultima Maji profectus in oram polonam cum magno exercitu tam cozacorum quam moschorum quorum dux fuit princeps Galiczyn. Et ipsa hac die profunda nocte ante festum sancti Konstantini et Helenae quodtunc contigit die Dominica 6-ta post ressurectionem Christi canconati (?) magnum fuit incendium prope collegium. Eodem vere coeperunt aedificari lapideae scholae in collegio ipsa vero fundamenta adhuc autumno facta fuerunt. Eodem anno Junii 26 relinqui discipulos meos Bystryccios cum fuerim inspector apud illos 20 menses».

Сообщилъ **И. Шляпкинъ.**

А. А. Перовскій въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Въ 10-мъ номерѣ «Историчеекаго Вѣстника» помѣщена статья г. Кирпичникова о Перовскомъ (Погорѣльскомъ). Она сопровождена портретомъ Перовскаго, переснятымъ съ помѣщенной въ нашемъ журналѣ геліотипіи съ портрета работы Брюлова, на воспроизведенье котораго мы получили право отъ семейства графа Б. А. Перовскаго.

Г. Кирпичниковъ, ссылаясь на статью г. Горленка о Погорѣльскомъ, напечатанную въ нашемъ журналѣ (1888 г. № 4), подвергаетъ сомнѣнію нѣкоторыя фактическія ея данныя. Въ нашей статьѣ онѣ сообщены со словъ ближайшихъ родныхъ Перовскаго, главнымъ образомъ племянника его Н. М. Жемчужникова, сына сестры его Ольги Алексѣевны и наслѣдника имѣній графа Алексѣя Конст. Толстого, что ясно и обозначено тамъ. Странно, что ссылка эта ускользнула отъ вниманья г. Кирпичникова, такъ какъ его цитаты, оцѣнка отдѣльныхъ произведеній Перовскаго и большая часть примѣчаній показываютъ внимательное чтеніе нашей статьи.

„ТЕПЛОВКА."

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ СТАРАГО БАТУРИНА.

(КЪ РИСУНКУ).

Подъѣзжая къ Батурину отъ Кролевца или отъ Конотопа, „путникъ" видитъ уже издали огромный каменный домъ въ полуразрушенномъ видѣ, одиноко стоящій на крутомъ берегу Сейма... На вопросъ любопытнаго: что это за зданіе?—получается отвѣтъ, что молъ—Тепловка. Никакихъ подробностей при этомъ „путникъ" не услышитъ, потому что даже и грамотный мѣстный людъ имѣетъ о Тепловкѣ лишь легендарныя свѣдѣнія. Говорятъ, что это домъ не то Теплова, не то гетмана Разумовскаго, добавляя, что въ этомъ домѣ никогда никто не жилъ, потому что, молъ, прежде окончанія дома въ немъ повѣсился строившій его архитекторъ...

Въ извѣстной книгѣ Васильчикова—Семейство Разумовскихъ—объ этомъ домѣ читаемъ: „въ послѣдніе годы жизни своей графъ Кирило Григорьевичъ (Разумовскій) былъ занятъ постройками дома и церкви въ Батуринѣ. Домъ этотъ существуетъ до сихъ поръ; онъ находится на самомъ краю Батурина, на мѣстности, называемой Тепловкою, въ честь Григорія Николаевича Теплова. Строеніе стоитъ на обрывистомъ и живописномъ берегу Сейма. По обѣимъ сторонамъ его находятся два большіе двухъ-этажные флигеля, которые теперь (1880 г.) почти въ развалинахъ. Средній корпусъ носитъ еще слѣды прежняго велико-

лѣнія. Многія комнаты украшены лѣпною работою и имѣютъ до сихъ поръ паркетные полы. На восточной сторонѣ дома, къ рѣкѣ Сейму, находится балконъ, украшенный восьмью колоннами тосканскаго ордена. За домомъ расположенъ липовый садъ съ правильными аллеями. Домъ этотъ никогда не былъ отдѣланъ вполнѣ. Фельдмаршалъ (Разумовскій) умеръ не достроивъ его".

Свѣдѣнія Васильчикова въ главномъ вѣрны и могутъ быть дополнены лишь разсказомъ о томъ отношеніи, которое имѣлъ Тепловъ къ этому когда то великолѣпному зданію.

Когда новопоставленному гетману Разумовскому разрѣшено было перенести „резиденцію" изъ Глухова въ Батуринъ, то возведеніе въ послѣднемъ какъ нужныхъ для себя построекъ, такъ и „національныхъ", Разумовскій поручилъ извѣстному своему приставнику Теплову. Такимъ образомъ Тепловъ игралъ едва ли не главную роль въ возобновленіи прежней гетманской „резиденціи", какъ это подтверждаютъ и слѣдующіе отрывки изъ его распоряженій по возведенію новыхъ построекъ въ Батуринѣ. Въ іюнѣ 1759 года Тепловъ писалъ въ генеральную канцелярію: „къ производящейся нынѣ при городѣ Батуринѣ его ясневельможности дому и другихъ нужныхъ для резиденціи его жъ ясневельможности строеній, работѣ, необходимо потребно не малымъ числомъ разныхъ мастеровыхъ людей, пѣшихъ работниковъ и подводъ съ подводчики... Для того во исполненіе полученного отъ его ясневельможности въ генеральной канцеляріи ордера, о чиненіи отъ оной канцеляріи всякого мнѣ вспомоществованія, да благоволитъ генеральная канцелярія, откуду запристойнѣе покажется, выслать къ батуринскому строенію, на перьвой случай нижеписанное число мастеровыхъ людей и работниковъ, какъ то для строенія дому и служебъ, столярей искусныхъ въ ихъ мастерствѣ—40, кузнецовъ—30, плотниковъ—200, да для копанія погребовъ и планированія земли пѣшихъ работниковъ—200, также для вывозки лѣсу отъ Устья [1]) и для разныхъ повозокъ подводъ съ подводчики 300..."

---

[1]) Село сосницкаго уѣзда, при сліяніи Сейма съ Десною.

Для скорѣйшей постройки гетманскаго дома Тепловъ хотѣлъ было употребить для послѣдняго уже готовую какую то постройку, нарочно для этого перевезенную въ Батуринъ изъ с. Вел. Самбора. Но постройка эта оказалась для дома недостаточною, какъ писалъ Тепловъ тогда же лѣтомъ 1759 г. въ ту же генеральную канцелярію, предлагая послѣдней взять это строеніе для генеральной канцеляріи и генеральнаго суда,—„за пріѣздомъ моимъ въ Батуринъ, усмотрѣлъ я, что главное строеніе, перенесенное изъ Самбура въ сей городъ, которое для его ясневельможности изготовлено было, явилось весьма тѣсно и расположеніемъ своихъ комнатъ совсѣмъ неугодно для персоны его ясневельможности и всей его сіятельства фамиліи; изъ сего резону разсудилъ я оное снять съ его каменного фундаменту и поставить иное новое въ другомъ расположеніи и въ другой пропорціи комнатъ, на томъ же фундаментѣ. Но чтобъ оному снятому строенію сыскать мѣсто приличное, понеже оно еще крѣпко, то понеже его ясневельможность не только дому своего строеніе изволилъ препоручить подъ мою диспозицію, но я разумѣю, что и тѣ національнія строенія, которыя при перьвомъ случаѣ близки должны быть при его ясневельможности, надлежаще были бы выстроены, сего ради видится мнѣ, что не неспособно будетъ—когда то снятое строеніе употреблено будетъ, пока каменное построится, подъ генеральную канцелярію и судъ генеральный, ибо въ ономъ не токмо сіи два департаменты, но и другія коммисіи съ пространствомъ помѣстится могутъ. Для того не соблаговолитъ ли генеральная канцелярія кого отъ себя опредѣлить—принять оное строеніе подъ свое смотреніе и быть повелѣть ему при той работѣ, пока оная совсѣмъ изготовится, а я оное произведу изъ той суммы, которая опредѣлена и выдана въ экономическую канцелярію для гетманскихъ строеній и самъ буду смотрѣть, отведши по данному мнѣ отъ его ясневельможности плану, особливое мѣсто, чтобъ оное въ близости отъ загородного дому его ясневельможности было поставлено...“

Приступивъ засимъ къ постройкѣ гетманскаго дома уже изъ новаго лѣса, Тепловъ розыскивалъ годное дерево по всей лѣсной Малороссіи, какъ это видно изъ его бумаги, написанной

въ ноябрѣ того же 1759 г., въ генеральную канцелярію съ требованіемъ подводъ для вывозки этого дерева:—„репортомъ отъ учрежденной о строеніи батуринскомъ экспедиціи представлено въ экономическую канцелярію, что къ производимому нынѣ въ городѣ Батуринѣ большому строенію гетманскаго дому до средняго корпусу и до флигелей, на потолокъ и подъ стропила на балки, обыскано чрезъ нарочно посыланого угоднаго дерева довольнымъ числомъ полку чернѣговского въ пущи перелюбской [1]), владѣнія монастыря Троецкого чернѣговского, состоящей отъ Батурина въ 150-ти верстъ, и какъ де тотъ нарочный тамошнего городничего спросилъ о ценѣ, то де онъ обявилъ, что таковое дерево поелику тамо довольные пущи, на домъ гетманской и безъ денегъ уступлено будетъ...“

Изъ этихъ отрывковъ о распоряженіяхъ Теплова по возведенію новыхъ построекъ въ Батуринѣ, видно, что онъ дѣятельно занимался этимъ дѣломъ. Очень вѣроятно, что въ поощреніе этой дѣятельности Разумовскій и сдѣлалъ Теплову въ декабрѣ 1760 г., цѣнный подарокъ, „опредѣливъ ему подъ строеніе дому его землю, лежащую за городомъ, на урочищѣ между Городкомъ и Гончаровкою“. (*См. приложеніе 1-е*).

Получивъ этотъ подарокъ, Тепловъ значительно его увеличилъ, прикупивъ къ нему сосѣдніе земельные участки, и затѣмъ—началъ здѣсь устраивать и себѣ усадьбу. Прежде всего, онъ построилъ здѣсь два деревянные флигеля на каменныхъ фундаментахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тепловъ сталъ заводить здѣсь „регулярный“ садъ и, наконецъ, началъ постройку каменнаго дома... Но постройки этой онъ не кончилъ, такъ какъ послѣ увольненія Разумовскаго отъ гетманства, Тепловъ опредѣленъ былъ къ новой дѣятельности, которая навсегда отдаляла его отъ Батурина...

Скромная батуринская усадьба оказывалась ненужною для статсъ-секретаря императрицы и Тепловъ продалъ ее въ 1772 г., батуринскому владѣльцу, со всѣми тѣми землями, которыя онъ успѣлъ скупить около Батурина, послѣ полученія подарка отъ гетмана. (*См. приложеніе 2-е*).

---

[1]) С. Перелюбъ—сосницкаго уѣзда.

Сдѣлавъ эту покупку, Разумовскій приказалъ своему управителю майору фонъ-Гафтстейну „принять купленное имѣніе и причислить его къ батуринской экономіи“. По этому приказу сдѣлана была подробная опись тепловской усадьбы, изъ которой видно, что на ней въ 1772 г. находились два деревянные флигеля, на каменныхъ фундаментахъ, въ 10-ть комнатъ каждый, постройки для прислуги и—„зачатое каменное строеніе въ семи комнатахъ, о четырехъ толко сведенныхъ окнахъ и трохъ сеняхъ...“ [1]). На этой то купленной у Теплова усадьбѣ и началъ Разумовскій постройку того громаднаго зданія, которому преданіемъ усвоено, по мѣсту его постройки, названіе „Тепловки“ и которое представляется на прилагаемомъ рисункѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ шестидесятыхъ годахъ. Около главнаго дома находились тогда и два флигеля, о которыхъ говоритъ Васильчиковъ, и одинъ изъ которыхъ также виднѣется на прилагаемомъ рисункѣ, въ полуразрушенномъ видѣ.

Всѣ батуринскія постройки времени Разумовскаго, въ томъ числѣ и тотъ домъ, въ которомъ доживалъ свой вѣкъ бывшій гетманъ, были деревянныя и потому давно уже не существуютъ. Одна „Тепловка“ остается свидѣтельницею былой жизни Батурина, но и ея вѣкъ уже коротокъ: оставленная на произволъ времени, изъ года въ годъ она ветшаетъ и разрушается... А жаль!—еще недавно можно было сохранить это зданіе, хотя ради утилитарныхъ цѣлей... **А. Л.**

---

[1]) Принятъ былъ и заведенный Тепловымъ садъ, описанный въ такомъ видѣ: „въ ономъ саду дорогъ прямыхъ—6, шпалерныхъ вышневыхъ дорогъ—2, да куртинъ съ липами малыхъ—16; решотки для деревъ, по 4-мъ дорогамъ деревяныя ветхія. Въ ономъ разныхъ деревъ: обрезковъ попорченихъ—15, винограду кустовъ разныхъ—10, да весняного саженья розгами малая грядка винограду жъ—1, розону кустовъ—27, персиковъ—4, смородины красной кустовъ—13, чорной смородины—11, крыжовнпку кустовъ—5, орѣховъ волоскихъ разного сорту—38, шпанскихъ вишень старыхъ—11, черешепь—5, яблонь разныхъ сортовъ—97, грушъ разнихъ же сортовъ—106, сливъ разнихъ сортовъ—178, липокъ кронныхъ болшихъ—174, по двумъ сторонамъ около забору вишневихъ прямихъ шпалеръ по два рада, итого—4, дичокъ яблонныхъ и грушевыхъ—210“.

Приложеніе 1-е. Дарственная запись гетмана Разумовскаго Гр. Ник. Теплову на усадьбу въ Батуринѣ.

Ея императорскаго величества Малыя Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ гетманъ, дѣйствительный камергеръ, императорской санктпетербургской академіи наукъ президентъ, лейбъ гвардіи измайловскаго полку подполковникъ и обоихъ россійскихъ императорскихъ ординовъ святыхъ апостола Андрея и Александра Невскаго, такожъ польскаго Бѣлаго Орла и голстинскаго святыя Анны кавалеръ, россійской имперіи графъ Кириллъ Разумовскій господамъ генеральнымъ старшинамъ, полковникамъ, старшинамъ полковымъ, сотникамъ и протчимъ чинамъ, а особливо волости нашей батуринской управителю и кому о семъ вѣдать наллежитъ объявляемъ.

Имѣя мы въ настоящемъ нашимъ собственномъ владѣніи всевысочайше отъ ея императорскаго величества пожалованное владѣніе городъ Батуринъ со всѣми принадлежащими къ нему селами, деревнями и всякими угодіи, и желая оной городъ Батуринъ распространить и населить знатными домами, по собственной нашей волѣ и соизволенію, изъ вышепомянутыхъ вѣчнопожалованныхъ намъ городовыхъ батуринскихъ земель, яко изъ собственныхъ своихъ, опредѣлили мы нынѣ статскому совѣтнику Григорью Николаевичу Теплову, подъ строеніе дому его, землю, лежащую за городомъ, на урочищѣ между Городкомъ и Гончаровко, которой землѣ простирается длина съ горы въ низъ по самую рѣку Сеймъ, гдѣ оная нынѣ теченіе свое имѣетъ; а въ верхъ по горѣ, до самой перьвой улицы, какъ оная на планѣ Этингеровомъ положена, то есть 118 сажень, поперекъ же какъ при рѣкѣ, такъ и на горѣ 71 сажень; да сверхъ того противу того же мѣста, на другую сторону широты сего мѣста, черезъ улицу, половину другаго мѣста въ длину по тому плану, а въ ширину равно какъ и вышепомянутое мѣсто толикимъ же пространствомъ и мѣрою. И всю ту опредѣленную нами землю, ему, статскому совѣтнику господину Теплову, и будучимъ по немъ наслѣдникомъ, уступаемъ и утверждаемъ вѣчно. Онъ же господинъ статской совѣтникъ имѣетъ на предписанной землѣ построить себѣ домъ съ потребными къ нему службами, отъ полученія сего нашего универсалу въ четыре года; и какъ тою землею, такъ и построеннымъ на ней домомъ, яко своимъ собственнымъ добромъ, не имѣя какъ отъ насъ и отъ наслѣдниковъ нашихъ, такъ и ни отъ кого посторонного въ томъ своемъ владѣніи ни какого спору и препятствія, владѣть вѣчнопотомственно съ такою свободою, что и уступить либо, продать и какимъ либо образомъ отъ себя за кого утвердить тотъ свой домъ съ землею, воленъ. Ежели же подъ тѣмъ уступленнымъ отъ насъ вѣчно ему и наслѣдникамъ его мѣстомъ, какіе либо пляцы или грунты козацкіе были, то оными всѣми, какія бы ни нашлися въ старинныхъ

описяхъ, козачими ему, господину Теплову, владѣть тутъ же вѣчно и безпрепятственно, потому что мы, имѣя власть и изъ оныхъ роздачу дѣлать въ силѣ даннаго намъ за собственноручнымъ подписаніемъ ея императорскаго величества указа въ 1750 году, июля 24 дня, о построеніи вновь города Батурина, опредѣлили оный городъ, примѣряясь къ тому, какъ и бывшую резыденцію гетманскую городъ Глуховъ многими указами сенатскими, послѣ бывшаго 1748 года пожара, велено регулярно строить и подъ регулярные домы мѣста брать, а тѣмъ, чьибы тѣ мѣста взятые были, отводить изъ свободныхъ за городомъ, построить регулярными же улицами и порядочнымъ строеніемъ господскихъ протчихъ обывательскихъ домовъ. И для того ни своихъ собственныхъ посполитымъ принадлежащихъ пляцовъ и ниже козачьихъ, не уважая, за необходимо всѣ хаты и подлые дворы должны были изъ города выводить, почему какъ посполитымъ нашимъ, такъ и козакамъ, въ городѣ Батуринѣ до сего жившимъ, отвели иныя мѣста на ихъ жилища, которыми имъ и владѣть вѣчно, въ замѣну прежнихъ, отъ насъ повелено. Въ протчемъ каково будетъ впредь о полицейской должности для всего города и всѣхъ жителей городскихъ учрежденіе оному всякъ построившійся въ городѣ себя подвергнуть имѣетъ, которому послѣдовать долженъ и онъ, господинъ Тепловъ, съ наслѣдниками, выключая то только, что мы его домъ за многіе его труды и стараніе при томъ же строеніи города Батурина, отъ всякого постоя вѣчно освобождаемъ. И во утвержденіе всего вышеизложеннаго сей нашъ универсалъ вмѣсто правнаго уступного запису, за подписомъ нашимъ и за печатьми какъ собственою нашою графскою, такъ и національною малороссійскою, данъ въ Глуховѣ, 1760 г., декабря 3 дня.

Гетманъ графъ К. Разумовскій.

М. П.
Разумовскаго.

М. П.
„національной“.

Приложеніе 2-е. Купчая крѣпость на продажу Тепловымъ графу Разумовскому батуринской усадьбы и хутора Скритнаго.

1772 году, сентября 28 дня. Я нижеподписавшійся тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Григорій Николаевъ сынъ Тепловъ у всякаго суда и кому о семъ вѣдать надлежитъ, объявляю: продалъ я съ доброй моей воли его сіятельству генералъ фельдмаршалу и разныхъ ординовъ кавалеру графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому, домъ мой, состоящій нѣжинскаго полку въ городѣ Батуринѣ, со всѣмъ строеніемъ каменнымъ и деревяннымъ, построеннымъ мною на землѣ, уступленной мнѣ отъ его жъ сіятельства, въ 1760 году, декабря 3 дня, яко тогда бывшаго гетмана, а при томъ съ садомъ и прикупленными къ оному дому двумя мѣстами ланами; сверьхъ же того хуторъ мой, прозываемый

Скрытное со всѣми къ нему принадлежащими землями, сѣнными и лѣсными угодіи, такожъ и рыбными ловлями, не оставляя за собою въ Батуринѣ и сотнѣ батуринской ничего изъ недвижимаго моего имѣнія, такъ какъ я владѣлъ и какъ значится въ урядовыхъ моихъ купчихъ по приложенному при семъ реестру; а взялъ я за все то недвижимое мое имѣніе отъ его сіятельства денегъ десять тысячъ рублей, которыя мною отъ сіятельства и приняты сполна; и позволяю его сіятельству тѣмъ дворомъ и хуторомъ владѣть вѣчно ему и наслѣдникамъ его, а мнѣ и наслѣдникамъ моимъ до того проданнаго мною имѣнія никакого болѣе дѣла нѣтъ и не интересоваться, и отъ вступщиковъ ежели какія сыщутся съ претенсіею къ тому мною проданному имѣнію, то отъ оной претенсіи моимъ правомъ и на собственномъ моемъ коштѣ, самъ я и наслѣдники мои его сіятельства и наслѣдниковъ его защищать, охранять должны будемъ. Въ лучшее же таковой моей добровольной продажи достовѣріе и твердость, сія купчая моя запись, за моею и упрошенныхъ мною свѣдомыхъ персонъ руками и печатьми, его сіятельству генералъ-фельдмаршалу графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому отъ меня дана. Къ сему купчему запису продавецъ тайной совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Григорей Тепловъ въ томъ, что вышеписанной дворъ, хуторъ, земли и угодія продалъ всѣ въ Батуринѣ и около Батурина, безъ остатка и деньги сполна всѣ получилъ, подписуюсь съ приложеніемъ моей печати. (М. П.).

При вышеписанной куплѣ и продажѣ и при взятіи денегъ свидѣтелемъ былъ и по прошенію тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Григорья Николаевича Теплова во свидѣтельство подписался при печати моей коллежскій совѣтникъ Григорій Васильевъ сынъ Козицкой (М. П.).

При вышеписанной куплѣ и продажѣ и при взятіи денегъ свидѣтелемъ былъ и по прошенію тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Григорья Николаевича Теплова во свидѣтельство подписался при печати моей правительствующего сената секретарь Иванъ Григорьевъ сынъ Туманскій (М. П.).

При вышеписанной куплѣ и продажѣ и при взятіи денегъ свидѣтелемъ былъ и по прошенію тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Григорія Николаевича Теплова во свидѣтельство подписался генеральсъ-адьютантъ Афанасій Лобысевичъ (М. П.).

Вышеписанный купчій записъ, на урядѣ ея императорскаго величества въ земскомъ повета батуринскаго судѣ отъ продавца его высокопревосходительства тайнаго советника, сенатора и кавалера Григория Николаевича, г. Теплова, чрезъ его высокородие г. писара генералного и малороссійской коллегіи члена, Василия Григориевича Туманского, сего 772 году, октября 30 дня, при писменномъ прошеніи зъ вѣрующимъ писмомъ, отъ его высокопревосходителства его высокородию даннымъ, персонално представливанъ, съ прошениемъ,

по вписаню оного въ урядовые земские книги, за обикновенною конфирмациею, выдачи на вѣчнопотомственное проданними его высокопревосходителствомъ его сиятелству генералъ фелдмаршалу и разныхъ ординовъ кавалеру графу Кириллѣ Григоровичу г. Разумовскому,—имѣниями въ томъ купчомъ запису выраженными, то есть домомъ, состоящимъ въ городѣ Бутуринѣ, со всѣмъ строениемъ каменнымъ и деревяннымъ, зъ садомъ и прикупленными къ оному дому двома местами и ланами, сверхъ же того хуторомъ, прозиваемимъ Скритное, со всѣми къ нему принадлежащими землями, сѣнними и лѣсними угодіи, такожъ и рибними ловлями; такъ какъ его высокопревосходителство владѣлъ и какъ значится въ урядовихъ его купчихъ по приложенному при ономъ купчомъ запису реестру написанныхъ, владѣние, по которомъ представленіи означенной купчой записъ въ ономъ земскомъ судѣ разсматриванъ и понеже по разсмотрению судовому, явился сочиненъ въ сходство малороссійского права книги статутъ въ раздѣлѣ 7-мъ, артикулѣ 1-мъ напечатанного, для того на оное отъ сторони его высокопревосходительства прошение, зъ опредѣления оного жъ земского суда въ урядовые земские книги на сей 772 годъ заведенные, отъ слова до слова подъ № 37-мъ на листахъ 87, 88 и 89-мъ съ приложеннымъ при томъ купчомъ запису, о крѣпостяхъ тому проданному имѣнию принадлежащихъ реестромъ въ точности вписанъ и по той записки вомѣсто виписѣ, за силу малороссійскихъ же правъ, той же книги статутъ въ роздѣлѣ 4-мъ, артикулахъ 13-мъ и 103-мъ напечатанныхъ, засимъ суда земского стверженнемъ съ подписомъ присудствующихъ въ судѣ земскомъ урядниковъ и съ приложениемъ печатей, потребуючой сторонѣ вышеупомянутому его сіятелству генералъ фелдмаршалу и разнихъ ординовъ кавалеру графу Кириллѣ Григориевичу Разумовскому, на вѣчнопотомственное вишевираженними въ семъ запису и въ приложенномъ при ономъ реестрѣ имѣниями, владѣние, изъ земского повета батуринского суда выданъ, году, мѣсяця и числа вышеписанныхъ. Судія земскій повѣту батуринского Петръ Забѣла.

Подсудія земскій повѣту батуринского Самойло Гриценко.

Писарь земскій Федоръ Пороховскій [1]).

[1]) Оба напечатанные въ приложеніяхъ документа находится, въ подлинникахъ, въ нашемъ собраніи.

Библіографія.

Dr. W. Łebiński. Materyały do Słownika historycznego języka i starożytności Polskich. I. Militaria. Odbitka z Roczników Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego. Poznań. 1889.

Польскіе источники имѣютъ весьма важное значеніе для изучающихъ историческія судьбы южной Руси. Они являются первенствующими для того періода, когда волею судебъ южная Русь составила одно политическое тѣло съ Польшей. Вслѣдствіе этого все, что дѣлается для научнаго уразумѣнія польской письменной старины, имѣетъ значеніе и для спеціалистовъ по южнорусской исторіи. Настоящая рецензія имѣетъ цѣлью отмѣтить одинъ изъ такихъ научныхъ шаговъ впередъ.

Польская письменность, зародившись въ средѣ католическаго духовенства, для обнаруженія себя въ словѣ естественно обратилась прежде всего къ помощи языка миссы и отцевъ церкви, языка панства и международныхъ сношеній,—къ помощи языка латинскаго. Съ XII по XVI вѣкъ латинскій языкъ былъ въ Польшѣ—языкомъ науки и литературы, суда и общественной жизни. Почти все, что оставили намъ въ наслѣдство польскіе умы за это время,—отлито въ формы рѣчи латинской. Позднѣе вмѣстѣ съ Реемъ (1507—1569?) и Кохановскимъ (1530—1584) проникъ въ польскую письменность и родной ей польскій языкъ, но прошло много времени, прежде чѣмъ онъ осилилъ своего могучаго собрата: сначала оба шли рядомъ, такъ, что одинъ и тотъ же писатель одни произведенія писалъ по латыни, а другія—по польски; затѣмъ, въ эпоху макаронизма, оба тѣсно сплелись вмѣстѣ въ широкихъ объятіяхъ славянскаго синтаксиса (типическій примѣръ—мемуары Паска); и только къ концу прошлаго XVIII вѣка польскій юноша одолѣлъ латинскаго старца и вытѣснилъ его

окончательно изъ не принадлежащей ему области. Вотъ почему, если изучать произведенія польскихъ авторовъ, начиная съ Мартина Галла (писалъ между 1110 и 1130 гг.) и кончая какимъ нибудь авторомъ «Любопытной естественной исторіи» Гавріиломъ Ржончинскимъ († 1737), или иные письменные памятники польской старины,—то приходится встрѣчать въ нихъ не только языкъ польскій, но и языкъ латинскій. Всякій, кто предавался этимъ изученіямъ, знаетъ, какія огромныя затрудненія представляютъ, попадающіяся какъ въ латинскихъ, такъ и въ польскихъ текстахъ, устарѣлыя, рѣдкія или техническія слова и выраженія и какъ мудрено бываетъ иногда добраться до ихъ настоящаго смысла. Ни въ лексиконахъ классической латыни, ни въ словарѣ средневѣковой латыни Дюканжа, который не собиралъ матеріала изъ польско-латинской письменности, ни въ словаряхъ живаго польскаго языка (напр. въ такъ называемомъ словарѣ эмигрантовъ) не можетъ читатель найти удовлетворительнаго разъясненія этихъ словъ и выраженій: для этого нуженъ спеціальный словарь, гдѣ собранъ былъ бы весь запасъ подобныхъ реченій съ соотвѣтствующими выписками изъ текстовъ и объясненіями филологическими и историческими. Выполнить такого рода задачу взялъ на себя познанскій ученый—докторъ Лебинскій. Сначала онъ сталъ собирать латинскія слова, не вошедшія въ лексиконы классической латыни и въ глоссарій Дюканжа [1]), или и вошедшія, но не съ тѣмъ значеніемъ, какое они имѣютъ у польскихъ авторовъ [2]). Плодомъ этихъ трудовъ явились напечатанные въ Познани въ 1885 году «Матеріалы для латинско-польскаго словаря средневѣковой латыни и польскихъ древностей». Какъ всякій первый шагъ въ новой области, словарь Лебинскаго имѣетъ свои недостатки. Во-первыхъ, въ него вошли глав-

---

[1]) Конечно, ни въ лексиконахъ классической латыни, ни у Дюканжа читатель не найдетъ такихъ олатыненныхъ польскихъ словъ, какъ, напримѣръ: *abgraniciare*=odgraniczyć, отграничить, 1530 года; *borra*=bór, borek, боръ (сосновый лѣсъ), 1329 года.

[2]) Такъ, напримѣръ, *camera* въ классической латины значитъ: сводъ, а у польскаго юриста Святослава изъ Войцешина это слово употребляется въ значеніи двора или амбара. *Camerarius* у Плинія значитъ: поднимающійся вверхъ (напр. cucurbitae=тыквы), а въ польскихъ источникахъ *camerarius*=komornik или woźny, какъ въ текстѣ: per camerarium vosney, qui dicitur nossec. *Bassus* у Святослава изъ Войцешина переводится, какъ: мужескій; напр. въ текстѣ: de basso consilio=z męźej rady; а Дюканжъ допускаетъ только значенія: crassus, pinguis, obesus, curtus, humilis.

нымъ образомъ слова изъ юридическихъ памятниковъ, собранныхъ Гельцлемъ, (Pomniki prawa polskiego) и изъ историческихъ памятниковъ, собранныхъ Бѣлевскимъ, (Monumenta Poloniae historica); запасъ словъ изъ произведеній собственно литературныхъ не попалъ въ словарь Лебинскаго [1]). Во вторыхъ, докторъ Лебинскій не выписываетъ тѣхъ контекстовъ, въ которыхъ встрѣчается данное слово, а ограничивается только переводомъ его на польскій языкъ и ссылкой на страницу книги, изъ которой оно заимствовано [2]). При этихъ условіяхъ смыслъ слова иногда мало выясняется, тѣмъ болѣе, что г. Лебинскій не прибавляетъ отъ себя никакихъ почти объясненій или этимологическихъ производствъ. Только къ концу книги, начиная съ буквы S, онъ дѣлается щедрѣе на выписки и объясненія. Тѣмъ не менѣе книга Лебинскаго была встрѣчена съ живою благодарностью любителями польской письменной старины и вызвала прекрасную рецензію бреславльскаго профессора Неринга въ «Варшавской Библіотекѣ» за 1886 годъ.

Въ настоящее время докторъ Лебинскій издалъ начало (I-ую часть) отчасти переработки, отчасти продолженія своего словаря подъ выписаннымъ выше заглавіемъ. Начало это обнимаетъ только слова, имѣющія какую-нибудь, хотя отдаленную, связь съ военнымъ бытомъ старой Польши. Переработкой прежняго труда оно является въ томъ смыслѣ, что въ новый словарь перешли изъ прежняго всѣ слова военнаго быта, какія только были въ прежнемъ, хотя съ новыми выписками и объясненіями [3]). Продолженіемъ прежняго труда это начало можно назвать въ томъ смыслѣ, что на ряду съ латинскими словами въ него внесены и тѣ устарѣлыя, рѣдкія или техническія польскія слова, которыя или не вошли въ словари живаго польскаго языка [4]), или, если и вошли, то съ инымъ значеніемъ [5]). Новый

---

[1]) Напримѣръ, у Лебинскаго нельзя найти рѣдкаго латинскаго слова, встрѣчающагося въ Роксоланіи Клёновича (стихъ 1333): *mystax* =франц. moustache, усы.

[2]) Такимъ, напримѣръ, образомъ: *achasia*, moszcz (виноградный сокъ). Ptr. U. Arch. Dz. LO. III, p. 163 (значитъ: Piotr z Uścia w Archiwum dla dziejów Literatury i Oświaty).

[3]) Слову *acies*, напримѣръ, въ первомъ словарѣ посвящено 2 строки, а во второмъ 41 строка.

[4]) Въ словарѣ эмигрантовъ (польско-французскомъ), который признается наиболѣе полнымъ, нѣтъ слова *arcerz* sajdaczny=стрѣлокъ изъ лука въ значеніи Купидона, которое попадается въ лирическихъ стихотвореніяхъ Коховскаго.

[5]) Слово *horodnia*, напримѣръ, переведено у эмигрантовъ (изд. 1874 г.): justice d'un château, тогда какъ въ старыхъ польскихъ текстахъ оно обозначаетъ *укрѣпленіе*.

трудъ доктора Лебинскаго почти свободенъ отъ тѣхъ недостатковъ, которые присущи были ему въ прежнемъ его видѣ [1]) Кругъ источниковъ, изъ которыхъ выбраны слова, расширенъ литературными прозведеніями польскихъ авторовъ, какъ, напримѣръ, Кохановскаго, Гурницкаго, Оржеховскаго, Стрыйковскаго, Твардовскаго, Коховскаго, Симоновича, Гавинскаго и другихъ, такъ что въ настоящее время мы имѣемъ въ словарѣ Лебинскаго очень порядочное пособіе при чтеніи памятниковъ польской письменности въ широкомъ смыслѣ этого слова. Жаль только, что объяснена пока одна только категорія словъ (militaria). Теперь съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія словаря г. Лебинскаго, которое охватывало бы слова быта церковнаго, государственнаго, судебнаго, домашняго и пр. Если г. Лебинскому удастся довести до конца свое предпріятіе, то онъ создастъ себѣ памятникъ, къ которому никогда не заростетъ тропа любителей польской письменной старины, а вслѣдъ за ними и спеціалистовъ по исторіи южной Руси.

А. Стороженко.

М. Комаровъ. Нова збирка народнихъ малоруськихъ прыказокъ, помовокъ, загадокъ и пр. Одесса 1890 г.

Небольшая эта книжечка полезна прежде всего своимъ довольно полнымъ, насколько можемъ судить, библіографическимъ указателемъ литературы предмета, т. е. не только всяческихъ собраній малорусскихъ пословицъ, поговорокъ, заклинаній, заговоровъ, присловій, загадокъ и пр. но и статей, касающихся этого предмета, начиная съ 1829 года и оканчивая 1888 г. Нечего и говорить о важности такого указателя для всѣхъ занимающихся народоописаніемъ, особенно если онъ составленъ возможно болѣе тщательно и подробно; въ дополненіе къ настоящему указателю не можемъ не указать, между прочимъ, пропущенный составителемъ замѣчательный трудъ извѣстнаго чешскаго писателя Челаковскаго «Mudrosloví národa slovanského v ři-

---

[1]) Выписки иногда черезъ-чуръ изобильны. Такъ, напримѣръ, подъ словомъ *cosaccus* выписано мѣсто изъ Титмара Мерзебургскаго подъ 1018 годомъ: (in Kijovia) populi ignota manus, que sicut omnis hec provincia ex fugitivorum robore servorum huc undique confluencium et maxime ex velocibus Danis. Нужно имѣть слишкомъ пылкую ученую фантазію, чтобы бродячія норманскія дружины княжеской эпохи связывать съ позднѣйшими малороссійскими козаками.

slovich» задуманный, впрочемъ, еще въ 1827 году и на Руси дѣйствительно малоизвѣстный.

Въ книжкѣ собрано 1275 пословицъ, въ большей части своей впервые напечатанныхъ, а иногда и совершенно новыхъ, либо явившихся въ свѣтъ подъ вліяніемъ преобразованій предшествовавшаго царствованія, либо вызванныхъ къ жизни общественными явленіями новаго порядка; таковы пословицы, относящіяся къ всеобщей воинской повинности (напр. «и мужыкъ и дворянынъ—уси сталы пидъ аршынъ), новымъ судамъ (напр., судыть по людски, розсудыть—не тямышъ по якивски, каже, що по закону (про мироваго судью), штундѣ (напр., штунда хочъ безъ попа, та зъ папкою (т. е. съ хлѣбомъ). Заговоровъ собрано 33, загадокъ 29. Нѣкоторыя изъ нихъ даже по складу рѣчи—совершенно новаго, такъ сказать, вчерашняго происхожденія (напр., ихала барыня у ночи, загубыла золоти ключи, мисяцъ бачывъ, а сонце знайшло» роса), хотя со стороны содержанія и не представляютъ собою чего либо совершенно новаго, что впрочемъ въ значительной мѣрѣ относится и къ нѣкоторымъ другимъ пословицамъ (напр. «Зъ ляхомъ говоры, а пидъ полою каминь державы», «Не кыдай шляху для стежкы», и др.). Расположеніе матеріала сдѣлано, какъ намъ сдается, не всегда цѣлесообразно: вообще заглавія содержимаго книжки размѣщены въ азбучномъ порядкѣ *предметовъ* рѣчи, *обнимающихъ собою* отдѣльныя группы пословицъ, загадокъ и пр. (напр. «мѣсяцъ» «молитва», «музыка», «напасть», «наука», «неволя» и пр.); а между тѣмъ нѣкоторыя пословицы помѣщены подъ заглавіями, далеко не отвѣчающими ихъ содержанію и взятыми нерѣдко, очевидно, отъ перваго, т. е. начальнаго слова... Таковы, напр. помѣщенныя въ самомъ началѣ книжки пословицы: 1) Або вишай, або до дому пускай—мини треба на ярмарокъ ихати, 2) Абы хата—буде досвитчана маты; первая помѣщена подъ заглавіемъ: *або*, а вторая—*абы (?!)* Въ такомъ случаѣ отчего-же подъ этотъ 2-й отдѣлъ *(Абы)* не подведена хотя бы, напр., пословица № 683 (Абы озеро, а найдеться жаба, що буде квакала), а пословица 684 (Де Рымъ, де Крымъ, а де злодійска корчма) не озаглавлена словомъ: де ? Не согласны мы съ составителемъ и въ соединеніи въ одну группу, подъ случайнымъ притомъ заголовкомъ, нѣсколькихъ пословицъ, между которыми можно подмѣтить лишь чисто внѣшнюю связь; так подъ заглавіемъ «Минуле» объединены, напр., пословицы 675 (Гай, гай! де нашъ викъ подився?) и 676 (Минулася ляхамъ воля, а жидамъ манна), къ которымъ, при подобной точкѣ зрѣнія могли бы быть пристегнуты я

многія другія (напр. № 350, 299, 845 Симъ литъ, то й памяти нитъ, 1007 и др.). Подъ заголовкомъ «Дуля» не помѣщена пословица 253. (Таку дулю пиднесу, що ажъ чхатыме, якъ понюхае), отнесенная почему то къ отдѣлу «Гризьба» (?!). Съ другой стороны пословицу 387 (Не штука справныку дулю даты въ кешени), кажется, лучше было бы отнести къ отдѣлу «Исправникъ», чѣмъ къ отдѣлу «Дуля», такъ какъ вся суть этой пословицы, конечно, заключается въ словѣ «исправникъ». Въ такомъ родѣ можно было бы сдѣлать еще немало замѣчаній, но, кажется, достаточно и вышеприведенныхъ, тѣмъ болѣе что они почти не уменьшаютъ значенія книжки и указаны лишь въ смыслѣ поправокъ въ расположеніи матеріала.

А. Степовичъ.

Сборникъ историчеекихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива при университетѣ Св. Владиміра И. Каманинымъ и М. Истоминымъ. К. 1890.

Мысль печатать, такъ называемые, случайные документы кіев. центр. архива, не вошедшіе въ большіе томы систематически подобранныхъ актовъ, издаваемыхъ кіевскою археогр. коммиссіею, нельзя не назвать практичной. Этимъ цается возможность интересующимся историческими судьбами нашего отечества пополнять пробѣлы въ систематически сгруппированныхъ актахъ и подчасъ улавливать многія бытовыя черты прошлаго, не всегда рѣзко очерчиваемыя въ дѣловыхъ бумагахъ, касающихся крупныхъ историческихъ событій.

Сборникъ документовъ, заглавіе котораго нами выписано выше, по заявленію издателей его, долженъ именно служить для осуществленія указанной мысли. Въ вышедшемъ теперь въ свѣтъ первомъ выпускѣ его мы находимъ рядъ дѣлъ подъ такими заглавіями: 1) Московскій купецъ паломникъ въ г. Луцкѣ въ 1661 году, 2) дѣло о лазутчикахъ 1613 года, 3) «Челобите на студентовъ за князя Хованскаго» (1700 г.), 4) къ исторіи городскаго самоуправленія по магдебургскому праву (1566 г.) и 5) изъ исторіи международныхъ отношеній Польши и Россіи по документамъ 1616, 1748, 1758 и 1734—1780 годовъ. Каждому ряду дѣлъ издатели предпосылаютъ свои историческія справки и тщательные комментаріи.

Обращаясь къ пересмотру содержанія дѣлъ „Сборника", мы видимъ, что они представляютъ неодинаковый научный интересъ.

Едва ли мы ошибемся, если къ числу менѣе интересныхъ отнесемъ дѣло о московскомъ купцѣ-паломникѣ, проѣзжавшемъ г. Луцкъ въ 1561 г. Изъ документа этого мы узнаемъ, что въ 1558 г. Иванъ Грозный отправилъ на Востокъ, къ святымъ мѣстамъ и ко всѣмъ восточнымъ патріархамъ, архидіакона новгородскаго Геннадія съ московскими купцами Андреемъ, Яковомъ, Василіемъ Позняковыми. Послы везли съ собой милостыню монастырямъ и подарки патріархамъ. Проѣзжая черезъ Вильно, они заручились отъ польскаго короля грамотою на свободный и безпошлинный проѣздъ чрезъ всѣ его владѣнія. Побывавъ затѣмъ на Востокѣ и у папы, посольство въ 1561 г. возвращалось въ Москву и снова чрезъ земли литовскія. Во главѣ посольства на этотъ разъ состоялъ купецъ Василій Позняковъ, о возвращеніи же братьевъ его и архидіакона Геннадія въ документѣ не упоминается. При появленіи своемъ въ Луцкѣ Позняковъ вмѣстѣ съ вещами былъ задержанъ луцкимъ войтомъ, цельникомъ господарскимъ Иваномъ Яцковичемъ Борзобогатымъ, который, кромѣ войтовскихъ обязанностей, несъ еще обязанности ключника, городничаго и мостовничаго. Жалуясь на него гродскому луцкому суду, Василій Позняковъ заявилъ: «войтъ, не дбаючи на листъ его королевское милости мене гамует, хотечи на мнѣ мыта от тых речей, што есми от господаря своего, князя великого московскаго, до горы Синайское возилъ». Войтъ не обратилъ вниманія на жалобу Познякова и ограничился предложеніемъ отпустить возы его съ вещами, оставивъ въ Луцкѣ до выясненія дѣла только лично самого Познякова. На томъ документъ и оканчивается.

Свѣдѣніе о посольствѣ, въ немъ упоминаемомъ какъ видимъ изъ справки г. Каманина, имѣются въ большей подробности во второй новгородской лѣтописи, гдѣ, между прочимъ, отмѣчено и порученіе Ивана Грознаго Геннадію—писать объ обычаяхъ странъ восточныхъ. Къ тому, что тамъ повѣдано, напечатанный документъ ничего не прибавилъ, кромѣ извѣстія о задержаніи Познякова въ Луцкѣ при слѣдованіи его чрезъ этотъ городъ на обратномъ пути. Г. Каманинъ объясняетъ это задержаніе результатомъ завязывавшихся между Польшей и московскимъ государствомъ враждебныхъ отношеній изъ-за Ливоніи, причемъ дѣлаетъ предположеніе, что, кромѣ паломническихъ цѣлей, посольство Ивана Грознаго могло имѣть и цѣли дипломатическія, а именно должно было содѣйствовать отысканію на западѣ союзника для великаго князя московскаго, и ради этого ни много, ни мало обязано было озаботиться о соединеніи восточной

церкви съ западной. Думается, что такое комментированіе даннаго документа заходитъ въ слишкомъ ужъ далекія выси. Не проще ли бы было фактъ задержанія Познякова Борзобогатымъ объяснить исключительно нравомъ этого послѣдняго и его всегдашнею склонностью къ насилію, тѣмъ больше, что онъ, какъ это мы узнаемъ отъ г. Каманина, не задумался незадолго предъ тѣмъ ограбить и посла, отправленнаго польскимъ королемъ съ подарками и грамотами къ турецкому султану, да и вообще чинилъ не мало незаконныхъ дѣяній. Задержаніе же имъ московскаго посла изъ за политическихъ мотивовъ въ 1561 г., за два года до разрыва мирныхъ отношеній Польши съ московскимъ государствомъ, было бы слишкомъ рановременнымъ.

Вникая за симъ въ дѣло о лазутчикахъ 1613 г., нельзя сказать, чтобы и въ немъ было много существенныхъ и новыхъ данныхъ, а равно нельзя не усумниться и тутъ въ существованіи достаточныхъ основаній для тѣхъ аналогій, какія допущены въ »Сборникѣ».

Значительно большій интересъ въ «Сборникѣ» представляютъ остальныя дѣла. Особенно же цѣнно по бытовымъ подробностямъ «челобите на студентовъ за князя Хованскаго» (1710 г.) «Челобите» это заключаетъ въ себѣ прекрасную иллюстрацію отношеній студентовъ кіево могилянской коллегіи къ кіевскимъ жителямъ. Крайняя бѣдность студентовъ и скудость ихъ содержанія въ коллегіи ставили ихъ въ необходимость обращаться не только къ прошенію милостыни, на что получали они даже соизволеніе коллегіатскаго начальства, но и воровству и даже грабежу. Проще всего казалось бы было въ случаѣ эксцессовъ послѣдняго рода потерпѣвшимъ жителямъ Кіева обращаться съ жалобами на студентовъ къ ихъ училищному начальству, но этотъ путь уже издавна былъ признанъ кіевскими мѣщанами за ненадежный, ибо ректоръ коллегіи, сознавая безъисходность матеріальнаго положенія студентовъ, не могъ съ нихъ строго взыскивать за ихъ проступки, конечной цѣлью которыхъ было добываніе себѣ хлѣба насущнаго. При томъ же всегдашнія недоразумѣнія коллегіи съ горожанами изъ-за того, что Братскій монастырь владѣлъ домами въ городѣ и прилежащими къ городу землями, настраивали коллегіатское начальство враждебно противъ горожанъ и мѣшали ему удовлетворять даже справедливыя жалобы послѣднихъ. Между тѣмъ подчасъ студенты производили въ городѣ нѣчто невообразимое. Такъ, однажды они ограбили жида Беня Абра-

мова, пріѣзжаго изъ Фастова. Онъ пожаловался въ ратушу, а послѣдняя довела дѣло до коллегіатскаго начальства. Обиженные этимъ студенты въ теченіи нѣсколькихъ дней гонялись за жидомъ и наконецъ, «ухвативъ того жида, смертно били кіями, голову до кости пробили и денегъ чотири рубли оборвали, а подячий и урядники ледво от тых студентовъ поутекали, и жидъ, смертно раненный и кровю сплынучий, прийшолъ въ майстратъ».

Дѣло дошло до воеводы, князя Петра Ивановича Хаванскаго. Посланные послѣднимъ для арестованія студентовъ стрѣльцы успѣли захватить изъ нихъ семь человѣкъ, и это вызвало среди остальныхъ студентовъ большое смятеніе. Они «почали бити въ большой колоколъ на сполохъ, да множество ихъ, собрався в Братскій монастырь, с саблями, с пистолями, с дубемъ погнали у слѣдъ за стрельцами и многихъ поранили смертно. И какъ тѣ стрельцы ушли, и они, студенты, по рынку въ редахъ и по улицамъ, имая служивыхъ людей и мещанъ, смѣртно позабывали; а извожчиковъ, на площадке бивъ, побрали у нихъ лошади и привели в бурсу; такожде и нашихъ мѣщанъ в редахъ, в лавках и по улицам имая, били и всякое разореніе дѣлали»... И повторялись подобные разгромы часто. Крали студенты у мѣщанъ вино, медъ, муку, масло, пшено; «такожде и животину всякую з дворовъ зводили и убивъ съ того себѣ кормъ имѣли; да дрова и дерево хоромное з дворовъ мещанскихъ беручи и стѣны градскія на дрова разбираючи, в школу и бурсу по сту человѣка и болѣе носили и вское воровство дѣлали». Обо всѣхъ подобныхъ безчинствахъ студентовъ и принесена была мѣщанами жалоба царю. Когда же отъ царя немедленнаго удовлетворенія не послѣдовало, тогда мѣщане самоуправно раздѣлались со студентами. Послѣ этого выступили съ жалобой на мѣщанъ къ царю кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій и рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій; они просили пожаловать коллегію собственнымъ академическимъ судомъ надъ провинившимися студентами и освободить ихъ па будущее время отъ «безчинства и дерзости кіевскихъ мѣщанъ». Въ отвѣтъ на это челобитье, читаемъ въ послѣсловіи г. Каманина, 26 сентября 1701 г. Петръ В. далъ жалованную грамоту кіево-могилянской коллегіи; въ этой грамотѣ, впервые утверждающей за коллегіей названіе академіи, между прочимъ предписывается обиженнымъ мѣщанамъ искать управы на студентовъ, въ случаѣ ихъ вины, у ректора и префекта. Если же послѣдніе

не удовлетворили бы просителей, то жалоба можетъ быть перенесена на нихъ къ митрополиту и только за отказомъ послѣдняго разрѣшается обращаться мѣщанамъ къ общему суду кіевскихъ воеводъ. Начальству коллегіи и теперь, въ свою очередь, приказывалось, чтобы студентамъ къ невоздержанію ихъ потачки не было».

И напечатаніе даннаго челобитья, и историческія справки по поводу его, конечно, при разработкѣ нашей бытовой исторіи окажутся очень пригодными.

Не иное значеніе будутъ имѣть при разработкѣ того же вопроса, въ частности исторіи нашихъ городовъ, и акты, касающіеся городскаго самоуправленія по магдебургскому праву, пополняющіе собой прежде напечатанные матеріалы по данному вопросу. Читателямъ «Кіевской Старины» памятны еще печатавшіяся въ ней обстоятельныя статьи г. Каманина о злоупотребленіяхъ въ нашихъ городскихъ магистратахъ въ прошломъ и началѣ текущаго столѣтія. Документы, имъ теперь напечатанные, относятся къ XVI столѣтію и затрогиваютъ тотъ же вопросъ о злоупотребленіяхъ со стороны войтовъ и райцевъ, засѣдавшихъ впрочемъ не въ городскомъ увравленіи Кіева, а только города Владиміра Волынскаго. Въ новыхъ данныхъ этихъ г. Каманинъ видитъ новое подтвержденіе ранѣе сдѣланнаго имъ заключенія, что общественное мнѣніе въ городахъ было сильнѣе въ болѣе ранніе періоды существованія магдебургскаго права, и что общественное мнѣніе это долго имѣло свое выраженіе въ собственномъ судѣ горожанъ надъ своими представителями. Формъ такого суда мы до сихъ поръ не имѣли, хотя и извѣстно, что въ XVII в. по такому суду кіевскій войтъ Ходыка за всякія злоупотребленія былъ «подъ ледъ посаженъ воды пити» (В. Б. Антоновичъ. Войты Ходыки. Монографіи), а въ XVIII вѣкѣ въ 1739 и 1740 годахъ отъ правит. Сената и Канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ предписывалось магистрату кіевскому произвесть слѣдствіе о растратахъ, начиная съ 1732 г. «безъ всякаго отлагательства и упущенія и, буде кто явится въ сборахъ и расходахъ и въ отчетѣ неправенъ и противъ тѣхъ правъ виновенъ, съ тѣми поступать по своимъ правамъ, кто чему будетъ достоинъ». Въ напечатанномъ же теперь документѣ 1566 г. мы имѣемъ именно гласное слѣдствіе владимірскихъ мѣщанъ надъ ихъ войтомъ Максимомъ Ивановичемъ Людовичемъ. На слѣдствіе это мѣщане г. Владиміра собрались единодушно, какъ одинъ «посполитый человѣкъ». Много было сдѣлано вопросовъ войту и райцамъ о безотчетной растратѣ городскихъ суммъ, а далѣе допрашивавшіе

войта коснулись и предпочтенія, оказываемаго войтомъ шляхтѣ, землянамъ и даже жидамъ предъ ними, мѣщанами, интересы коихъ онъ обязанъ блюсти. «Мовили теж войту и рядцамъ, сказано въ документѣ, иж дей вы, будучи старшими нашими, не бороните нас, мѣщан, от шляхты, иж нас у волностях наших забирают, бьют, грабят и не толко въ дубровах, ане на полю и на предъмѣстю, не маемъ оцъ нихъ покою, а вы дей о то и не мовите, але дей еще ты самъ, пане войте, кажешь забирати, грабити». «Мовили теж пану войту и рядцам: чому дей земяномъ кгрунтъ мѣстскій у волоки поступили, а мѣщане не маютъ на чемъ робити?» «Мовили дей тежъ пану войту и рядцемъ: чому дей есте жидамъ мѣстца и пляцы на будоване подавали, а мѣщаномъ не допустили, от которых бы подачки ку отправѣ и потребѣ мѣстской могли приходити?» Но несмотря на серьезность всѣхъ обвиненій войтъ остался неуязвленнымъ. Староста владимірскій слишкомъ мирволилъ Людовичу, который былъ однимъ изъ тѣхъ войтовъ, что путемъ хлѣбнаго войтовства стремились выйти изъ среды мѣщанства въ среду шляхетскую. Ни къ чему не повело, очевидно, и послѣдовавшее черезъ полгода перенесеніе владимірскими мѣщанами дѣла своего въ чужой луцкій гродскій судъ; по крайней мѣрѣ документовъ объ окончаніи даннаго дѣла не найдено.

Послѣ матеріаловъ о городскомъ самоуправленіи, интересныхъ, какъ видимъ, и по своему содержанію, и по комментаріямъ къ нимъ почтеннаго издателя, въ «Сборникѣ» мы находимъ еще рядъ дѣлъ изъ исторіи международныхъ отношеній Польши и Россіи. Дѣла эти, какъ и историческія справки къ нимъ издателей «Сборника», представляютъ значительный интересъ для затронутаго вопроса о пограничныхъ отношеніяхъ двухъ государствъ. Но содержаніе этой части работы г.г. Каманина и Истомина мы пересказывать не будемъ отчасти по недостатку мѣста, а отчасти и потому, что одна изъ статей г. Каманина, относящаяся къ напечатаннымъ имъ теперь документамъ и приведенная тоже въ «Сборникѣ», была помѣщена имъ въ 1882 г. въ «Кіевской Старинѣ» и, вѣроятно, памятна многимъ изъ нашихъ читателей.

Я. Ш.

Древности сѣверо-западнаго края. Т. I. Вып. I. Изд. импер. археологической коммиссіи. Спб. 1890.

По своему содержанію настоящій выпускъ распадается на двѣ части: 1) изслѣдованіе Н. П. Авенаріуса «Дрогичинъ Надбужскій и его древности» и 2) Описаніе нѣкоторыхъ древностей, найденныхъ въ витебской губерніи, составленное по матеріаламъ археологической коммиссіи.

Дрогичинъ—названіе заштатнаго города, лежащаго на правомъ берегу Западнаго Буга, въ бѣльскомъ уѣздѣ гродненской губерніи. Историческія судьбы Дрогичина и его окрестностей узнаемъ изъ краткаго свода лѣтописныхъ извѣстій, предпосылаемаго г. Авенаріусомъ его изслѣдованію. За этою вводною главою слѣдуетъ обозрѣніе древностей, найденныхъ большею частію случайно близь Дрогичина, благодаря весеннимъ разливамъ Буга, подмывающимъ нагорный берегъ и открывающимъ древности. Между ними найдена, между прочимъ, куфическая монета VIII ст.; далѣе—предметы украшенія, домашнія орудія, рѣже—оружіе; но особенно интересными оказываются свинцовыя пластинки, съ оттисками церковно-славянскихъ буквъ и изображеніями креста (различныхъ типовъ), руки съ мечемъ, человѣка, лица, головы въ шапкѣ, орла, четвероногаго, гуся,—пластинки, нигдѣ, кромѣ Дрогичина, не встрѣчающіяся и нѣсколько загадочныя по своему назначенію; авторъ приходитъ къ такому заключенію: свинцовыя пластинки, по всей вѣроятности, служили пломбами, но едва ли товарными или таможенными,—и предполагаетъ, что онѣ могутъ принадлежать къ такому разряду предметовъ, для опредѣленія котораго у насъ нѣтъ даже соотвѣтствующаго слова. За обозрѣніемъ древностей дрогичинскаго городища слѣдуетъ обозрѣніе курганныхъ раскопокъ, произведенныхъ г. Авенаріусомъ въ бѣльскомъ уѣздѣ, причемъ оказывается, что многія древности, найденныя въ могилахъ, сходны съ тѣми, которыя добыты въ городищѣ. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ вопросъ о народности открытаго имъ въ могилахъ племени, подробно останавливаясь на анализѣ одного изъ двухъ сдѣланныхъ имъ предположеній, а именно, что это были ятвяги, и отвергая его, въ пользу другого предположенія, что могилы принадлежать одному изъ славянскихъ племенъ. Изслѣдованіе свое авторъ заключаетъ обзоромъ позднѣйшихъ судебъ Дрогичина и остатковъ этой позднѣйшей старины.

Вторая часть названной книги представляетъ описаніе древностей, присланныхъ въ разное время въ археологическую коммиссію изъ витебской губ. и поступившихъ потомъ, по большей части, въ Эрмитажъ. Описанію этому предпосланъ библіографическій обзоръ. Наиболѣе интереса представляютъ древности, присланныя въ 1886 г. А. А. фонъ-Крузе, и найденныя въ имѣньи его Людвиковѣ динабургскаго уѣзда. Въ древностяхъ витебской губ. замѣчается сходство съ древностями прибалтійскаго края.

Къ книгѣ приложена карта части бѣльскаго уѣзда, 7 таблицъ рисунковъ, красиво литографированныхъ и 28 политипажей.

В. Я.

Обозрѣніе журналовъ.

1) Вѣстникъ Европы, 9—10; 2) Русская Мысль, 9—10; 3) Сѣверный Вѣст., 9—10; 4) Русская Старина, 9—10; 5) Историч. Вѣстн., 9—10.

«Вѣстникъ Европы» № 9. А. В—нъ. «С. Т. Аксаковъ о Гоголѣ» приведены извлеченія изъ статьи С. Т. Аксакова «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», помѣщенной въ Русскомъ Архивѣ въ книгѣ 8-й, 1890 года, съ изложеніемъ отношеній Гоголя къ С. Т. Аксакову и его семейству (стр. 340—352). А. Н. Пыпинъ. «Особая Исторія русской литературы»,—излагающая взглядъ автора вообще на галицкую литературу и разборъ книги галицкаго писателя Огоновскаго «Исторія литературы руской» (стр. 241—274).

10. Въ отдѣлѣ критики краткая рецензія на книгу П. В. Владимірова: «Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя. Письмо Н. В. Гоголя 1827 г. къ Г. И. Высоцкому и предполагаемый портретъ Гоголя—студента. Съ четырьмя снимками и портретомъ». Кіевъ. 1890 г. (стр. 851—853).

«Русская Мысль» № 9. Въ отдѣлѣ библіографіи краткая рецензія о книгѣ: *Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ екатеринославской и харьковской губ. Манжурою.* Харьковъ. 1890 г., часть которыхъ была помѣщена на страницахъ «Кіевской Старины» (стр. 417); краткая замѣтка о книгѣ: *Матеріалы для исторіи земской медецины въ александрійскомъ*

уѣздѣ, херсонской губ., съ 1865 г. по 1890 г. Составлены врачемъ Н. И. Тезяковымъ. Александрія, 1890 г. (стр. 435); рецензія на книгу: «Мертвыя» души Н. В. Гоголя» (опытъ разбора). Составилъ С. Бураковскій. Изданіе второе. Цѣна 45 к. Новгородъ. 1890 г. (стр. 435—436).

«Сѣверный Вѣстникъ» № 10. Въ отдѣлѣ критики—краткая рецензія на книжечку протоіерея І. Наумовича: «Какъ въ простотѣ живутъ люди. Разсказъ изъ галицко-русской жизни» (стр. 97—98).

«Русская Старина» № 9. *Василій Трофимовичъ Нарѣжный Н. А. Бѣлозерской.* Начало біографіи литератора Нарѣжнаго, который и родился (1780 г.) въ Малороссіи (въ мѣстечкѣ Уставицы, гадячскаго повѣта) и въ произведеніяхъ своихъ обнаруживалъ основательное знакомство съ историческою и бытовою Малороссіей. (стр. 469—521).

10. Дневникъ академика—профессора А. В. Никитенко. Упоминается объ обѣдѣ въ честь актера Мартынова, на которомъ присутствовалъ Т. Г. Шевченко (стр. 155).

«Историческій Вѣстникъ» № 9. *Н. Шигаринъ. Въ деревнѣ на юго-западѣ въ тридцатыхъ годахъ (отрывокъ изъ воспоминаній)*,—излагающая воспоминанія автора о жизни помѣщиковъ 40-хъ годовъ въ волынской губ., гдѣ онъ провелъ свое дѣтство (стр. 573—584).

Въ отдѣлѣ смѣси: *раскопки въ Таращѣ*, гдѣ говорится о выкопанныхъ около с. Лѣсовичи, таращанскаго уѣзда, костяхъ мамонта и образовавшихся тамъ, но еще неизслѣдованныхъ, обвалинъ на мѣстѣ бывшаго города Самбара (стр. 711). *Историческій музей въ Москвѣ*—съ краткимъ указаніемъ на нѣкоторые памятники юга Россіи. (стр. 711—713).

10. А. И. Кирпичниковъ. «Былыя знаменитости русской литературы»—Подробно излагается біографія бывшаго въ началѣ текущаго столѣтія попечителя харьковскаго учебнаго округа А. А. Перовскаго, извѣстнаго въ свое время (подъ псевдонимомъ А. Погорѣльскаго) беллестриста, произведеніями своими возбудившаго интересъ публики къ Малороссіи (стр. 45—82). *Въ отдѣлѣ критики:*—краткая рецензія на: «Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга четвертая. Издана подъ редакціей Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1890 г.» (стр. 242—244) и на: «Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ 1 (XVI ст.). Переводъ К. Мельникъ (подъ редакціей В. Б. Антоновича). Кіевъ. 1890» (стр. 248—249).

Въ отдѣлѣ смѣси: краткая историческая справка о городѣ Николаевѣ (херсонской губ.) по поводу 100 лѣтняго юбилея его существованія (стр. 272), краткая біографія профессора кіевской духовной академіи Н. И. Петрова, по поводу 25 лѣтія его научной дѣятельности (стр. 275); некрологъ извѣстнаго дѣятеля юга Россіи А. Н. Поля, умершаго 26-го іюля (стр. 275); и некрологъ († 26 августа) бывшаго профессора харьковскаго университета И. В. Платонова (стр. 278).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Алексѣя Н. Веселовскаго, Э. А. Вольтера, Н. Л. Гондатти, В. П. Горленка, М. В. Готовицкаго, А. Н. Грена, С. Я. Дерунова, М. А. Дикарева, М. В. Довнаръ-Запольскаго, М. Довойно-Сильвестровича, проф. М. С. Дринова, И. Е. Забѣлина, Н. К. Зейдлица, А. П. Звонкова, А. А. Ивановскаго, П. В. Иванова, А. А. Казмина, В. В. Каллаша, В. В. Кандинскаго, проф. А. И. Кирпичникова, М. М. Ковалевскаго, проф. Ѳ. Е. Корша, Г. И. Куликовскаго Ю. Н. Мелгунова, проф. В. Ѳ. Миллера, П. Н. Милюкова, А. Н. Миноха, В. М. Михайловскаго, Г. Н. Потанина, А. Н. Пыпина, Е. Р. Романова, А. П. Сопунова, В. И. Сизова, проф. И. Н. Смирнова, проф А. И. Соболевскаго, проф. М. И. Соколова, Е. Т. Соловьева, проф. Н. Ѳ. Сумцова. А. А. Титова, акад. Н. С. Тихонравова, В. Тихонова, В. К. Трутовскаю, профес. Г. А. Халатова, А. Н. Харузина, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова, П. В. Шейна, Н. М. Ядринцева, Е. И. Якушкина и др.

Изданія посящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи, при чемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій будутъ служить слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычаи, обряды.
2. Народная словесность, языкъ.
3. Народная музыка и др. искусства.
4. Народная медицина
5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д.
6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ.
7. Историческая и доисторическая этнографія
8. Обзоръ жизни и дѣятельности русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, будутъ помѣщаться также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе.

Обширный библіографическій отдѣлъ изданія заключаетъ въ себѣ:

1. Отзывы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, по скольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи.

2. Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданій: ежемѣсячныхъ еженедѣльныхъ, ежедневныхъ и др., съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3. Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Въ отдѣлѣ „Смѣси“ сообщаются мелкіе этнографическіе матеріалы.

Наконецъ, въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также приложенія, портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ и т. п.

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ выходитъ 4-мя книжками въ годъ (въ 12—15 листовъ каждая) приблизительно въ слѣдующіе сроки 1-я кн.—въ началѣ марта. 2-я—въ началѣ іюня, 3-я—въ концѣ сентября, 4-я—въ концѣ декабря.

Цѣна годовому изданію безъ перес 4 р. 50 к., съ перес. 5 р., за границу 6 р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ по 1 р. 50 к. съ перес. Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка 40%.

Епарх. Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 гг. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп., а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 г. по 4 р.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1890 гг, по 7 р. съ пересылкою Экземпляры „Трудовъ“ за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 к., съ пересылкою 80 коп.; 1874—1890 гг. по 1 руб. № 5. 1—3.

Дозволено ценз. Кіевъ, 8-го ноября 1890 г.

Объ Иванѣ Андреевичѣ (№ 23) говорится въ родословной 1797 г. и въ Списк. двор. черн. губ. стр. 49; затѣмъ см. Зап. Як. Марк. II, 298 г. — его женитьба въ 1751 году въ с. Шабалиновѣ, которое ему и его наслѣдникамъ потомъ принадлежало. Онъ владѣлъ еще землею въ с. Куреняхъ, нѣжинскаго полка, бахмачской сотни, и здѣсь же ему принадлежалъ хуторъ на бѣловѣжской степи, поселенный дѣдомъ его Андреемъ Марковичемъ, который и понынѣ назыв. Марковичевъ хуторъ (см. Зап. черн. губ. ст. Коммитета 1866 г. кн. I, стр. 273 и 325); изъ дѣлъ Департамента Герольдіи видно, что у него было свыше 500 душъ; имя его жены тоже сохранилось въ бумагахъ, находящихся въ Департаментѣ Герольдіи. Потомство Ивана Андреевича Марковича внесено было въ VI ч. родосл. книги.

Другихъ сыновей у Андрея Андреевича (№ 7) не было—см. Зап. Як. Марк. II, 244; дочери же его Анна и Ульяна сперва жили у дѣда, Андрея Марковича (№ 3), а съ 1743 г. у дяди, Якова Андреевича (№ 6)—ibid. 198,—отъ котораго и вышли замужъ; о ихъ мужьяхъ см. ibid. 257, 270, 289. О Анастасіи Андреевнѣ сообщено нами г. Дорошенкомъ.

Объ Андреѣ Марковичѣ (№ 24) говоритъ родословная 1797 г., поданная его роднымъ братомъ; затѣмъ см. Зап. Як. Марк. II, 275, 298, 330; жена его Вовдя была горничною у дяди его Якова Андреевича и онъ женился на ней, укравши ее ночью изъ дома дяди. Жилъ онъ въ с. Засульи; вѣроятно, къ нему относятся нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщенныя г. Куриловымъ—см. выше; мы даже готовы думать, не этотъ ли Андрей Марковичъ былъ женатъ во второй разъ на Столповской.

Иванъ Марковичъ (№ 25) упоминается въ Дневникѣ Ханенка, какъ родившійся въ 1733 г.; такъ какъ о немъ болѣе свѣдѣній нѣтъ, даже и въ родословной 1797 г., составленной его роднымъ братомъ, то очевидно онъ умеръ ребенкомъ.

Маркъ Марковичъ (№ 26) указанъ въ родословной изд. Р. Стариною; родословная же 1797 г. и о немъ не упоминаетъ. Если указаніе первой не есть простая ошибка, значитъ и онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.

Іосифъ Марковичъ (№ 27)—составитель указанной выше родословной 1797 г., въ которой онъ говоритъ и о себѣ. Затѣмъ въ нашей семьѣ сохранилось выданное ему изъ Департамента Герольдіи Доказательство дворянъ Марковичевъ. Такъ какъ родство наше съ Іосифомъ Марковичемъ отдаленное, то полагаемъ, что, когда онъ выхлопоталъ для себя Доказательство, и другія вѣтви рода Марковичей выпросили для себя въ Департаментѣ копіи съ него. Въ Зап. Як. Марковича объ Іосифѣ Марковичѣ упоминается—II, 398, 412; ему принадлежала часть с. Засулья и, кажется, часть с. Тарасовки въ Стародубьи (Оп. стар. Малор. вып. I, стр. 167).

О дочери Марка Марковича, бывшей за Кулябкою, см. Зап. Як. Марк. II, 339, 351 и др.

Объ Аннѣ, дочери Луки Андреевича (№ 9), есть свѣдѣнія въ Зап. Як. Марковича и въ архивномъ дѣлѣ о с. Короваяхъ; о мужѣ ея см. Зап. II, 378.

Иванъ Семеновичъ (№ 28) былъ сынъ Семена Андреевича (№ 10) отъ перваго брака. По Зап. Як. Марковича можно прослѣдить его жизнь довольно обстоятельно—см. I, 376, II, 121, 244, 276, 283, 285, 286; онъ женился въ 1749 г., а въ 1750 г. уже умеръ. О томъ, что онъ владѣлъ с. Короваями, упоминаетъ и Як. Андр. Марковичъ, но подробно говорится въ архивномъ объ этомъ селѣ дѣлѣ. Въ родословной 1797 г. онъ не показанъ, вѣроятно, потому, что умеръ давно, и родъ отъ него не пошолъ.

Иванъ Семеновичъ (№ 29) былъ сынъ Семена Андреевича (№ 10) отъ втораго брака; см. Зап. Як. Марк. II, 294 и 300. Женился онъ въ 1751 г. очень молодымъ, еще когда учился; потомъ жилъ въ с. Короваяхъ (см. выше архивное дѣло). Къ этому Ивану Семеновичу относится актъ, напечатанный Лучицкимъ ор. cit. стр. 265, причемъ, судя по примѣчанію, подобные акты есть и еще. Въ родословной 1797 г. объ этомъ Марковичѣ упоминается.

О Варварѣ Семеновнѣ см. Зап. Як. Марк. I, 413; объ Аннѣ Семеновнѣ сообщено намъ г. Дорошенкомъ.

Объ Андреѣ Ивановичѣ (№ 30) говоритъ родословная 1797 г.; очевидно о немъ же, какъ о жителѣ г. Роменъ, сообщены свѣдѣнія

въ Ист. ст. опис. ром. Св. Дух. собора сост. И. Куриловымъ, только онъ ошибочно называется тамъ Андреемъ Андреевичемъ. О немъ же и о сестрѣ его упоминаетъ Як. Андр. Марковичъ въ Зап. II, 393, и видно, что въ этой семьѣ болѣе лицъ не было.

Но нами указаны, повидимому, не всѣ женщины V поколѣнія рода Марковичей, вѣтви Андрея Марковича (№ 3). Яковъ Андреевичъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ еще нѣсколькихъ племянницъ; это могутъ быть дочери или Семена Андреевича (№ 10), т. е. Варвара Семеновна и ея сестра (или сестры), или Марка Андреевича (№ 8), что менѣе вѣроятно, такъ какъ объ этой семьѣ въ запискахъ сохранилось болѣе свѣдѣній, или, наконецъ, Олеси Андреевны Троцкой. Въ виду неясности, я не помѣстилъ этихъ племянницъ въ родословную; но вотъ на нихъ указанія: II, 110—племянница Якова Андреевича была за Турковскимъ и умерла до 1740 г. II, 355—въ 1758 г. племянница Парафѣевская; это можетъ быть фамилія, ибо такая въ Малороссіи существуетъ; но можетъ означать, что эта племянница была изъ с. Парафіевки, которая тоже есть (нынѣ въ борзенск. у. черниг. губ.); и II, 356—племянница, бывшая раньше попадьей въ с. Евдокольи, потомъ капитаншей.

Константинъ и Иванъ Дмитріевичи (№№ 31 и 32) есть въ родословныхъ; имя жены перваго узнано изъ дѣла въ Департаментѣ Герольдіи; имя жены второго, нашей прабабки, извѣстно намъ изъ семейныхъ разсказовъ.

Лица подъ №№ 33 и 34 и ихъ сестры—родъ историка Н. Ан. Марковича, и, какъ мы сказали, повидимому свѣдѣнія о нихъ внесены въ родословную изд. Русск. Стариною изъ его бумагъ.

№ 35 упоминается въ Дневникѣ Ханенка стр. 261; вѣроятно, отъ него родъ не пошолъ.

Свѣдѣнія о дѣтяхъ Ивана Федоровича Марковича (№ 17): сынѣ Яковѣ (№ 36) и дочери Екатеринѣ, старшей чѣмъ сынъ, сохранились въ бумагахъ, полученныхъ нами отъ И. И. Марковича (см. выше), потомка этого Якова Ивановича. Изъ нихъ видно, что въ 1747 г., когда мать Ивана Федоровича уступнымъ письмомъ дѣлила имущество между наслѣдниками, его уже не было въ живыхъ,

а дѣти его были малолѣтними; потомъ они состояли въ опекѣ, и опекуномъ былъ дядя Андрей Федор. Марковичъ (№ 13), а березанскія имущества Думитрашковъ были въ опекѣ у значк. тов. лубенскаго Григорія Петровскаго. Около 1762 г. Яковъ Ивановичъ и Екатерина Ивановна раздѣлились родительскимъ имуществомъ, причемъ сохранился во первыхъ раздѣльный реестръ отъ 1762 г. марта 16-го, которымъ Екатеринѣ Ивановнѣ выдѣлялось весьма значительное движимое имущество изъ наслѣдства послѣ ея матери, и во вторыхъ мировая запись между Яков. И. Марковичемъ и мужемъ Ек. Ив—ны капитаномъ Петромъ Лукашевичемъ, 1766 г. февр. 4, коею Як. Марковичъ выдѣляетъ сестрѣ четвертую часть с. Козлова, а за провладѣніе ею въ теченіе 4 лѣтъ отдаетъ въ прилуцк. полку хуторъ Воронизкій со всѣми угодьями и съ лѣсами переволочанскими.

Еще ранѣе, въ 1763 г. 16 января Яковъ Ивановичъ уступчивымъ записомъ передалъ дядѣ своему Андр. Фед. Марковичу грунты въ Прилукѣ и возлѣ нея, полученныя въ наслѣдство, въ благодарность за хлопоты дяди по опекѣ. Но, кажется, эта передача была не совсѣмъ пристойная, такъ какъ сохранилось начало жалобы Екатер. Ивановны, бывшей уже замужемъ, въ генеральный судъ, что дядя ея, прилуцкій подкоморій Андр. Фед. Марковичъ не сдалъ находящаго у него въ опекѣ ея и брата отцовскаго, а болѣе материнскаго имущества, и что, устроивъ передачу опеки фавориту своему полковому эсаулу Никифору Носенку, онъ склонилъ затѣмъ Якова Ивановича передать ему, какъ сказано выше, отцовскія земли въ Прилукщинѣ. Въ прошеніи упоминается, что, какъ ею, такъ и ея братомъ къ Андр. Фед. Марковичу предъявлены иски. Чѣмъ кончилось дѣло—не видно, но Е. И. Лукашевичъ вела этотъ процессъ и въ 1766 г.

Затѣмъ о Яковѣ Ивановичѣ см. еще у Лучицкаго op. cit. № XLII. Имя жены его сообщено И. И. Марковичемъ; другое имя значится въ Мотыженскомъ архивѣ, К. 1890, стр. V; надо полагать, что онъ былъ женатъ дважды.

О лицахъ подъ №№ 37—40 (и сестрахъ ихъ) свѣдѣнія по-

лучены отъ П. Я. Дорошенка; есть эти лица и въ родословной 1797 г.

Яковъ Михайловичъ (№ 37)—авторъ Записокъ о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ ч. I, Спб. 1798; см. о немъ еще предисловіе къ 1 ч. Исторіи Малороссіи Бантыша-Каменскаго.

Объ Александрѣ Михайловичѣ (№ 40) см. еще въ журналѣ Древняя и Новая Россія 1879 г. № 1, стр. 53—55 г. Лазаревскаго: Марковичи стр. 82. Это издатель Записокъ Якова Марковича; онъ былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ; изъ его сочиненій знаемъ историческую и статистическую записку о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ черниговской губерніи—Матерьялы для статистики Росс. Имперіи отд. IV, изд. 1840 г.

Свѣдѣнія о лицахъ, находящихся подъ №№ 41—43 частью есть въ родословной 1797 г., частью сообщены намъ внукомъ лица, означеннаго подъ № 41, Иваномъ Матвеевичемъ Марковичемъ; о женѣ указаннаго подъ № 41 — Кониской см. Сп. черниг. двор. стр. 49. Василій (№ 43) показанъ здѣсь начинающимъ службу въ измайловскомъ полку (стр. 50).

Лица, указанныя подъ №№ 44—46, есть въ родословной 1797 г. Свѣдѣнія о женѣ лица, означеннаго подъ № 45, и ея 2-мъ бракѣ сохранились въ дѣлахъ Департамента Герольдіи.

Лица подъ №№ 47—49 упоминаются въ дѣлахъ Департамента Герольдіи; о первыхъ двухъ (и ихъ сестрахъ) знаемъ и изъ разсказовъ ихъ потомковъ.

Лица, означенныя №№ 50—54 (и сестра ихъ) извѣстны намъ изъ семейныхъ разсказовъ; иныхъ мы и сами помнимъ; изъ нихъ Дмитрій и Илья Ивановичи (№№ 51 и 53) жили въ с. Туровкѣ, прилуцк. у.; а Петръ Ивановичъ (№ 54) въ с. Смоши того же уѣзда. Не ручаемся однако за правильность порядка именъ №№ 50—54, заимствованнаго нами изъ родословной изд. Русск. Стариною. По словамъ нѣкоторыхъ нашихъ родственниковъ вторымъ сыномъ Ивана Дмитріевича (32) былъ Александръ, третьимъ Петръ, четвертымъ Илья и пятымъ Дмитрій; впрочемъ, это не имѣетъ особаго значенія.

№№ 55 и 56 (и ихъ сестры) указаны въ родословной изд. Русск. Стариною; родъ историка Н. А. Марковича; № 55 жилъ въ с. Туровкѣ прилуцк. уѣзда.

Свѣдѣнія о № 57 (и его сестрѣ) частью сообщены И. И. Марковичемъ, его внукомъ, частью есть въ Департаментѣ Герольдіи; см. еще Сулиминскій Архивъ стр. 150.

Свѣдѣнія о лицахъ, означенныхъ №№ 58—63, и ихъ сестрахъ получены отъ П. Я. Дорошенка. № 60 жилъ въ с. Бучкахъ новгородъ-сѣверскаго уѣзда, № 61 въ д. Антоновкѣ пирятинск. уѣзда, и № 62 въ с. Перервинцахъ, тоже пирятинскаго уѣзда.

О лицахъ №№ 65—68 сообщено намъ И. Матв. Марковичемъ; иныя свѣдѣнія нашлись въ Департаментѣ Герольдіи; см. также Списки черн. двор. стр. 49. Эта вѣтвь Марковичей владѣла с. Шабалиновымъ.

Василій Ивановичъ (№ 69) упоминается въ родословной 1797 г., иныя свѣдѣнія отыскивались въ Департ. Герольдіи; жилъ онъ въ с. Кулажинцахъ пирятинскаго уѣзда. О женѣ его сообщилъ намъ его внукъ Д. В. Марковичъ, оговорившійся, что фамилію бабки онъ помнитъ не точно; между тѣмъ мать этого Василія Ивановича была во второмъ бракѣ за Керстиновымъ. Родословная изд. Р. Стариною считаетъ этого Василія Ивановича сыномъ Ив. Фед. Марковича (№ 17); Дмитр. Вас. Марковичъ полагалъ, что его дѣдъ Вас. Ив—чъ (№ 69) былъ сынъ Ив. Сем. Марковича (№ 29); но оба мнѣнія ошибочны; точныя свѣдѣнія мы нашли въ дѣлахъ Департамента Герольдіи; В. И. Марковичъ—внукъ Ив. Сем—ча (№ 29).

Лица, означенныя №№ 70—84, и ихъ сестры, извѣстны намъ или лично, или по семейнымъ разсказамъ; № 75 упоминается въ Департ. Герольдіи; № 70 жилъ въ с. Колесникахъ, №№ 74—80 въ с. Туровкѣ, № 81 въ с. Смоши и № 84 въ с. Гурбинцахъ; всѣ въ прилуцкомъ уѣздѣ.

№№ 85 и 86 и ихъ сестры—семья историка Н. Ан. Маркевича; самъ онъ жилъ въ с. Туровкѣ, братъ его въ с. Васковцахъ прилуцкаго же уѣзда.

№№ 87—89 частью извѣстны изъ дѣлъ Департамента Герольдіи, частью указаны И. И. Марковичемъ.

№№ 90—97 и ихъ сестры указаны намъ г. Дорошенкомъ.

О лицахъ подъ №№ 98—102 знаемъ частью отъ Ивана Матвеевича Марковича (№ 98), частью изъ дѣлъ Герольдіи.

Свѣдѣнія о №№ 103—107 сообщены Дмитріемъ Васильевичемъ Марковичемъ, сыномъ № 107.

Лица, помѣщенныя подъ №№ 110—121, и ихъ сестры намъ извѣстны лично.

Свѣдѣнія о лицахъ подъ №№ 122—127 и ихъ сестрахъ сообщены намъ сыномъ Андрея Николаевича Марковича (№ 122); но большинство изъ нихъ намъ извѣстно лично.

О лицахъ, указанныхъ подъ №№ 128—135, намъ сообщено Ипполитомъ Ивановичемъ Марковичемъ (№ 129).

№№ 136—140 извѣстны по указанію И. М. Марковича (№ 98) и по свѣдѣніямъ въ Департаментѣ Герольдіи.

О №№ 141—145 и сестрахъ ихъ сообщено намъ Дмитріемъ Васильевичемъ Марковичемъ (№ 143).

№№ 146—147 и ихъ сестры намъ извѣстны лично.

О №№ 148—157 и ихъ сестрахъ сообщено Ю. Н. Марковичемъ (№ 150).

О № 158 есть въ дѣлахъ Департамента Герольдіи.

О № 159 сообщено постороннимъ лицомъ.

Въ настоящей родословной есть, конечно, пропуски; напр. навѣрное не внесены многія лица, умершія въ молодости, память о которыхъ у ихъ родныхъ сгладилась; затѣмъ намъ извѣстно, что нѣкоторые Марковичи VIII и IX поколѣній имѣютъ семейства; но мы не знаемъ ихъ точно; они могутъ сами заявить о себѣ въ исправленіе настоящей родословной. Возможно, что въ этой родословной есть и неправильности.

Изъ старинныхъ портретовъ лицъ изъ рода Марковичей намъ извѣстны слѣдующіе, весьма немногіе:

1) Марка Аврамовича (№ 2) у Пармена Андреевича Марковича (№ 63) въ с. Сварковѣ, глуховск. у. (по указанію П. Я. Дорошенка). Это старая и нѣсколько испорченная копія съ оригинала, который долженъ былъ храниться въ Густынскомъ монастырѣ; см. объ этомъ Кіевск. Стар. 1885 г. № 12, статью П. Я. Дорошенка.

2) Андрея Марковича (№ 3)—несовсѣмъ достовѣрный, подаренный кѣмъ-то И. М. Марковичу (№ 98), владѣльцу с. Шабалинова; по словамъ лица, подарившаго портретъ, онъ изъ дома Скоропадскихъ или Полуботковъ перешолъ по наслѣдству въ его родъ и всегда былъ извѣстенъ, какъ портретъ Андрея Марковича (сообщено И. М. Марковичемъ).

3) Гетманши Анастасіи Марковны Скоропадской, очень хорошій— въ Гамалѣевскомъ монастырѣ; съ него хорошая литографія въ Дневныхъ Запискахъ Якова Марковича изд. 1859 г. (сообщено г. Дорошенкомъ).

4) Якова Андреевича (№ 6)—хранился въ с. Сварковѣ, но сгорѣлъ во время бывшаго тамъ въ 1870-хъ годахъ пожара. Литографія съ него, чрезвычайно удачная, въ тѣхъ же Дневныхъ Запискахъ (Сообщено г. Дорошенкомъ).

Затѣмъ имѣется нѣсколько портретовъ Марковичей, жившихъ недавно, напр. изъ VI поколѣнія: Андрея и Александра Михайловичей (№№ 39 и 40) у П. Ан. Марковича (№ 63) въ с. Сварковѣ; Ивана Константиновича (№ 47), бывшій въ с. Колесникахъ прилуцк. у. у Дм. Ив. Маркевича (70), а теперь находящійся въ с. Смоши того же у. у Мих. Александр. Гижицкаго; Петра Ивановича (№ 54)—два портрета: на полотнѣ и очень изящный медальонный на фарфорѣ—въ с. Гурбинцахъ того же уѣзда, у Елисаветы Петровны Новицкой; вѣроятно такіе, сравнительно поздніе, портреты есть и еще у кого либо изъ рода Марковичей.

Приложеніе къ родословной Марковичей.

Изслѣдованіе о происхожденіи рода Марковичей.

Вопросъ о происхожденіи Марковичей—Маркевичей былъ источникомъ не малыхъ споровъ и до сихъ поръ не можетъ считаться рѣшеннымъ. Въ сущности для насъ интересно лишь происхожденіе извѣстныхъ малорусскихъ Марковичей, именно потомковъ Марка Аврамовича (№ 2 въ нашей родословной), а не вообще Марковичей, и даже не вообще малорусскихъ Марковичей. Это вопросы неразрѣшимые, такъ какъ фамилія Марковичей патрономинальная, подобно великорусскимъ Марковымъ; она сперва была отчествомъ, а потомъ стала прозвищемъ и фамиліей и лишь обозначаетъ дѣтей и потомковъ Марка, какого бы ни былъ этотъ Маркъ происхожденія. Какъ отчество, Марковичъ употреблялось еще въ древне-русской исторіи: въ половинѣ XIII в. знаемъ галицкаго боярина Якова Марковича, въ началѣ XIV в. былъ тверской бояринъ Александръ Марковичъ; но смѣшно было бы видѣть въ нихъ предковъ позднѣйшихъ Марковичей: у этихъ бояръ просто отцы имѣли имя Марка. Если мы гдѣ либо позднѣе въ исторіи южной Руси встрѣчаемъ Марка [1]), то дѣти его, если у него таковыя имѣлись, были Марковичи. Но дѣло въ томъ, что попадаются такіе Марковичи (и Маркевичи) въ южной Россіи XVI—XVIII в., генеологическая связь которыхъ съ извѣстными малорусскими Марковичами путемъ гипотезъ можетъ казаться установленною, хотя эти гипотезы и очень смѣлы. Вотъ онѣ то и

---

[1]) Напр. Маркъ, Пекаринъ зять, мѣщанинъ межирицкій въ Брацлавщинѣ, бывшій въ 1596 г. атаманомъ въ войскѣ Лободы, или Маркъ, козацкій черкасскій полковникъ, жившій въ половинѣ XVII в. въ с. Антоновкѣ, и т. п.; см. этихъ лицъ въ указателѣ къ изданіямъ Кіевск. коммиссіи для разбора древн. актовъ К. 1878 г.

повели къ спорамъ, почти безуспѣшнымъ, и стали источникомъ мнѣній о происхожденіи малорусскихъ Марковичей отъ евреевъ, сербовъ, изъ западной Россіи и изъ южной Россіи; причемъ иные изслѣдователи пытались и согласить эти мнѣнія, хотя очень малоуспѣшно.

Мнѣніе о еврейскомъ происхожденіи Авраама (№ 1 нашей родословной), а слѣдовательно и его потомковъ—Марковичей есть наиболѣе ходячее и, пожалуй, найболѣе обоснованное на фактахъ; его особенно поддерживаетъ Лазаревскій въ статьѣ о Марковичахъ. Но приводимые имъ въ доказательство факты можно истолковать и такимъ образомъ, что относительно Андрея Марковича (№ 3) уже было въ 20-хъ годахъ XVIII в. преданіе, что его предки были выкресты изъ евреевъ, объясняемое, можетъ быть, какъ характеромъ Андрея Марковича, такъ и знаніемъ, что есть Марковичи евреи (см. ниже), да еще, пожалуй, и тѣмъ, что Марковичи, какъ мы сказали выше въ примѣчаніяхъ къ родословной, могли дѣйствительно перейти изъ православія въ уніатство и изъ уніатства опять въ православіе. Но окончательнаго убѣжденія въ еврейскомъ происхожденіи Андрея Марковича, человѣка начала XVIII в., факты, приводимые Лазаревскимъ, не даютъ, особенно когда мы видимъ дѣйствующими въ XVII в. въ той же самой мѣстности, гдѣ жили Авраамъ и его потомки Марковичи, иныхъ Марковичей, какъ то прилучанина Якуба Марковича въ 1615 г. (Лѣт. мон. Густ. стр. 8) и урядника прилуцкаго Адама Марковича въ 1638 г. (Акты отн. до истор. южн. и зап. Рос. т. III, стр. 6—7), въ дѣятельности которыхъ находимъ достаточно общихъ чертъ съ дѣятельностью извѣстныхъ уже намъ Марковичей XVIII в. (см. выше). Г. Дорошенко, даже не располагая этими фактами, все же отрицаетъ мнѣніе о еврейскомъ происхожденіи извѣстныхъ Марковичей, не выставляя, впрочемъ, своего мнѣнія, кажется, онъ склоненъ приписывать Марковичамъ присхожденіе мѣстное, южнорусское.

Иное мнѣніе, горячо поддерживаемое въ свое время историкомъ Никол. Андр. Марковичемъ и перешедшее въ родословную изд. Русскою Стариною, приписываетъ Марковичамъ происхожденіе сербское. Въ Сербіи, въ Нахіи Барской, между Баромъ и Скутарскимъ озе-

ромъ есть цѣлое племя Мрковичей, иначе Марковичей; нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли въ послѣднее время историческую извѣстность, напр. Свѣтозаръ Марковичъ. Относительно переселеній сербовъ Марковичей въ Россіи въ XVIII—XIX в. имѣются положительныя данныя; такъ въ 1754 г. былъ сербскій прапорщикъ Дмитрій Марковичъ, даже презрительно относившійся къ „малороссійской породѣ" (Кіевск. Стар. 1885 г. № 7, стр. 510); какой то Николай Марковичъ сербской націи изъ г. Будина въ 1761 г. поступилъ корнетомъ въ острогожскій легкоконный полкъ, и потомство его живетъ въ бирючск. у. воронежск. губ. [1]); въ Одессѣ и теперь есть г. Марковичъ, сербъ по происхожденію, даровитый каррикатуристъ и сотрудникъ мѣстныхъ газетъ. Но нельзя ли найти въ южной Руси сербовъ Марковичей въ XVII в.?

Сперва сопоставимъ такіе факты: сербы въ Малороссію вообще выѣзжали и съ XVI в. въ козакахъ служили [2]); въ XVII в. мы ихъ встрѣчаемъ даже въ старшинѣ; такъ Иванъ Сербинъ (убитый въ 1665 г.) былъ козацкимъ брацлавскимъ полковникомъ, Василій Войца Сербинъ былъ при ц. Феодорѣ Алексѣевичѣ переяславскимъ полковникомъ и т. п. Въ 1611 г. мы и встрѣчаемъ „своволънаго козака" Марка Сербина [3]), жившаго на Волыни (Арх. ю. з. Росс. ч. I, т. 1, стр. 174—184); дѣти его, или другого, подобнаго ему серба Марка, непремѣнно были Марковичи, а затѣмъ и ихъ потомки, если только эти дѣти и потомки существовали.

Далѣе, была какая то связь между малорусскими Марковичами начала XVIII в. и сербскими выходцами вообще; такъ епископъ г. Ниша Рувимъ, прибывшій въ Россію изъ Сербіи и долго жившій въ построенномъ имъ монастырѣ близъ г. Сосницы, поѣхалъ за

---

[1]) Изъ дѣла въ Департ. Герольдіи; въ другомъ дѣлѣ упоминается Иванъ Марковичъ подполковникъ въ 1789 г. въ иллирическомъ полку—греческой націи; его потомство живетъ въ бахмутск. уѣздѣ екатериносл. губ.

[2]) Въ южной Руси есть даже села Сербы, изъ которыхъ одно на Волыни въ нынѣшнемъ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ, другое въ подольской губерніи, въ могилевскомъ уѣздѣ.

[3]) Этого факта не знали ни историкъ Ник. Андр. Марковичъ, ни составитель родословной, изд. Русск. Стариною, иначе они не преминули бы имъ воспользоваться.

милостынею къ иркліевскому сотнику Словую [1]), родомъ тоже сербу, а потомъ къ Андрею Марковичу, въ гостяхъ у котораго и умеръ (Чтен. моск. общ. ист. и др. 1884 г. кн. II, Опис. актовъ южнорусск. монастырей стр. 23). Извѣстный Феофанъ Прокоповичъ не разъ отправлялъ къ Якову Андреевичу Марковичу (№ 8) сербовъ съ просьбою о нихъ позаботиться (Кіевск. Стар. 1882 г. № 6. Письма Феофана Прокоповича къ Як. Андр. Марковичу 1716—1719 г.). Такіе факты дѣйствительно могутъ сдѣлать довольно правдоподобнымъ предположеніе о сербскомъ происхожденіи малорусскихъ Марковичей; но для окончательнаго въ этомъ убѣжденія ихъ все же недостаточно; можетъ быть Марковичи начала XVIII в. уже знали о сербахъ Марковичахъ и сами хотѣли казаться людьми сербскаго происхожденія.

Иные изслѣдователи выводятъ малорусскихъ Марковичей изъ западной Руси; именно архіеп. Филаретъ черниговскій считалъ предкомъ Маркевичей слуцкаго выходца XVII в. купца Марка Гимбара (Ист. ст. опис. черн. еп. VII, стр. 300), преданія о которомъ, какъ объ основателѣ с. Березы подъ г. Глуховомъ, сообщилъ нѣкто Козьма Зарульскій Як. Андр. Марковичу, помѣстившему ихъ въ своихъ Запискахъ. Будою, гдѣ Маркъ Гимбаръ [2]) выдѣлывалъ поташъ и смальчугъ, владѣла по его смерти жена его „Марчиха“, почему и буда эта стала называться Марчишина буда (Дневн. Зап. Як. Марк. I, 286—287).

У этого Марка Гимбара былъ сынъ Маркъ Марковичъ Гимбаровичъ, владѣлецъ с. Березы въ 60-хъ годахъ XVII в., о которомъ нѣкоторыя свѣдѣнія тоже сообщены у архіеп. Филарета (op. cit. VII, стр. 300, также стр. 359); но онъ, повидимому, смѣшиваетъ его съ отцомъ, тогда какъ это явно два разныхъ лица, почему преданіе объ основаніи Маркомъ Гимбаромъ с. Березны опро-

---

[1]) Предокъ Романовичей-Славатинскихъ.

[2]) Архіеп. Филаретъ и Лазаревскій называютъ этого Гимбара Кимбарою (первый, впрочемъ, съ извѣстною цѣлью—см. ниже); конечно, онъ писался Кгимбаръ или Кгимбара, причемъ Кг произносилось, какъ g; Як. Андр. Марковичъ и называетъ его Гимбаромъ; потомъ иные стали произносить Кг, какъ к.

вергнуто у арх. Филарета неправильно, такъ какъ универсалъ 1662 г. нѣжинскаго полковника Василія Золотаренка, по которому дано Марковичу с. Береза, гдѣ уже былъ войтъ etc. (Зап. черн. губ. ст. комм. 1866 г. кн. I, стр. 17) относится къ сыну, т. е. къ Марку Марковичу и очевидно лишь подтверждаетъ его право на владѣніе с. Березой. Къ Марку Марковичу же относятся и указанія Лазаревскаго, что онъ умеръ въ 1669 г., а вдова его Агафья Ефимовна постриглась въ 1671 г. въ монахини и устроила глуховскій Преображенскій монастырь. Отецъ же, т. е. Маркъ Гимбаръ въ такомъ случаѣ былъ человѣкомъ примѣрно первой четверти XVII в.

Сознаемся, что показаніе Зарульскаго въ началѣ XVIII в. о событіи начала XVII в. есть свѣдѣніе довольно смутное; Як. Андр. Марковичъ и занесъ его въ Записки, какъ преданіе; но оно недурно объяснило бы намъ появленіе въ лѣвобережной Малороссіи нѣкоторыхъ изъ Марковичей раньше рода Авраама, и притомъ какъ разъ въ томъ районѣ (Стародубье, Глуховъ), гдѣ потомъ дѣйствовалъ и родъ Марка Аврамовича. Якубъ и Адамъ Марковичи прилучане могли быть родственниками черниговскихъ Марковичей и предками Авраама, Марка Авраамовича и т. д.

Лазаревскій считаетъ предположеніе о происхожденіи Марковичей отъ Гимбара однако ошибочнымъ, не объясняя, почему; между тѣмъ оно вовсе не противорѣчитъ его мнѣнію о еврейскомъ ихъ происхожденіи, ибо слуцкій купецъ Гимбаръ могъ быть именно выкрещенный еврей. Принимать же мнѣніе архіеп. Филарета о происхожденіи Гимбара отъ литовскихъ шляхтичей герба Сѣкиры фамиліи Кимбаръ вовсе нѣтъ необходимости. Какъ извѣстно, и въ посполь-ствѣ и у евреевъ попадаются фамиліи, сходныя съ шляхетскими, напр. Абрамовичи [1]).

---

[1]) Были евреи и Ограновичи—см. Проток. засѣд. археогр. комм. I, стр. 327 въ 1516 г.; припомнимъ, что Маркъ Аврамовичъ (№ 2) былъ женатъ на дочери Корнѣенка, позднѣе прозывавшагося Ограновичемъ, предка малорусскихъ Ограновичей.

Одно время и мы готовы были утверждать, что дѣйствительно Марковичи, потомки Авраама (№ 1), происхожденія западно-русскаго, а именно, что они родомъ изъ Корнина (нынѣ мѣстечко сквирского уѣзда кіевской губерніи). Въ помянникѣ Супрясльскаго монастыря (Виленская Публичная библіотека рукопись № 29, стр. 58) записанъ родъ Марковичи з Корнина: Помяни, Господи, рабъ своихъ Феодора, Акилину, Пелагею, Ирину, Мартина и Лазаря. Такъ какъ у Марка Аврамовича (№ 3) былъ сынъ Феодоръ (№ 5) и дочери Пелагея и Ирина, то можно было полагать, что записанные въ супрясльскомъ помянникѣ Марковичи относятся къ извѣстнымъ малорусскимъ Марковичамъ, которые такимъ образомъ явились бы родомъ изъ Корнина; тѣмъ болѣе, что, какъ увидимъ ниже, есть достаточо указаній на пребываніе вообще Марковичей на Волыни, на границѣ съ которою лежитъ и м. Корнинъ. Принявъ предположеніе г. Лазаревскаго, что у Марка Авраамовича (№ 3) было пять сыновей, мы видѣли въ Мартинѣ и Лазарѣ тѣхъ сыновей, имена которыхъ остаются неизвѣстными. Имя Акилины Марковичъ насъ не затрудняло, такъ какъ неизвѣстны многія изъ женщинъ рода Марковичей XVII—XVIII в., какъ это видно изъ самой родословной. Но знакомство съ копіей духовнаго завѣщанія Феодора Марковича убѣдило насъ, что у него было только два брата (см. выше). Однако предположеніе, что запись относится къ роду прилуцкихъ Марковичей, все же возможно: Мартинъ и Лазарь могутъ быть такими лицами изъ рода Марковичей, которыя умерли очень молодыми и потому не попали въ какіе либо акты или въ родословныя.

Смущаетъ насъ нѣсколько приписка на боку въ Супрясльскомъ помянникѣ при этомъ родѣ Марковичей: рока 1724,—какъ-бы указывающая, что означенныя въ помянникѣ лица умерли до этого года, тогда какъ и Федоръ Марковичъ, и сестры его этотъ годъ пережили; но самое помѣщеніе приписки сбоку, какъ бы случайно, указываетъ, что она позднѣйшая и потому можетъ быть неточною.

Почему внесены въ супрясльскій помянникъ только эти Марковичи, сказать трудно; но опять возможно предположеніе, что семья Феодора Марковича, послѣ его смерти, могла вспомнить о Корнин-

скомъ происхожденіи Марковичей и сдѣлать пожертвованіе въ Супрясльскій монастырь на поминъ души его и нѣкоторыхъ, почему либо въ данное время обратившихъ вниманіе его семьи, членовъ его рода. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, что на корнинскомъ происхожденіи Марковичей нашего рода мы не особенно настаиваемъ; прибавимъ развѣ, что на единство этого рода съ родомъ малорусскихъ Марковичей, равно и съ родомъ Марка Кгимбаровича указываютъ и библейскія имена: Яковъ, Адамъ, Авраамъ, Маркъ, Лука, Лазарь. Имена эти собственно еврейскія; но ими можно подкрѣпить и нетолько гипотезу о еврейскомъ происхожденіи рода Марковичей, но и о сербскомъ, такъ какъ у сербовъ тоже очень часты библейскія имена.

Конечно, приведенное выше указаніе, что Марковичи могли быть родомъ изъ Корнина, нисколько не противорѣчитъ мнѣнію Лазаревскаго о ихъ еврейскомъ происхожденіи: они могли быть тамъ выкрещенными евреями.

Въ доказательство западно-русскаго происхожденія Марковичей приводятъ еще одинъ, слѣдующій фактъ: Въ спискѣ волынскихъ обывателей 1569 г. упоминается Павелъ Яцковичъ Черневскій з Марковичъ (жизнь кн. Курбскаго I, 20). Указаніе на Волынь довольно любопытно; припомнимъ, что и Марко Сербинъ жилъ на Волыни, и Корнинъ близко отъ нея, и Слуцкъ не особенно далеко отъ Волыни, особенно тогдашней; ниже приведемъ и еще указанія на Марковичей съ Волыни. Но что значитъ з Марковичъ? Вѣрнѣе всего, что это обозначеніе мѣстности; извѣстно даже село Марковичи въ мельницкой волости въ луцкомъ повѣтѣ [1]), на Волыни (Акты отн. къ ист. ю. и з. Р. т. VI подъ 1450 г.; ими владѣлъ луцкій земянинъ панъ Олизаръ Шиловичъ); тогда это указаніе не имѣетъ той важности, которую ему приписываютъ. Но, если понимать з Марковичъ въ смыслѣ изъ рода Марковичей, то оно

---

[1]) Въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой въ XVII в. были еще села Марковичи (Старые и Новые—Доп. къ А. И. т. XI, стр. 17); есть они и нынѣ, на южной границѣ могилевской губерніи; см. въ Новомъ Времени 1886 г. № 3699 въ статьѣ С. В. Максимова въ концѣ насмѣшки надъ жителями с. Марковичей.

служитъ довольно важнымъ указаніемъ на существованіе западно-русскихъ Марковичей въ XVI в.

Чтобы спасти это, казавшееся ему столь цѣннымъ, указаніе на родъ Марковичей, составитель родословной изд. Русскою Стариною допускалъ, что Марковичи сербы сперва переселились на Волынь и потомъ, уже во время гоненій на православіе, не желая принять уніи, перешли на лѣвый берегъ Днѣпра. Это, конечно, домыслъ самого составителя родословной и несовсѣмъ удачный, такъ какъ одинъ изъ очень рано извѣстныхъ Марковичей лѣвобережья Адамъ былъ именно гонитель православія; но, какъ мы видѣли, Марко Сербинъ въ 1611 г. дѣйствительно жилъ на Волыни, и эта дата отдѣлена отъ указанія на Павла Яцковича з Марковичъ промежуткомъ всего въ 42 года, что весьма немного; на переселеніе же Марковичей изъ правобережья Днѣпра въ лѣвобережье указываетъ и гипотеза архіеп. Филарета и запись помянника Супрясльскаго монастыря; смѣнить же унію на православіе Марковичи могли въ половинѣ XVII в.

Мы готовы допустить еще одно предположеніе, которое, еслибы его можно было доказать, не мало могло бы содѣйствовать разрѣшенію вопроса о происхожденіи Марковичей. Не ошибся ли архіеп. Филаретъ въ показаніи, что Маркъ Гимбаръ былъ выходецъ изъ Слуцка и не слѣдуетъ ли читать с Луцка, т. е. изъ Луцка, значитъ опять съ Волыни? [1]) Это предположеніе еще лучше можетъ быть согласовано съ корнинскимъ происхожденіемъ Марковичей и не противорѣчитъ мнѣнію Лазаревскаго.

Словно нарочно для того, чтобы затруднить рѣшеніе вопроса о происхожденіи рода Марковичей, но въ тоже время и завлечь къ его рѣшенію, находимъ очень странное совпаденіе: мы видѣли на Волыни въ 1569 г. пана Павла Яцковича Черневскаго з Марковичъ, причемъ Яцковичъ здѣсь вѣроятнѣе всего отчество—сынъ Яцека (Іакинфа). Маркъ Гимбаровичъ, о которомъ тоже было говорено выше, былъ товарищемъ пана Ивана Яцковича: они вмѣстѣ

---

[1]) По крайней мѣрѣ знаемъ, что на Волыни въ луцкомъ повѣтѣ былъ землевладѣльцемъ одинъ изъ Кимбаровскихъ (Арх. ю. з. Р. ч. 3, т. II, стр. 375).

заложили около г. Чернигова двѣ буды (Ист. ст. оп. черн. еп. VII, 359). Затѣмъ встрѣчаемъ около г. Стародуба и село Яцковичи (ibid. 100—101 и Опис. Стар. Малор. вып. I, стр. 146). Фамилія Яцковичъ, потомъ Яцкевичъ, могла быть и сербскою; по крайней мѣрѣ мы сами знали въ Москвѣ Яцкевичей, приписывавшихъ себѣ сербское происхожденіе; съ другой стороны Яцковичи могли быть и евреями, только выкрестившимися и нобилизированными.

Укажемъ и еще одно совпаденіе: Сергій Кимбаръ около 1536 г. былъ супрясльскимъ архимандритомъ (А. ю. з. Р. ч. I, т. VII, стр. 1).

Въ XVII—XVIII в. встрѣчаются въ лѣвобережной Малороссіи, т. е. въ Черниговщинѣ и Полтавщинѣ, Марковичи,—которые живутъ и дѣйствуютъ въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, гдѣ и потомки Авраама и въ одно и тоже время, но, повидимому, не принадлежатъ къ этому роду; фактовъ мы подобрали достаточно, занимаясь въ архивѣ Департамента Герольдіи, и здѣсь укажемъ лишь на важнѣйшіе:

Въ архивѣ Департамента Герольдіи находится дѣло 1791 г., изъ котораго видно, что искали признанія ихъ дворянами Марковичи, представившіе слѣдующую свою генеологію: предокъ ихъ Маркъ былъ шляхетской породы и жилъ въ Чигиринѣ, откуда сынъ его Иванъ или Богданъ въ 1677 г. пріѣхалъ въ нынѣшнюю Полтавщину съ двумя братьями Григоріемъ и Калеником и съ сыномъ старшаго брата Ивана же Кирилломъ. Всѣ эти лица въ концѣ XVII в. были козаками, причемъ Григорій Марковичъ въ 1712 г. былъ рѣшетиловскимъ сотникомъ; козами были и дѣти ихъ. Потомство этихъ Марковичей въ нѣкоторыхъ линіяхъ измѣнило фамилію: такъ потомки Богдана стали Богдановичами (вѣроятно, извѣстный и нынѣ малорусскій родъ), потомки Григорія съ фамиліей Марченко жили въ константиноградскомъ уѣздѣ и затѣмъ переселились въ екатеринославскую губернію, гдѣ живутъ и нынѣ. Изъ дѣла видно, что родъ (Марченки) сталъ очень мелкопомѣстнымъ; но все же въ дворянствѣ онъ былъ признанъ.

Замѣтимъ здѣсь, что указанный родъ Марковичей считалъ себя вышедшимъ изъ Чигирина, т. е. для конца XVII в. изъ польскихъ владѣній; такое же происхожденіе приписывалъ себѣ и еще

одинъ родъ Марковичей, искавшій дворянства въ 1837 г.; этотъ родъ производилъ себя отъ Карпа Марковича, выходца изъ Польши въ Черниговъ, гдѣ, судя по документамъ, онъ жилъ въ 1681 г.; сынъ его Иванъ былъ войсковымъ товарищемъ, внуки бунчуковыми товарищами и пр. Лицо, искавшее дворянства, жило въ г. Енотаевскѣ, астраханск. губ.

Въ Черниговщинѣ въ концѣ XVII в. знаемъ и еще родъ Марковичей, происхожденіе котораго не извѣстно. Лица изъ него, искавшія дворянства тоже въ 1837 г., показали предкамъ Якова Марковича, обывателя стародубскаго, который въ универсалахъ гетмана Самойловича называется паномъ; самый ранній универсалъ 1673 г.; имъ жалуется Якову Марковичу млинъ на р. Човпнѣ. Здѣсь Яковъ Марковичъ осадилъ село Човпню, которое и наслѣдовали его потомки, сперва бывшіе войсковыми товарищами Марковичами, потомъ, ставшіе въ отличіе отъ другихъ Марковичами—Човплянскими, и наконецъ просто Човплянскими, причемъ они очень измельчали, захудали и превратились въ простыхъ козаковъ; дворянство ихъ было признано.

По всей вѣроятности указанный выше Яковъ Марковичъ есть то самое лицо, которое въ 1667 г. было войтомъ стародубскимъ (см. Ист. стат. оп. черн. епарх. VII, стр. 100).

Въ Стародубьи же встрѣчаемъ въ XVII в., даже въ первой половинѣ, шляхтича Марковича, владѣльца с. Синина (см. Опис. Стар. Малор. вып. I, стр. 142).

Затѣмъ въ 1691 г. при размежеваніи земель Бречицкаго монастыря (въ 4 верстахъ отъ м. Березны) въ числѣ сосѣднихъ обывателей былъ панъ Василій Марковичъ, есаулъ полка черниговскаго (Ист. ст. опис. черн. епар. IV, 175—176 примѣч.); а въ церкви с. Локотки, глух. уѣзда, есть синодикъ, начатый въ 1704 г. при пресвитерѣ Иванѣ Марковичѣ (Зап. черн. губ. стат. комм. 1866 г. кн. I, стр. 158). Въ синодикъ этотъ внесены для поминанія гетманъ Иванъ Ильичъ Скоропадскій, жена его Анастасія Марковна и дочь ихъ Іульянія Ивановна Толстая. Это могло бы служить доказательствомъ принадлежности локотковскаго священника

къ тому роду Марковичей, изъ котораго была и гетманша (что одинъ изъ Марковичей былъ пресвитеромъ, это встрѣчаетъ себѣ аналогію и среди весьма многихъ малорусскихъ родовъ); но съ другой стороны гетманскую семью и безъ того могли поминать въ малорусской деревенской церкви, да еще и возлѣ Глухова, гдѣ она легко могла пользоваться гетманскою благотворительностью.

Всѣ приведенныя выше указанія достаточно объясняютъ существованіе весьма многихъ Марковичей, не принадлежащихъ къ роду Марка Аврамовича, даже изъ живущихъ нынѣ въ Черниговщинѣ или въ Полтавщинѣ (см. напр. нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые есть въ черниговской дворянской книгѣ); иные могли получить дворянство поздно, путемъ выслуги, какъ это произошло въ 1830 г. съ роменскимъ повѣтовымъ врачемъ Филиппомъ Ивановичемъ Марковичемъ, происходившимъ изъ малорусской шляхты и дослужившимся до статскаго совѣтника; отъ него пошолъ особый родъ Марковичей (дѣло въ Департаментѣ Герольдіи). По адрессъ-календарямъ встрѣчается Марковичей и Маркевичей весьма много.

Можемъ привести нѣсколько указаній на малорусскихъ Марковичей даже первой половины XVII в., но, по нашему мнѣнію, они не принадлежатъ къ роду Марковичей, а просто каждый изъ нихъ имѣлъ отцомъ какого либо Марка. Такъ козакъ войска запорожскаго Андрей Марковичъ пожертвовалъ 14 сентября 1600 г., вмѣстѣ съ товарищами (изъ коихъ одинъ—Петръ тоже, кажется, Марковичъ) евангеліе въ переяславскую Воскресенскую церковь (Максимовичъ соч. I, стр. 318); въ дневникѣ Окольскаго подъ 1638 г. упоминается козачій сотникъ каневскій Петро Марковичъ (Лѣт. Сам. Величка т. IV, прилож. стр. 283); въ лѣтописи Грабянки подъ 1650 г. въ числѣ пословъ Богдана Хмельницкаго къ королю Яну Казимиру названъ козакъ Марковичъ, пожалованный королемъ въ шляхетское званіе, что, впрочемъ, тогда въ глазахъ козаковъ значенія еще не пріобрѣло (Лѣт. Григ. Грабянки К. 1853 г. стр. 88). Къ этимъ козакамъ, имѣющимъ отчество Марковичъ, могли бы подойти и дѣти названныхъ выше Марка Пекарина зятя и Марка козацкаго черкасскаго полковника, если только у нихъ были дѣти.

Въ концѣ XVII и въ XVIII в., когда малорусскіе Марковичи стали историческими дѣятелями, по прежнему встрѣчаются въ правобережной Малороссіи, и особенно на Волыни самые разнообразные Марковичи—Маркевичи, и православные, и уніаты (т. е. раньше все же православные), и католики: такъ въ 1697 г. одинъ изъ Марковичей былъ панцырнымъ бояриномъ въ волынскомъ имѣніи кн. Доминика Шуйскаго (Арх. Ю. З. Р. ч. 3, т. II, стр. 350); въ 1710 г. Остапъ Маркевичей былъ бургомистромъ г. Выжвы въ ковельскомъ староствѣ на Волыни (ibid. ч. 5, т. I, стр. 239)[1]).

Въ половинѣ XVIII в. знаемъ каменецкихъ мѣщанъ Александра, Андрея и Михаила Маркевичей, изъ которыхъ первый игралъ въ г. Каменцѣ выдающуюся роль, былъ райцею и войтомъ[2]). Уніатомъ былъ Михаилъ Маркевичъ, пребендарій коденскій, можетъ быть родственникъ переселившихся въ лѣвобережье Марковичей, судя по отношенію къ Супрясльскому монастырю, которому онъ далъ 500 łymfów, съ тѣмъ чтобы еженедѣльно по средамъ у алтаря св. Іосафата мученика въ отпущеніе грѣховъ жертвователя, до самой смерти его, служилась обѣдня, а послѣ его смерти отслужено было по душѣ его 250 заупокойныхъ обѣденъ. Запись объ этомъ почерка XVIII в.. находится на 7 стр. Супрясльскаго синодика. (Рукопись № 89 въ Виленск. публ. библіотекѣ; она зачеркнута—вѣроятно потому, что обязательство было монастыремъ выполнено).

Наконецъ въ XIX в. знаемъ Маркевичей (православныхъ) изъ правобережья, принадлежащихъ къ духовному сословію, напр. Григорія Маркевича, статьи котораго помѣщались въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, Арсенія Ивановича Маркевича, автора изслѣдованія о Крыжаничѣ и другихъ[3]).

---

[1]) Въ указателѣ къ изданіямъ Кіев. Комм. для разбора древн. актовъ т. I К. 1878 г. упомянуты и дворяне Марковичи, но по ссылкѣ ихъ не оказывается. Есть здѣсь и еще указанія на Марковичей и Маркевичей.

[2]) См. названный выше указатель, но Андрея и Михаила надо искать подъ словомъ: Маркевичи, мѣщане каменецкіе.

[3]) Въ 1869 г. около м. Турова въ д. Черничахъ былъ крестьянинъ *Авраамъ* Тихонов. Маркевичъ—Сборн. Чубинскаго т. VI, стр. 330—331.

Можетъ быть отъ какихъ либо волынскихъ, кіевскихъ, или подольскихъ Марковичей, впослѣдствіи ополячившихся, принявшихъ католичество и нобилизированныхъ, пошли и нынѣ существующіе въ западной Россіи и Польшѣ дворяне Маркевичи, герба Лебедь; хотя собственно шляхтичи Маркевичи извѣстны въ Рѣчи Посполитой, кажется, съ XVII в.; такъ какой то Марковичъ, чуть ли не жмудинъ, былъ въ хотинской войнѣ, т. е. въ 20-хъ годахъ XVII в., товарищемъ въ ротѣ Самуила Паца (Wolff Pacowe стр. 90); панъ Янъ Маркевичъ былъ весною 1634 г. старостою виленскимъ (Восходъ 1887 г. № 4. Бершадскій стр. 72); какой то Маркевичъ подписалъ элекцію короля Яна Казимира [1]). Католиками были и недавній владѣлецъ с. Ягорлыка, балтскаго уѣзда, подольск. губ., М. М. Маркевичъ, бывшій въ г. Одессѣ мировымъ судьею, и братъ его, извѣстный романистъ Болеславъ Михайловичъ, перешедшій, впрочемъ, въ православіе.

Но въ Рѣчи Посполитой были не только Маркéвичи, но и Марковичи, даже католики и, какъ это видно изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Департамента Герольдіи, такихъ было не мало родовъ; затѣмъ въ львовской университетской библіотекѣ сохранилась очень важная для исторіи края Księga sklepowa Iana Markowicza, kupca korzennego i ławnika miasta Krakowa, подробно описанная д-ромъ Кубалою (см. его Szkice historiczne, serya druga, Lwów 1881 г., стр. 293—323). Этотъ краковскій купецъ Янъ Марковичъ жилъ въ XVII в. (1613—1686 г.); отецъ его—тоже Янъ Марковичъ, былъ мѣщаниномъ краковскій, а одинъ изъ сыновей былъ капелланомъ въ г. Луцкѣ—на Волыни.

Въ той части Малороссіи, которая принадлежала Россійской Имперіи, и въ Запорожьи встрѣчаемъ обособленныхъ, повидимому, Марковичей въ 30-хъ годахъ XVIII в., т. е. когда дѣти и нѣкоторые изъ внуковъ Марка Аврамовича были уже замѣтными лицами

---

[1]) Какіе то Маркевичи оказались родственниками Мартина Лютера! у нихъ въ теченіи 200 лѣтъ сохраняется его обручальное кольцо, которое въ концѣ 1886 г. было выставлено въ Варшавѣ (Новости 1886 г. № 336, 1-е изданіе).

въ Малороссіи [1]). Таковъ былъ іеромонахъ, а потомъ намѣстникъ Кіево-Межигорскаго монастыря Павелъ Марковичъ (Маркевичъ), живавшій и въ Запорожьи, и вообще въ предѣлахъ нынѣшней екатеринославской епархіи (см. Историч. обозр. правосл. христ. церкви въ предѣл. нынѣшн. екатериносл. епархіи Ек. 1876 г., стр. 42—43; Скальковскій Ист. Нов. Сѣчи ч. I изд. 3, стр. 131; Историч. очерки изд. Ал. Андріевскимъ вып. 9, стр. 76 и д.). Этотъ Павелъ Марковичъ выкрестилъ еврея, который принялъ его фамилію и сталъ Иванъ Марковичъ Перехристъ (Андріевскій l. c.); онъ потомъ былъ въ Запорожьи; по крайней мѣрѣ въ 1748 г. встрѣчается запорожецъ Иванъ Марковичъ (Скальковскій op. cit. стр. 261).

Но среди евреевъ были, да и теперь есть свои Марковичи. Уже въ 1648 г. Самуель Марковичъ былъ старшиною виленской еврейской общины (Восходъ 1887 г. № 7—8, стр. 105); во время коронаціоннаго сейма 1669 г. король Михаилъ (Вишневецкій) утвердилъ за евреями извѣстныя права и преимущества въ Польшѣ, причемъ во вступленіи сказано, что это сдѣлано отчасти вслѣдствіе покорной просьбы невѣрнаго Мойсея Марковича, генеральнаго еврейскаго синдика, уполномоченнаго еврейскими общинами королевства. Съ другой стороны намъ извѣстны и нынѣ евреи Марковичи въ Одессѣ. По объясненію знакомыхъ евреевъ эти новые еврейскіе Марковичи—въ большинствѣ случаевъ собственно Мордковичи; но, для благозвучія, они смѣнили свое прозвище на сходную и притомъ довольно извѣстную фамилію, что у евреевъ практиковалось постоянно.

Сообщивъ о Марковичахъ—Маркевичахъ такъ много фактовъ, къ какимъ же результатамъ можемъ мы прійти относительно вопроса о происхожденіи извѣстныхъ малорусскихъ Марковичей? Очевидно,

[1]) Въ Дневникѣ Ханенка стр. 468—469 упоминается Антоній Михайловичъ Марковичъ, управитель имѣніями графа Петра Ив. Шувалова. Зная о роли малороссовъ въ С. Петербургѣ при И. Елисаветѣ Петровнѣ, мы полагали, что этотъ Марковичъ изъ рода Марка Аврамовича, но тамъ ему нельзя найти подходящаго мѣста. Судя по имени Антоній, а не Антонъ, не былъ ли онъ изъ западной Руси?

этотъ вопросъ еще рѣшенъ быть не можетъ; но наиболѣе вѣроятнымъ кажется намъ предположеніе, что эти Марковичи происхожденія сербскаго и что предки ихъ въ XVI в., или въ самомъ началѣ XVII в. поселились на Волыни, откуда Марковичи и распространились въ разныя стороны, причемъ одна вѣтвь переселилась въ Прилукщину, гдѣ отъ Якуба Марковича и сына его Адама и пошли исторически извѣстные Марковичи; послѣднее, полагаемъ, почти несомнѣннымъ. Мнѣніе же о еврейскомъ происхожденіи Марковичей считаемъ не болѣе, какъ гипотезою, причины возникновенія которой указаны нами выше.

Алексѣй Маркевичъ.

Одесса 21 декабря 1889 г.

И. Зозули, Н. Θ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Θ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Грпнцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Θ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Θ. Н., Проф. Н. Θ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Θ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**